

Монахиня ЕЛЕНА

ПРОФЕССОР ПРОТОИЕРЕЙ СЕРГИЙ БУЛГАКОВ (1871—1944)

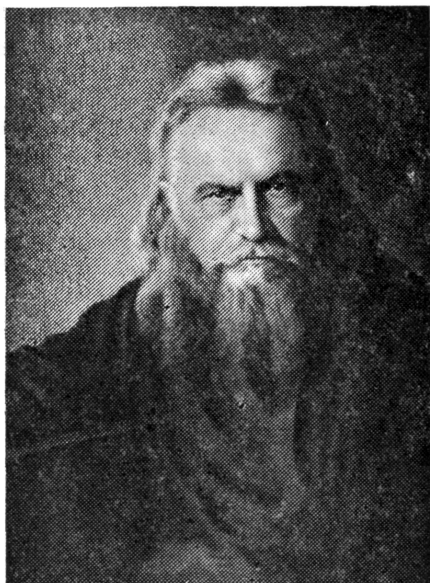
ОТ РЕДАКЦИИ

В русском православном богословии труды протоиерея Сергия Булгакова занимают совершенно особое место. Ввиду того, что большая часть из них написана была в эмиграции, нашим богословам они мало известны. За рубежом эти труды представляются как весьма значительный современный вклад в православное богословие. Особенно часто на богословские концепции протоиерея Сергия Булгакова ссылаются современные экуменические деятели. Необходимо знать, что некоторые богословские концепции протоиерея Сергия Булгакова не только расходятся с православным догматическим учением, но и осуждаются. Известно мнение по этому вопросу Патриаршего Местоблюстителя Митрополита Сергия (Страгородского). Богословы Русской Православной Церкви, несомненно, со временем дадут обоснованную оценку всей системе богословских взглядов протоиерея Сергия Булгакова.

В сочинениях протоиерея Сергия Булгакова находится много новых интересных богословских понятий, и поэтому нашим богословам настоящая статья поможет живее представить себе сложный жизненный путь протоиерея Сергия Булгакова, формирование его богословских взглядов. В статье мало критических оценок богословских взглядов протоиерея Сергия Булгакова, но его жизненный путь и богословские искания показаны очень ярко. Протоиерей Сергий Булгаков любил Россию и Русскую Православную Церковь, и его духовное влияние на его окружение хорошо показано в статье. Мы надеемся, что данная работа поможет нашим современным богословским и экуменическим деятелям систематически познакомиться с большим ученым наследием покойного протоиерея Сергия Булгакова. Его яркий философский талант и отсутствие школьной семинарской подготовки способствовали возникновению оригинальных богословских идей, которые выходили за рамки общепринятых церковных понятий. Эта работа приготовлена автором в связи с сорокалетием кончины протоиерея Сергия Булгакова.

М. А.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Протоиерей Сергей Булгаков, профессор догматического богословия в Православном Богословском институте в Париже, доктор церковной истории — православный русский мыслитель и богослов XX в.

Пройдя в молодости сложный путь идейных исканий, после углубленного изучения философии, основ культуры, истории религий и сущности первохристианства, Булгаков определил свое духовное призвание в священстве. Оно стало центром его жизни, стимулом его духовного восхождения. Черпая творческое вдохновение в богослужении, слове Божиим и в традиции Православной Церкви, он оставил богословское наследие, посвященное основным христианским проблемам.

Наравне с богословскими трудами он вел многогранную экуменическую деятельность: был одним из инициаторов и энергичных организаторов экуменического движения среди англикан и протестантов, пламенным проповедником, плодотворным писателем в области важнейших экуменических проблем.

Несмотря на свою напряженную духовно-интеллектуальную работу, протоиерей Сергей Булгаков был всегда обращен к миру, к его духовным, культурным и практическим нуждам, чутко реагировал на человеческие страдания. Это особенно ярко выразилось в годы второй мировой войны. Живя в Париже, занятом фашистами, лишившими его голосовых связок, он не волновался за свою личную судьбу и готов был перенести любые страдания, которые выпадут на его долю. Но отзывчивое сердце отца Сергея с великим трудом переносило страдания людей, обреченных фашистами на гибель. И он вдохновлял своих духовных детей на самоотверженное служение страждущим людям. Его духовная дочь — мать Мария (Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева) вместе со своим юным сыном Юрием, друг и сподвижник, духовный сын отца Сергея — священник Дмитрий Клепинин отдали все свои силы, всю свою самоотверженную любовь и энергию на защиту людей, и особенно детей, от злодеяний фашизма. Они бесстрашно боролись — наравне с участниками французского Сопротивления — вплоть до своей героической смерти в фашистских лагерях.

Поэтому с глубоким удовлетворением воспринят людьми доброй воли вышедший 7 мая 1985 г. «Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями СССР соотечественников, участвовавших в антифашистской борьбе во Франции в годы второй мировой войны». Среди награжденных (посмертно) за мужество и отвагу, проявленные в этой борьбе, орденом Отечественной войны II степени отмечена мать Мария — Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева.

Протоиерей Сергей Булгаков с напряженным вниманием следил на протяжении всей войны за ходом событий на Отечественном фронте, горячо молился о благополучном спасении своей Родины, переживал с искренней радостью и патриотическим подъемом ее ратные успехи. Но не суждено ему было дожить до великой Победы: он скончался за 9 месяцев до конца войны.

1. Детство. Истоки формирования личности и духовного призвания

Детство — это неповторимый, ни с чем не сравнимый период человеческой жизни, когда чистая душа доверчиво открыта благодатным воздействиям Духовного Мира и непосредственно воспринимает красоту и любовь. Впечатления и переживания детства часто предопределяют будущее направление и содержание человеческой жизни. Это особенно типично для глубоких и незаурядных натур.

Протоиерей Сергей Николаевич Булгаков родился 16 июня (стар. ст.) 1871 г. в древнем историческом городке Ливны Орловской губернии, расположенном на высоком берегу реки Сосны. Его отец — протоиерей Николай Васильевич Булгаков — был кладбищенским священником в Ливнах и принадлежал к исконному священническому роду. Отец Сергей унаследовал «левитскую» кровь шести поколений, восходящих примерно к эпохе Иоанна Грозного.

Отец Николай был смиренным и скромным священником, прослужившим 47 лет в своей кладбищенской бесприходной церкви с каждодневным служением, на панихидные гроши вскормившим и воспитавшим всю семью (семь человек детей, из которых осталось в живых только двое). В молодости он учился в семинарии. Главным достоинством отца Николая была его добросовестность и ответственная точность во всех делах.

Мать отца Сергея — Александра Косминична Азбукина — любила читать, особенно стихи, но по причине недостаточной образованности круг ее знаний был ограничен. В основном ее силы и время были посвящены семье.

Родители отца Сергея были проникнуты церковной верой с простотой и наивной цельностью, которая не допускала никакого вопроса и сомнения, а вместе с тем никакой вольности и послаблений. Типикон был домашним уставом в постах и праздниках, богослужениях и молитве. Дети любили храм и благолепную красоту богослужений.

Отец Сергей унаследовал от матери поэтичность и окрыленность души, но у него духовный полет был неизмеримо высшего порядка и граничил, можно сказать, с вдохновенным пророческим духом.

Соединение в его натуре контрастных свойств характера, наследственных по отцовской и материнской линиям, проявлялось в видимой внешней замкнутости и даже суровости отца Сергея, вызванной, по существу, лишь врожденной застенчивостью, под которой скрывались искренняя теплота и чуткость сердца. Эта деликатная застенчивость явилась впоследствии причиной того, что отец Сергей, принявший священство исключительно ради служения, то есть по преимуществу совершения литургии, был лишен своего собственного храма на протяжении всего своего пастырского служения. Он всегда сослужил архиереям или настоятелям, иногда имел лишь случайные службы, но во всяком случае не в великие праздники. Он никогда «не знал церковной заботы со стороны епископов» относительно его постоянного места служения. И это положение было для него «самым тяжелым крестом и скорбью на путях священства» (315, с. 53—54).

С другой стороны, благодаря природному сочетанию ответственности, открытости и благодатных озарений отец Сергей никогда не шел ни на какие компромиссы в своем богословствовании и проповеди, в которых он с одинаковой силой проявлял свободу духа и благоговение перед Богом, смирение и дерзновение. В этой области он был поистине неутомимым борцом и глашатаем, призывающим Церковь не оставлять «первой любви своей» и «творить прежние дела», чтобы «не сдвинул Господь свечильника ее» (Откр. 2, 4—5). Все богословие отца Сергея есть пламенный призыв к преодолению теплохладности, рутины и духовного рабства, призыв к возрождению в Церкви и в жизни огненного духа и мужества первохристианского, высоких традиций мудрости и свободы патристической эпохи, призыв к глубокому пониманию смысла истории и культуры, которые должны активно соучаствовать в приуготовлении и встрече грядущего Царства Христа.

Поэтому так близок был отцу Сергию святой Иоанн Богослов — Апостол любви и «сын громов». Всей своей жизнью, богословским творчеством и церковным служением отец Сергей осуществлял слова апостола Павла: «Духа не угашайте» (1 Фес. 5, 19). И этот огонь, и свет, и любовь были зажжены еще в детской душе Сергея в Ливенской церкви и сокровенно жили в нем на протяжении всей его жизни.

Отец Сергей развился и вырос под кровом Сергиевского храма, который он полюбил всем сердцем, вдохновляясь его красотой, и это навсегда определило его природу. Этот храм сохранился еще с давних времен татарских нашествий, когда в Ливнах была крепость. Он представлял собой остаток старинного монастыря и был построен в древнем стиле наподобие удлиненной базилики. «Сергиевская церковь была прекрасна, — вспоминает отец Сергей, — тихой и смиренной красотой... Вокруг — колокольни с разными звонами, ближними и дальними. Это была благородная музыка, которую освящался воздух и неприметно питалась душа» (315, с. 10). Эта церковь была для отца Сергея «родиной его родины, ее святыней». Здесь неприметно для него самого зародилось в нем духовное призвание. С раннего детства благочестивый, он впитывал духовное благоухание церковных богослужений, особенно литургии, прикасался в моменты благодатных озарений к мистическому опыту Церкви. И эти неизреченные переживания хранились в сокровенных глубинах его души, лишь временно приглушаясь в юношеский период его жизни, чтобы с новой силой властно зазвучать впоследствии и заставить его навсегда вернуться в лоно Церкви.

В его памяти сохранился светлый образ отца, совершавшего с детским восторгом таинство Евхаристии в Пасхальную ночь, запечатлелось в сердце пение двух ливенских «столпов церковной эстетики» — прекрасного благородного баса и музыкального задушевного тенора. Его детская «душа уходила тогда в небеса, горела, горела и трепетала в Божественном сиянии; Премудрость Божия смотрела в душу во Славе Своей» (315, с. 13).

А много, много лет спустя сам отец Сергей оставлял неизгладимый след в душах молящихся в храме Сергиевского подворья в Париже, когда служил утреню и литургию в Пасхальную ночь, сияющий, вдохновенный, устремленный всем существом к Воскресшему Христу.

Вспоминая рождественские и крещенские службы в Ливнах, холодную церковь, мороз и звезды, отец Сергей пишет: «Словно хоровод не-

бесных светил, зажжены были в душе эти звезды, и они не могли погаснуть, ...но всегда они звали к Небу» (315, с. 16—17).

Так неистребимо входили в душу Сергия вдохновенные религиозные переживания детства, определившие навсегда его священническое призвание.

Детство отца Сергия отмечено и рядом других впечатлений и чувств, которые ярко отразились в его богословском творчестве. В Сергиевском храме в праздник Успения Божией Матери благодетельный мальчик вдыхал благоухание от гроба Пречистой вместе с ароматом возложенных на него цветов. Он «любил и чтил больше всего в жизни некричащую, благородную скромность и правду, высшую красоту и благородство целомудрия» (315, с. 8). И эта чистота, впитанная глубинами детской души, позволила отцу Сергию впоследствии создать замечательные по своей духовной и художественной красоте образы Пречистой Девы Марии и святого Иоанна Предтечи, раскрыть во всей полноте и силе подвиги их смирения и целомудрия: «Купина Неопалимая» (164) и «Друг Жениха» (165).

«Ничего у нас не было в детстве из области культуры,— вспоминает отец Сергей,— ни музыки, ни другого искусства, которого так жаждала душа. Но она была полна, потому что все дано было в церкви, истина через красоту и красота в истине» (315, с. 15).

«Вместе с церковью я воспринял в душу и народ русский..., как свое собственное существо,— пишет отец Сергей.— Родина — святыня для всякого..., она всегда дорога и прекрасна. И моя родина есть прекрасный дар Божий, благословение и напутствие на всю жизнь... Поистине родину можно — и должно — любить вечною любовью. Это не только страна, где мы впервые вкусили сладость бытия; это — гораздо большее и высшее; это страна, где нам открылось небо, где нам виделось видение лестницы Иаковлей, соединяющей небо и землю» (315, с. 8, 14, 23). И это видение стало первоисточником, из которого зародился впоследствии одухотворенный труд отца Сергия, посвященный Ангельскому миру, под заглавием «Лествица Иаковля» (183).

«Образ существования человека дается в его рождении и родине..., — утверждает отец Сергей.— Нужно особое проникновение и, может быть, наиболее трудное и глубокое, чтобы познать самого себя в своей природной индивидуальности, уметь полюбить свое, род и родину, постигнуть в ней самого себя, узнать в ней свой образ Божий» (315, с. 7). И отцу Сергию дано было осуществлять это на протяжении всего подвига его жизни.

Укорененность отца Сергия с самого детства в русской действительности, в стихии Православия и русской жизни создали ту «почвенность», которая всегда характеризовала личность, жизнь, пастырское служение и творчество отца Сергия. «Здесь я определился как русский сын своего народа и матери русской земли, которую научился чувствовать и любить на этой горке преп. Сергия» (315, с. 15).

Мальчик Сергей жил в благодатной атмосфере дома, как будто продолжавшего собою храм; он с детства почувствовал неразрывную связь между религиозным исповеданием и его осуществлением в личной и общественной жизни. Вдохновение на этом пути он черпал в действиях отца, деда и в подвигах людей первохристианской эпохи, которая навсегда осталась в центре его внимания и любви. И это наложило не-

изгладимый отпечаток на весь внутренний облик отца Сергия — мужественный и стойкий, дерзновенный в вере, детски доверчивый по отношению к Богу, всегда смиренно и добровольно приемлющий Его святую волю, безгранично любящий и преданный Христу, пламенный, с духовно-орлиным полетом, возносящим его к созерцанию и постижению тайн Божественной жизни.

Вместе с идеалами первохристианства отец Сергий с ранних лет впитал и образы православной святости, прежде всего, преподобного Сергия Радонежского в его простоте и смирении, соединенных с горением и дерзновением. Именно эти черты унаследовал отец Сергий от своего духовного покровителя. Горение, смирение и дерзвоние духа неизменно сопутствовали ему на протяжении всего творческого пути и пастырского служения. Невозможно забыть его вдохновенные проповеди в храме и доклады на различных конференциях, его лекции на апологетических курсах, беседы на религиозных семинарах и те мгновения, когда явно ощущалась нисходящая на него Божественная благодать. Речь отца Сергия лилась тогда огненно, вдохновенно, с невыразимой поэзией и духовной силой, раскрывая глубины и богатства Божественного Мира; в такие минуты менялся даже тембр его голоса, приобретающего звучание неземной красоты.

Наряду со смирением и горением великого угодника Божия аввы Сергия мальчик возлюбил и святость его общественного подвига, осознал его духовную мудрость в созидании русского национального единства. От него Сергий научился «народолюбию»; подвиги преподобного пробудили в нем первые переживания «социального покаяния». «Себя мы чувствовали все-таки привилегированными, как бы ни было в действительности скромно наше существование,— вспоминает отец Сергий свое детство,— и это сознание вносило острое чувство стыда и социального покаяния, хотя и бессильного... Народничество Сергия зародилось именно здесь» (315, с. 14—15). И поэтому неудивительно, что в юношеские годы, в поисках нравственных и общественных идеалов, Сергий Николаевич посвятил свои силы социальной проблематике.

Благодаря сочетанию мистических озарений, накопленных еще с детства, с интеллектуальной силой отец Сергий умел разграничить и сочетать в своем творчестве, с одной стороны, Божественные тайны, непостижимые для тварного человеческого сознания, которые он благоговейно относил к апофатическому богословию, и с другой стороны — проблемы, доступные человеческому постижению, то есть принадлежащие к области катафатического богословия, которые, с его точки зрения, подлежат свободному интерпретированию в Церкви, но обязательно в полной согласованности со словом Божиим, Священным Преданием и учением Церкви.

Для мальчика Сергия вся любимая им церковная жизнь была обрамлена жизнью природы. Благодаря этому он воспринял навеки свод небесный, распростертый над землей, и навсегда запала в душу тема — Небо и земля, Бог и мир, развившаяся впоследствии в целую богословскую систему «Богочеловечество», в основу которой была положена идея Премудрости Божией.

Воспоминания, связанные с детским узрением Софии, Премудрости Божией, лучше всего выразить словами самого отца Сергия: «При-

рода в Ливнах являлась царственно, тихо и прекрасно и приносила поэзию душе, будила в ней ее грезы. Как царица София, она являлась мне, вдохновляя и не объясняя, лаская и не утрашая, сокровенная в своей Красоте и прекрасная Ею. И детская душа навсегда услышала, узнала, возлюбила и отдалась этому видению. И все эти детские радостные грезы были осены небесной музыкой церковного звона. Наши Ливны были для меня Китежем» (315, с. 11).

В Сергиевской церкви душа маленького Сергия дышала красотой. Эта церковь несла в себе следы старинного стиля: «голубая с белыми колоннами, древняя ее часть была трогательная своей интимностью и прелестью; она и была — Сергиевская, и к ней была пристроена главная часть, с престолом Успения... Я не знал и не понимал тогда, — вспоминает отец Сергий, — что это был столь же Софийный храм, как и Успенский собор в Лавре; я не знал тогда, что я получил имя, был крещен и духовно рожден в Софийном храме, причтен к лику служителя Софии, Премудрости Божией... Я не знал, что все мои вдохновения, которым в будущем суждено было развиваться в целую богословскую систему, в корне своем были всеяны в душу Промыслом Божиим в этом умильном храме. Только теперь, в старости, я постигаю этот дар Божий» (315, с. 12). «Здесь я принял в сердце откровение Софии, здесь в мою душу была вложена та жемчужина, которую искал я в течение всей своей жизни, искал умом и сердцем, больше умом, чем сердцем, и когда обрел, то узнал ее, как сокровище, данное мне, как дар Божий в духовном моем рождении» (315, с. 13).

Эти воспоминания отца Сергия показывают, как незримо подготавливалась в нем с детства почва для богословия, неразрывно связанного с идеей Софии.

Таким образом, тема Софии не была философским или богословским вымыслом отца Сергия. Она была воспринята им как данность от Бога и как заданность перед Ним, которую он со всей ответственностью, усердием, смирением и дерзновением осуществлял на протяжении всей своей жизни.

Но это осуществление требовало от него непрерывного трудного подвига духовной борьбы, так как его учение о Софии подвергалось и до сих пор подвергается острой критике. И эта неизбежность борьбы ложилась непосильной тяжестью на душу отца Сергия, который — по наследственности от отца — был к ней не приспособлен и не расположен. По поводу такой вынужденной, но необходимой богословской самозащиты он писал: «Я всегда чувствую это как тяжелую, на меня извне как бы наложенную необходимость, связанность, бремя. Мне труден мой удел» (315, с. 19).

Совершенно особое место в детстве отца Сергия занимали переживания, связанные с откровением смерти. «Смерть была наша воспитательница в этом доме; как много было в нем смерти...» (315, с. 20). Прежде всех умер от паралича дедушка Сергия с материнской стороны — Косма Сергеевич Азбукин, чистый и благообразный старец, с ясным любящим сердцем и каким-то прирожденным духовным достоинством. Он был педагогом, хотя и светским, но до дна церковным. В своей жизни был безупречен и строг. Оставшись один, он посвятил себя всецело воспитанию дочери Саши — матери отца Сергия. Внуков он любил безгранично, но Сергия меньше, чем старшего его брата, из-за

его видимой суровости (которая на самом деле была застенчивостью). Он был как патриарх. С его кончиной смерть впервые вошла в детское сознание будущего богослова.

Умерли два любимых брата — Миша и Коля — и другие родные и близкие. Смерть младшего Миши, робкого и кроткого ребенка, погибшего от чахотки, была «святой и прекрасной». «Как ангел он был послан отряхнуть сокровище своей смерти в мою душу пред тем, как уйти из мира...» — пишет отец Сергей. — Но самая тяжелая рана была смерть Коли, прелестного, умного, одаренного мальчика в пятилетнем возрасте, общего любимца. Никогда не могу забыть этой кончины...» (315, с. 20—21).

Воспоминания о похоронах усопших овеваны духовным светом в душе отца Сергия: «Хорошо в Ливнах хоронили... И прежде всего никакого страха перед смертью... Особое вдохновение смерти входило в дом... Софийно хоронили: печать вечности, торжество жизни, единение с природой: земля еси и в землю отыдеши...» (315, с. 18).

Эти переживания смерти в период детства вошли в самые глубины души одухотворенного мальчика и позволили отцу Сергию впоследствии с глубокой искренностью назвать смерть не уничтожением жизни, а сокровенным «актом жизни». «Смерть, как момент в диалектике жизни, должна быть понята в свете грядущего воскресения, восстанавливающего прерванную жизнь, и в связи с тем неумирающим началом в человеке, которое живет и в загробном состоянии» (313, с. 383). Неудивительно поэтому, что проблеме смерти посвятил отец Сергей ряд своих вдохновенных произведений: «Проблема условного бессмертия» (277), «Софиология смерти» (384) и другие.

Переживания и постижения смерти вместе с безграничной любовью к Спасителю, захватившие душу отца Сергия с раннего детства, стали источником его обращенности к Грядущему Христу, его «эсхатологичности», которые нашли свое окончательное воплощение в глубоко разработанных им проблемах апокалиптики, грядущего «тысячелетнего Царства Христа» на земле, Парусии и эсхатологии с ее всеобщим воскресением и преображением мира в жизни будущего века, когда «будет Бог все и во всем» (1 Кор. 15, 28): «Невеста Агнца» (313), «Апокалипсис Иоанна» (321) и т. п.

Так сложилось детство отца Сергия, заронившее не одну жемчужину в его чистую и благородную душу, жаждавшую целомудренной Любви, Истины и Красоты.

2. Отрочество. Юношеские искания. Утрата веры

Воспитанный в благочестивых традициях пастырской семьи, одаренный отрок Сергей поступает в возрасте 10 лет в Ливенское четырехклассное духовное училище, а в 1884 г. — в Орловскую духовную семинарию. Здесь его ожидал религиозный кризис, положивший начало его трагической судьбе в течение многих лет.

Рано развившийся духовный и интеллектуальный критицизм его не удовлетворяется семинарской апологетикой. Встающие в процессе обучения религиозные вопрошания не находят убедительных ответов. Интеллектуальный примитивизм и формальная религиозность раздражают, становятся невыносимыми для правдолюбивого мальчика, обладающего

горячим сердцем и живым умом. Поэзия детских религиозных переживаний вытесняется прозой семинарской жизни. Отрок Сергей духовно томится, видя несоответствие между окружающим его образом религиозной жизни и его личными духовными и культурными запросами и идеалами. Свободолюбивый и искренний, он не может и не хочет мириться с «обывательством и духовным порабощением, которые изнутри проникали поры церковности, его окружавшей» (315, с. 26). В его душе растет потребность борьбы с религиозным формализмом семинарской жизни, с принудительным обрядовым благообразием. Продолжительные церковные службы уже не вызывают в его душе мистических переживаний, они утомляют, будят внутреннее противление и постепенно уводят от веры.

Вместе с тем возвышает свой голос и юная гордость, которая не хочет «разделить общий образ бытия, не хочет стать как все» (315, с. 26). Внутренний разлад все углубляется и переходит в религиозный кризис. Духовно цельный и мужественный, не мирящийся с компромиссами совести, 17-летний Сергей приходит к бесповоротному решению «бежать из семинарии, не откладывая и без оглядки» (315, с. 35), бежать в светскую сначала среднюю, а потом и высшую школу, где он сможет идейно служить людям, приобщаться к высотам человеческой культуры. Юный Сергей еще не в состоянии осознать, что в детстве его вера обогащалась благодатными озарениями и утверждалась на стихийно-мистических и эмоционально-эстетических началах, а не являлась прочным религиозным мировоззрением. Ему недостает того глубокого и живого, личного религиозного опыта, который дает непоколебимое и достоверное знание о Боге, более убедительное и непреложное, чем любые интеллектуально-логические доказательства. Надо пережить во всей глубине эту личную встречу с живым Богом, чтобы до конца постигнуть ее несокрушимую силу. Сергей еще не понимает, что с подвигом веры должно сочетаться и доверие к Промыслительной Любви Божией, не позволяющее «бежать» от трудностей и испытаний, а требующее мужественно и долготерпеливо бороться с ними в добровольном принятии воли Божией даже тогда, когда смысл испытаний еще не понятен. Этот смысл раскрывается в результате любви и доверия к Богу, в процессе внутренней борьбы, молитвенного единения с Богом и духовного возрождения. Сергей слишком горд и юн, чтобы постигнуть, что смирение перед Богом является не слабостью человека, а его духовной силой, которая увенчивается стяжанием благодати Святого Духа.

Итак, Сергей принимает решение уйти из семинарии. Однако на пути реализации этого плана сразу встают большие трудности: для родителей, и особенно для отца, это — глубокая драма; в семинарии стараются удержать одаренного юношу перспективами дальнейшего обучения в Духовной Академии. Но Сергия никто и ничто не может остановить. Будучи убежденным в своей правоте, подстрекаемый юным эгоцентризмом и свободолюбием, он непреклонен в своем решении. Нарушение намеченного плана расценивается им как малодушие и недопустимый компромисс. Идя на все жертвы, он, наконец, порывает в 1888 г. с семинарией и поступает в Елецкую гимназию, которую заканчивает через два года.

Этот период отмечен жгучей потребностью познания Истины и общения к культурной жизни, которой он был лишен в детстве и в се-

минарии. Но культура и доминирующее мировоззрение молодежи той эпохи характеризуются атеистическим гуманизмом с его самоутверждением человека, культом «научности», материалистическим миропониманием и остротой социально-политической проблематики. Попадая в вихрь этих новых течений и не имея религиозно-культурной закалки, юноша окончательно отрывается от родной почвы. Влекомый живой критической мыслью, склонный к науке и социальным идеалам, он с воодушевлением воспринимает настроения, господствовавшие в кругу молодой русской интеллигенции, увлекается идеей прогресса и становится непримиримым антимонархистом. Но от духовного порабощения юношескими увлечениями его удерживают врожденная одухотворенность, моральная принципиальность и пламенная любовь к литературе и искусству. Поистине, спасает его Бог, «испытующий сердца и внутренности» (Откр. 2, 23), зрящий скрытые корни веры даже в неверии Своего блудного сына и провидящий его будущее возвращение в Отчий Дом.

Понять сущность своеобразного неверия Сергея Николаевича, вникнуть в его юношеское мировоззрение и духовные переживания помогает его собственный самокритичный анализ, осуществленный в последние годы жизни. «Я оказался отрочески беспомощен перед неверием и в наивности мог считать (на фоне, конечно, и своего собственного отроческого самомнения), что оно есть единственно возможная и существующая форма мировоззрения для «умных» людей. Мне нечего было противопоставить и тем защититься от неверия. При этом те, довольно примитивные способы апологетики, вместе с не удовлетворявшими меня эстетическими формами, способны были содействовать этому переходу от Православия к... нигилизму. Словом, он совершился в какой-то кредит, умственно безболезненно, ребячески. Вероятно, я сразу испугался твердыни «научности», а вместе с тем сразу почувствовал себя польщенным тем, чтобы быть «умным» в собственных глазах. В этом была своя правда и честность, искание истины, хотя и беспомощное и ребяческое. Я сдал позиции веры, не защищая. Впрочем, моя вера и не была никогда ранее (да и не могла быть по моему возрасту) таким мировоззрением, которое допускало бы для себя и интеллектуальную защиту. Она была для меня жизнью, мироощущением, гораздо больше, чем учением, хотя, конечно, Святое Евангелие, некоторые жития святых (например, Марии Египетской) трогали сердце и исторгали из него сладкие звуки. Однако это был мой переход не от веры к неверию, но от одной веры к другой, имеющей для себя свои собственные святыни. Эта верность вере, призывание к вере и жизнь по вере (если и греховная даже в отношении к ней)... есть основной факт моей жизни, который мне хотелось бы установить и утвердить именно пред лицом моего неверия» (315, с. 29—31).

С тех пор Сергей Николаевич уже не мог вернуться в Православную Церковь, которая была когда-то такой любимой и родной. Помимо юношеской гордости, этому «мешал,—согласно его личному признанию,—зрак раба» исторической Церкви, ее «культурное убожество и историческая бескрылость» (315, с. 32). Одним из наибольших и непреодолимых для него соблазнов (не только политических, но и религиозных) была «связь Православия с самодержавием» (315, с. 28). Сергей Николаевич не мог и не хотел примириться с порабощенностью рус-

ской, и в частности церковной, жизни, характерной, как он полагал, для его эпохи. Эту непримиримость он считал «своей правдой», которую он обязан был отстаивать и которую он впоследствии частично оправдывал свое неверие.

Здесь необходимо понять и индивидуальные особенности Сергея Николаевича, который уже в юности проявлял зачатки интеллектуальной одаренности. Подобно тому как трудно богатому, по словам Спасителя, войти в Царство Небесное, так и человеку, обладающему интеллектуальными талантами, глубоким критицизмом и высокими эстетическими требованиями, но не имеющему достаточного религиозного опыта, что было характерно для юного Сергея, не менее трудно узреть под покровом видимого «культурного убожества и бескрылости исторической Церкви» подлинное ее величие и святость, которыми она богата была во все времена. Деяния исторической Церкви зримы для каждого, а подвиги святости ее чад осуществляются в незримом, сокровенном молчании. Сергей Николаевич был слишком юн духовно, чтобы постигнуть за пределами «зрака раба» эти подвиги святости и смирения, которые таят в себе могучую духовную силу, способную и «горы переставлять». Лишь впоследствии сила мысли отца Сергея перерастает в мощь духа, которая налагает неизгладимый отпечаток на его личность, жизнь и богословское творчество.

Итак, внутренняя потребность жить верой и «народолюбие», которому юный Сергей бессознательно научился от преподобного Сергея, побуждают его теперь окончательно увлечься социальной проблематикой, поверить в социальные идеалы и в культурный прогресс.

Перед Сергеем Николаевичем встает проблема: как самоопределиться в вопросе высшего образования? Природные дарования влекут его к философии, филологии, литературе, искусству; мировоззрение побуждает его посвятить себя изучению политической экономии и других смежных дисциплин. Сергей Николаевич остается верен себе. Стремление к познанию истины до самого конца и жажда единства между мировоззрением и жизнью, которую он воспринял еще в доме своего отца, побуждают его пойти на своеобразный подвиг: он приносит в жертву новому мировоззрению и свои таланты, и свою любовь к искусству, и врожденную целеустремленность. В 1890 г., в возрасте неполных 20 лет, он поступает на юридический факультет Московского университета и посвящает лучшие годы своей юности изучению чуждых его духовному складу наук: политической экономии, статистики и т. п. На первых порах новизна и логическая обоснованность диалектического метода исследования, будущие возможности творческого приложения своих богатых интеллектуальных и духовных сил увлекают студента.

В 1894 г. он оканчивает Московский университет и остается на два года при кафедре политической экономии и статистики для подготовки к профессорскому званию.

Однако, несмотря на избранный путь, идущий вразрез с врожденной религиозно-философской и литературной одаренностью, Сергей Николаевич остается до конца жизни верен своей любви к гуманитарным наукам и искусству. Его язык, даже в религиозно-философских и богословских трудах, звучит поэтично; его любовь к филологической изысканности и литературным тонкостям пронизывает все его творческое наследие.

3. Педагогическая работа в Москве. Первые научные труды. Духовные озарения. Женитьба

Закончен университет. Впереди несколько свободных летних дней, затем педагогическая работа в Москве — интересная, увлекательная — и долгожданный самостоятельный научный труд... Но на душе нет радости, нет мира, не утихает внутренняя тревога, и лишь изредка едва слышно звучат отголоски давних поэтических грез и воспоминаний. По мере того, как потухает свет детства, воцаряются серые сумерки в душе...

Сергей Николаевич, в возрасте 24 лет, едет на Кавказ. И вдруг неожиданно, как вспоминает он, «завучали в душе таинственные зовы, и ринулась она к ним навстречу»...

«Вечерело. Ехали южной степью, овеянные благоуханием медовых трав и сена, озолоченные багрянцем благостного заката. Вдали синели уже ближние Кавказские горы. Впервые видел я их,— говорит Сергей Николаевич.— И, впивая в себя свет и воздух, внимал я откровению природы. Душа помимо собственного сознания не мирилась с природой без Бога. И вдруг в тот час заволновалась, зародовалась, задрожала она: а если есть... Он, благой и любящий Отец, Его риза, Его любовь... Сердце колотилось под звуки стучавшего поезда, и мы неслись к этому догоравшему золоту и к этим сизым горам. И я снова старался поймать мелькнувшую мысль, задержать сверкнувшую радость... А если... если мои детские, святые чувства, когда я жил с Ним, ходил перед лицом Его, любил и трепетал от своего бессилия к Нему приблизиться, если мои отроческие горения и слезы, сладость молитвы, чистота моя детская, мною осмеянная, ..если все это правда?.. Но разве это возможно, разве не знаю я еще с семинарии, что Бога нет, ...могу ли я в этих мыслях признаться, даже себе самому, не стыдись своего малодушия, не испытывая панического страха перед «научностью»?..

...Закат догорал. Стемнело. И То погасло в душе моей вместе с последним его лучом, так и не родившись,— от мертвости, от лени. Бог тихо постучал в мое сердце, и оно расслышало этот стук, дрогнуло, но не раскрылось... И Бог отошел» (131, с. 7—8).

Скоро забылись светлые переживания степного вечера...

Москва. 1895 год. Начинается педагогическая деятельность Сергея Николаевича: он — преподаватель политической экономии в Московском техническом училище. Красноречивый, логически последовательный, обладающий даром точной научной речи, он ведет преподавание на высоком уровне.

В 1896 г., когда Булгакову исполняется 25 лет, выходит в свет его первая научная статья «О закономерности социальных явлений» (1). В 1897 г. появляется его теоретический этюд «О рынках при капиталистическом производстве» (2), а затем две статьи: «Закон причинности и свобода человеческих действий» (3), «Классическая школа и историко-этическое направление в политической экономии» (4), свидетельствующие о своеобразном направлении молодого социолога.

В том же году Сергей Николаевич сдает магистерский экзамен и, как молодой, многообещающий ученый, получает в 1898 г. двухлетнюю командировку за границу — сначала в Германию, затем в Париж и Лондон — для продолжения научной работы и подготовки к званию профессора.

Но чем напряженнее шла в эти годы неутомимая научная работа Сергея Николаевича, тем интенсивнее разгорался пламень сердца, жаждавшего Горнего мира, красоты природы, живого общения с ними. И перед поездкой в Германию Сергей Николаевич снова едет на юг.

И вот вскоре опять зазвучало «То, но уже громко, победно, властно. И снова вы, о горы Кавказа! — вспоминает впоследствии отец Сергей. — Я зрел ваши льды, сверкающие от моря до моря, ваши снега, алеющие под утренней зарей; в небо вонзились эти пики, и душа моя истаявала от восторга. И то, что на миг лишь блеснуло, чтобы тотчас же погаснуть в тот степной вечер, теперь звучало и пело, сплетаясь в торжественном дивном хорале. Передо мной горел первый день мироздания. Все было ясно, все стало примиренным, исполненным звенящей радости. Душа просила радостно, восторженно изойти в то, что высылось, искрилось и сияло красотой первоздания. Но не было слов, не было и м е н и, не было «Христос Воскресе!», воспетого миру и горным высям. Царило безмерное и властное Оно, и это «Оно» фактом бытия своего, откровением своим испепеляло в этот миг все преграды. Но жизнь дала новый поворот, духовные ощущения стали превращаться во впечатления туриста, и тонкой пленкой затягивалось пережитое.

Но то, о чем говорили мне в торжественном сиянии горы, вскоре снова узнал я в робком и тихом девичьем взоре у новых берегов, под иными горами. Тот же свет светился в доверчивых, кротких, полудетских глазах, полных святыни страдания. Откровения любви говорили об ином мире, мною утраченном» (131, с. 8). Эта девушка, поразившая Сергея Николаевича своим духовным обликом, была одаренным литератором — Еленой Ивановной Токмаковой, ставшей 14 января 1898 г. его женой.

4. Командировка в Германию. Увлечение Кантом и Шеллингом. Встреча с «Сикстинской Мадонной»

В Германии Булгаков пишет свою магистерскую диссертацию — фундаментальный труд «Капитализм и земледелие» (7). В то же время он публикует на родине две статьи: «О некоторых основных понятиях политической экономии» (1898 г.) (5) и «К вопросу о капиталистической эволюции земледелия» (1899 г.) (6).

Общее знакомство с жизнью и общественными интересами Европы, особенно во Франции и Англии, вносит в душу Булгакова элементы разочарования в культуре Запада. Но два года пребывания в Германии сыграли существенную роль в формировании мировоззрения и в жизни Сергея Николаевича. Исключительно одаренный способностью к философскому мышлению, он глубоко изучает немецкую философию, горячо увлекается Кантом, его критицизмом и мировоззрением Шеллинга. Эти занятия накладывают неизгладимый отпечаток на философскую мысль Булгакова. Следы увлеченности немецкой философией можно обнаружить в его творчестве на протяжении многих лет.

В ту эпоху «весь комплекс многоцветной и многообразной европейской культуры слишком часто воспринимался русской интеллигенцией в его немецком преломлении, — пишет Л. А. Зандер (401, с. 24—26), — и отсюда та гегемония германского духа, которая неизменно давала себя чувствовать в творчестве русских мыслителей: и тогда, когда они

ей подчинялись, и тогда, когда они с нею боролись. Поддался этому одностороннему влиянию и Сергей Николаевич... Германия преследовала его во всех областях его творчества и властно требовала своего преодоления; а это было связано с огромной научной и литературной работой, в которой легко было утратить общеевропейскую перспективу и забыть, что немецкая наука составляет только часть, и притом не главную, в духовной сокровищнице Западной Европы... Ссылки на немецкие источники, полемика с немецкими учеными, преодоление немецких заблуждений занимают в творчестве отца Сергия огромное и, может быть, несоразмерное место». Но впоследствии, через многие годы, он освобождается от этого одностороннего влияния благодаря глубокому знакомству с духовной культурой и жизнью христианской Европы.

Несмотря на страстное увлечение Кантом и Шеллингом, Сергей Николаевич порою остро ощущает в себе духовный кризис, начавшийся еще в 13-летнем возрасте. Сам он сознается, что после бурных сомнений и кризисов в душе воцарялась духовная пустота. Душа стала забывать религиозные переживания, угасла сама возможность сомнений. Но порою снова возрождалось глубокое религиозное волнение, потеря веры воспринималась как тяжелый жизненный кризис, остро ощущалась утрата смысла жизни.

Однако энергия молодости, личное семейное счастье, новизна первой непосредственной встречи с Западом и его культурой гасили эти настроения и вызвали бурный жизненный подъем, временно заслонявший духовную пустоту. Возрастающее же разочарование от неумения согласовать свое новое мировоззрение и идеалы с личной жизнью снова властно вскрывало зияющую бездну в глубине души.

К счастью, несмотря на неверие и растущее духовное опустошение Сергея Николаевича, Господь не оставлял его Своєю благодатью. Ему Одному ведомы были грядущие пути нового Савла, его будущее покаяние и пламенное служение Богу и Церкви. Бессознательное религиозное вдохновение подавалось Сергею Николаевичу даже в период его безверия, особенно в те мгновения, когда ощущалось веяние смерти, благодатные откровения потустороннего мира. Его вера в «прогресс человечества» включала не только определенную этику, но и эсхатологию. Его неверие знало свои восторги веры. «То было,— вспоминает впоследствии отец Сергей,— бессознательное ведение истины богочеловечества, которое во мне всегда просилось наружу, искало для себя выхода. Но выход этот должен был быть найден достойно, а этого я не сумел найти. И так создавался духовный плен, из которого мог спасти только зов Неба. И этот зов пришел неожиданно и благодатно, в самой непредвиденной обстановке» (315, с. 32).

Однажды, осенним утром 1898 г., совершая туристическое путешествие по Германии и приехав в Дрезден, Сергей Николаевич решил посетить Цвингер с его знаменитой художественной галереей. «И вдруг неожиданная чудесная встреча,— свидетельствует отец Сергей,— Сикстинская Богоматерь в Дрездене, Сама Ты коснулась моего сердца, и затрепетало оно от Твоего зова... Мне глянули в душу очи Царицы Небесной, грядущей на облаках с Предвечным Младенцем. В них была безмерная сила чистоты и прозорливой жертвенности, знание страдания и готовность на вольное страдание, и та же вещая жертвенность виделась в недетски мудрых очах Младенца. Они знают,

что ждет Их, на что Они обречены, и вольно грядут Себя отдать, совершить волю Пославшего: Она — «принять оружие в сердце», Он — Голгофу... Я не помнил себя, голова у меня кружилась, из глаз текли радостные и вместе горькие слезы, а с ними на сердце таял лед, и разрешался какой-то жизненный узел. Это не было эстетическое волнение, то была встреча, новое знание, чудо... Я невольно называл это созерцание молитвой и всякое утро, стремясь попасть в Zwinger, пока никого еще там не было, бежал туда, пред лицо Мадонны, «молиться» и плакать, и немного найдется в жизни мгновений, которые были бы блаженнее этих слез...» (131, с. 8—9).

В душе Сергея Николаевича закипает новая жизнь, встают воспоминания далекого детства, отроческого искания Истины. Возвышает свой голос его «почвенность», укорененность в родной действительности. Одаренная горящая душа рвется к живой Правде. Философские концепции кажутся отвлеченными; возрастает тяга к конкретной исторической реальности, к действительной религии. Пробуждается русская душа с ее глубокими надмирными проблемами, с ее неукротимым стремлением к познанию живой Истины и подчинению всей жизни непреложным высшим идеалам.

5. Защита магистерской диссертации. Переезд в Киев.

Начало духовного возрождения.

Первые религиозно-философские труды

Булгаков возвращается на родину потерявшим почву под ногами, с надломленным состоянием души. С одной стороны, углубленное изучение философии Канта и Шеллинга подрывает в нем веру в прежние идеалы; с другой стороны, пережитые за последние годы духовные озарения, «зовы и встречи» вызывают жгучие искания живой Истины, которая, вспыхивая на мгновения перед его духовным взором, быстро гаснет и ускользает. Однако, несмотря на внутреннюю борьбу, благодаря ценному свойству своего характера — доводить до конца начатое дело, Сергей Николаевич завершает в Германии свою успешную научную работу и в 1900 г. публикует двухтомный труд «Капитализм и земледелие» (7). В 1901 г. он блестяще защищает магистерскую диссертацию на эту тему. В процессе ее разработки четко выявляются характерные черты Булгакова: исключительная научная честность, самостоятельность мышления, глубокий критицизм и духовное мужество в отстаивании своих научных позиций.

В этот период Булгаков уже приобретает известность как выдающийся публицист, глубокий знаток политической экономии и аграрного вопроса. В 1897—1901 гг. он публикует ряд статей второстепенного значения в изучаемых им областях.

За эти годы он становится отцом двух детей: 17 ноября 1898 года рождается его дочь Мария, а 12 марта 1901 года — сын Федор, впоследствии талантливый художник-пейзажист, женатый на Наталье Михайловне Нестеровой, младшей дочери знаменитого художника М. В. Нестерова.

Получив звание магистра, Сергей Николаевич в 1901 г. переезжает с семьей из Москвы в Киев, где он избирается ординарным профессором политической экономии Киевского политехнического института и

приват-доцентом Киевского университета. Обширная педагогическая деятельность Сергея Николаевича в Киеве поглощает много сил и времени, но его напряженная внутренняя работа становится все интенсивнее. Мощный интеллект Булгакова ставит философские и религиозные проблемы одну за другой и напрягает все силы для их глубокого творческого решения. Но прочно воспринятые в юности тиски «научности» продолжают тормозить внутренний процесс, не давая долгое время мимолетным духовным озарениям одержать окончательную победу над его душой.

Под влиянием этих мучительных, ложно-научных, сдерживающих начал душа Сергея Николаевича порою исчерпывается до дна; ему не хватает уже сил ни верить, ни жить, ни любить... Но Господь не попускает соблазнов и страданий выше сил человеческих: когда безысходное разочарование в прежних идеалах пытается разрушить смысл жизни Сергея Николаевича и внутренняя опустошенность достигает последних пределов, начинают чувственно оживать под лучами Божественной благодати давние, забытые чувства и духовные переживания. Каждый зов из Горнего мира оставляет свой благодатный след в его сердце. Небесные звуки словно ждут, когда отвернется духовная темница, чтобы ворваться к задыхающемуся узнику с вестью об освобождении; начинает все явственнее и настойчивее звучать один неизреченно-радостный мотив: «А что, если... если есть Бог, если реально существует любящий и всепрощающий Отец?!»

По своему духовному складу С. Н. Булгаков не мог удовлетворяться только земными горизонтами, как бы перспективны они ни были; его душа всегда жаждала Горнего мира. Но этот путь решительного поворота к вере, и особенно к Церкви, был тернист и чрезвычайно сложен.

Сергей Николаевич оставался мыслителем, невольно принявшим на себя ответственность за истинность своего нового мировоззрения перед философами, литераторами, художниками, молодежью своего времени и своей страны. И эта ответственность требовала разумного обоснования каждого движения души, исчерпывающего раскрытия смысла человеческой жизни, творчества, культуры, истории, глубокого выяснения сущности христианской веры и мировоззрения, задач и судьбы исторической Церкви, участия Промысла Божия и Небесной Церкви в судьбах всей истории человечества. Поэтому наряду с мистическими озарениями и самыми возвышенными порывами сердца, с этим внутренним динамизмом работала неустанно научно строгая философская и богословская мысль Булгакова.

Проблематика, захватывавшая Сергея Николаевича, была грандиозна, ее масштабы раздвигались до бесконечности; вопрошания, сомнения, внутренняя борьба превосходила самые незаурядные человеческие силы. Но Булгаков любил и всем существом искал Истину, а не славу, хотел подчинить служению ей всю свою жизнь, и это давало ему силы мужественно справляться со всеми трудностями. Чем напряженнее была неутомимая работа его мысли, тем сильнее горело сердце и пламенел дух, тем меньше удовлетворяло одаренную душу Сергея Николаевича его прежние отвлеченное мировоззрение; он жаждал не философской спекуляции, а действенной религии, не абстрактной идеологии, а духовной жизни, живой веры. И эта жажда духовного самоопределе-

ния, эта динамическая устремленность к Горнему миру вознаграждались все более устойчивым воцарением Божественной благодати в его сердце.

«То, что загорелось в душе впервые со дней Кавказа, — вспоминает отец Сергей, — все становилось властнее и ярче, а главное — определеннее: мне нужна была не «философская идея Божества», а живая вера в Бога, во Христа и Церковь. Если правда, что есть Бог, значит правда все то, что было мне дано в детстве, но что я оставил. Таков был полусознательный религиозный силлогизм, который делала душа: ничего или... все... И безостановочно шла работа души, незримая миру и неясная мне самому...» (315, с. 64—65).

Обращение Сергея Николаевича к вере требовало от него грандиозной работы мысли и духа — переоценки всех ценностей. Он должен был критически пересмотреть все свои давние идеалы, убедительно обосновать свой отход от прежних философских и социальных позиций. Он понимал, что необходимо начать перестройку своего мировоззрения от самого фундамента. Для этого нужны были духовное мужество и безукоризненная принципиальность в мыслях, чувствах и делах, глубокое изучение культуры, истории религий, христианства. С огромным волевым упорством и творческим дерзновением начал Сергей Николаевич этот труд.

Каждую проблему он изучал от основания, стремясь постигнуть, как она становилась и разрешалась до него. Если это решение его не удовлетворяло, он прилагал все усилия своей мысли и духа, чтобы найти творческие пути для ее решения в свете своего нового мировоззрения.

В процессе этой напряженной работы Сергей Николаевич развивал свои ценнейшие качества: мощь духа и интеллекта, всесторонний критицизм, глубину чувств и бескомпромиссную честность, умение в каждом явлении, каждом учении, каждом человеке выделить отрицательные черты и заблуждения и в то же время увидеть и оценить положительные стороны и достоинства.

Достаточно упомянуть хотя бы три статьи в первом томе книги Сергея Николаевича «Два града» (92): посвященные Л. Фейербаху (с. 1—68), Т. Карлейлю (с. 106—149) и исключительно глубокую статью «О первохристианстве» (с. 234—303), или, например, данную отцом Сергием характеристику Аполлинария младшего, епископа Лаодикийского, в его замечательном труде «Агнец Божий» (232, с. 9—30).

Переживая и осмысливая все поставленные проблемы до конца, Сергей Николаевич достиг исключительной способности к философскому и историческому обобщению, к религиозному и психологическому синтезу, выковал в себе бесстрашную свободу и высокую дисциплину мысли, чувств и действий.

Он сумел мужественно вскрыть и изжить заблуждения своей юности, обосновать свое новое религиозно-философское мировоззрение и начал смело выступать с ним в печати, не считаясь с острой критикой его противников, а руководствуясь лишь своей ответственностью перед Богом и Родиной.

Его первые выступления в печати относятся к 1901—1902 гг. Благодаря своей многосторонней одаренности и широким интересам в области философии, литературы и психологии Сергей Николаевич готовит

одновременно две талантливые статьи: «Иван Карамазов как философский тип» (8) и «Душевная драма Герцена» (9), которые выходят в свет в 1902 г. в журнале «Вопросы философии и психологии».

На протяжении киевского периода творчества (1902—1905 гг.) Сергей Николаевич опубликовал множество различных статей, пронизанных, однако, единым новым духом. Их можно разбить на три категории: 1) статьи, посвященные вопросам философии, религии, публицистики и политики (10, 13—17, 19, 20, 24, 25, 33, 35—38, 40); 2) статьи, посвященные русским и иностранным мыслителям, поэтам и художникам (8, 9, 11, 12, 18, 23, 26, 27, 30, 31, 41, 42) и 3) рецензии и заметки (21, 22, 28, 29, 32, 34, 39, 43).

Эти статьи С. Н. Булгакова обнаруживают широкий диапазон его интересов и его живую реакцию на многообразные явления окружающей жизни. В подавляющем большинстве статей отразился глубокий философский и религиозный перелом С. Н. Булгакова, положивший начало новому периоду его жизни.

Публичные лекции и статьи Сергея Николаевича получили в этот период широкий отклик в русском обществе. Осенью 1904 г. Булгаков начинает участвовать в редактировании журнала «Новый путь», который издавался с 1903 г. В 1905 г. Булгаков принимает активное участие в издании нового журнала «Вопросы жизни», впервые отразившего новые духовные течения того времени. Этот журнал просуществовал в течение всего лишь одного 1905 года.

Булгаков становится в этот период наиболее видным и влиятельным лидером той части русской интеллигенции, которая искала религиозно-философского обновления.

1905 год ознаменован важнейшим событием в личной жизни Сергея Николаевича: 25 декабря (ст. ст.) появляется в его семье второй сын — Ивашечка.

6. Возвращение в Москву. Профессура.

Участие в Религиозно-философском обществе В. Соловьева.

Избрание во Вторую Государственную Думу

В 1906 г. Сергей Николаевич переезжает из Киева снова в Москву, где избирается приват-доцентом Московского университета, а в 1907 г. — одновременно профессором политической экономии Московского коммерческого института, директором которого был П. И. Новгородцев (1863—1924). Это был выдающийся юрист с широким философским кругозором, профессор Московского университета, возглавивший с 1917 г. русский юридический факультет при Пражском университете в Чехии.

После переезда в Москву Булгаков принимает активное участие в деятельности Религиозно-философского общества Владимира Соловьева, организованного по его инициативе в 1905 г. небольшой группой лиц с серьезными духовными запросами. Кратковременное пребывание в этом обществе окончательно утвердило Сергея Николаевича в его новом религиозном миропонимании и в его давней высокой оценке трудов Соловьева. Еще в 1903 г. в своей статье «Что дает современному сознанию философия Вл. Соловьева?» (12) Булгаков вскрыл ее глубокое духовное значение. «Философия Соловьева, — писал он, — дает совре-

менному сознанию целостное и последовательно развитое христианское мировоззрение».

Однако вскоре утопическая религиозно-общественная программа Общества В. Соловьева была развенчана жизнью, и мечты его членов оказались несбыточными.

Последние годы участия Сергея Николаевича в общественной жизни России были связаны с его избранием (в начале 1907 г.) во Вторую Государственную Думу от Орловской губернии в качестве беспартийного «христианского социалиста».

Сравнивая деятельность Первой и Второй Дум, Булгаков пишет: «Промелькнула Первая Государственная Дума: она блеснула своими талантами, но обнаружила полное отсутствие государственного разума и, особенно, воли и достоинства...» (315, с. 78). Вся бесперспективная и нездоровая атмосфера Государственной Думы потрясла Булгакова и разрушила окончательно его былой интерес к политической и общественной деятельности.

Глубочайшее одиночество охватило душу Сергея Николаевича. Он оказался «между двух миров, чужой среди своих... и нигде не свой». Он был уже за бортом политики, но еще не подошел окончательно к ограде Церкви.

7. Возвращение в «Отчий дом»

«Почвенность» Сергея Николаевича, стремление сочетать мировоззрение с его реализацией в жизни, усвоенное с детства примером отца,— все это властно призывало его вернуться в «Отчий дом». Но он все еще томился за оградой и не находил в себе сил сделать решительный шаг — приступить к таинствам Покаяния и Причащения Святых Таин, которых все больше и пламеннее жаждала душа.

«Помню,— писал он потом,— как однажды, в Чистый Четверг, зайдя в храм, увидел я (тогда «депутат») причащающихся под волнующие звуки: «Вечери Твоея Тайныя...». Я в слезах бросился вон из храма и плача шел по московской улице, изнемогая от своего бессилия и недостойности. И так продолжалось до тех пор, пока меня не восторгла крепкая рука...

Осень. Уединенная, затерянная в лесу пустынь Зосимы. Солнечный день и родная северная природа. Смущение и бессилие по-прежнему владеют душой. И сюда я приехал, воспользовавшись случаем, в тайной надежде встретиться с Богом. Но здесь решимость моя окончательно меня оставила... Стоял вечерню бесчувственный и холодный, а после нее, когда начались молитвы «для готовящихся к исповеди», я почти выбежал из церкви, «изшед вон, плакался горько». В тоске шел, ничего не видя вокруг себя, по направлению к гостинице и опомнился... в келье у старца. Меня туда привел о: я пошел совсем в другом направлении вследствие своей всегдашней рассеянности, теперь еще усиленной благодаря подавленности, но, в действительности,— я знал это тогда достоверно — со мной случилось чудо... Отец, увидев приближающегося блудного сына, еще раз Сам поспешил ему навстречу. От старца услышал я, что все грехи человеческие как капля перед океаном милосердия Божия. Я вышел от него прощенный и примиренный, в трепете и слезах, чувствуя себя внесенным словно на крыльях внутрь цер-

ковной ограды. В дверях встретился с удивленным и обрадованным спутником, который только что видел меня, в растерянности оставившего храм. Он сделался невольным свидетелем совершившегося со мной. «Господь прошел»,— умиленно говорил он потом...

И вот вечер, и опять солнечный закат, но уже не южный, а северный. В прозрачном воздухе резко вырисовываются церковные главы, и длинными рядами белеют осенние монастырские цветы. В синеющую даль уходят грядами леса. Вдруг среди этой тишины откуда-то сверху, словно с неба, прокатился удар церковного колокола, затем все смолкло, и лишь несколько спустя он зазвучал ровно и непрерывно. Звонили ко всенощной. Слово впервые, как новорожденный, слушал я благовест, трепетно чувствуя, что и меня зовет он в церковь верующих. И в этот вечер благодатного дня, а еще более на следующий, за литургией, на все глядел я новыми глазами, ибо знал, что и я призван, и я во всем этом реально соучаствую: и для меня и за меня висел на древе Господь и проливал Пречистую Кровь Свою, и для меня здесь руками иерея уготовляется святейшая трапеза, и меня касается это Евангелие, в котором рассказывается о вечери в доме Симона прокаженного и о прощении много возлюбившей жены-блудницы, и мне дано было вкусить Святейшего Тела и Крови Господа моего...» (131, с. 10).

8. Смерть Ивашечки. «Небо раскрылось...»

Лето 1909 г. ознаменовано трагическим событием в семье Булгаковых: 27 августа младший сын Ивашечка расстался в возрасте менее четырех лет с этим земным миром, оставив в сердцах родителей глубочайшую скорбь...

Но в таких драматических обстоятельствах, когда скорбные переживания, казалось бы, превышают возможности человеческой выдержки, Господь — по великой любви Своей — посылает Сам, даже до обращения к Нему, столь обильный поток благодати, который дает не только силы мужественно устоять в постигшем горе, но в то же время поднимает человека на такую духовную высоту, что он становится способным воспринять в душе новое Божественное Откровение.

Так и Сергей Николаевич, наряду с величайшей скорбью, узрел неизреченный свет, о котором он повествует на вдохновенных страницах своего труда «Свет Невечерний» (131, с. 12—14). «Нелегка ты, жертва Авраама,— читаем мы здесь,— не из благополучной, но из растерзанной души исторгался пред лицом невинной жертвы вопль мой: прав Ты, Господи, и правы суды Твои! Я говорил это всем сердцем своим! О, я не бунтовал и не роптал, ибо жалок и малодушен был бы бунт, но я не хотел мириться, ибо постыдно было бы и примирение. Отец молча ответил мне: у изголовья его тела стояло Распятие Единородного Сына. И я услышал этот ответ, и склонился перед ним, но неповинные страдания и чей-то сарказм густым, непроницаемым облаком легли между Распятием и его телом... Только подвигом, крестом целой жизни могу я рассеять это облако, ...оно есть тень моего собственного греха... И об этом говорил мне Ивашечка в ту голгофскую ночь: «Неси меня, папа, кверху,— пойдем с тобой кверху!»

Но здесь начинается не выразимое словом...

...В новом, никогда доселе неведомом ясновидении сердца — вместе с крестной мукой — сходила в него небесная радость, и с тьмою богооставленности в душе воцарялся Бог. Сердце мое отверзлось на боль и муку людей — пред ним раскрывались доселе чуждые и потому закрытые сердца с их болью и горем. Единственный раз в жизни понимал я, что значит любить не человеческой, себялюбивой и корыстной любовью, но Божескою, какой Христос нас любит. Как будто завеса, отделявшая меня от других, спала, и мне открылся в сердцах их весь мрак, горечь, обида, озлобление, страдание... И Бог говорил мне тогда, ...и я уразумел, что значит «Бог сказал». Тогда раз навсегда я узнал, что Бог действительно говорит, а человек слышит и — не испепеляется... Я знаю теперь, как Бог говорил пророкам, ...и знаю неизмеримую бездну между мною и ними... Но Бог — один, и Его безмерное к нам снисхождение одинаково, и пусть между моей темной, греховной душой и святой душой пророка лежит великая бездна, но ведь еще неизмеримее та бездна, которая лежит между Богом и всякою тварью, и, как тварь, ведь и я, и пророки — одно, и Он говорил твари... Забыть это и усомниться после этого значит для меня умереть духовно...» (131, с. 13).

Здесь Сергей Николаевич вспоминает слова святого апостола Павла: «Знаю человека во Христе, который... восхищен был до третьего неба» (2 Кор. 12, 2). «Что это значит для видевшего?! — восклицает Сергей Николаевич. — Каким взором должен был он смотреть на мир после виденного, когда небо открылось!..» (131, с. 13). И далее продолжает он о погребении Ивашечки: «О, мой светлый, мой белый мальчик! Когда несли мы тебя на крутую гору и затем по знойной и пыльной дороге, вдруг свернули в тенистый парк, словно вошли в райский сад; за неожиданным поворотом сразу глянула на нас своими цветными стеклами ждавшая тебя, как ты, прекрасная церковь. Я не знал ее раньше и, как чудесное видение, предстала она, утонувшая в саду, под сенью старого замка. Мать твоя упала с криком: «Небо раскрылось!» Она думала, что умирает и видит небо... И небо было раскрыто, в нем совершался наш апокалипсис. Я чувствовал, видел почти восхождение твое... Все становилось понятно, вся мука и зной растворились, исчезли в небесной голубизне этой церкви... Шла литургия. Не знаю, где она совершалась, на земле или небе... «Ангельскими невидимо дориносима чинми» — привычные, уже примелькавшиеся святые слова... Но кто это в алтаре направо?.. Разве не сослужитель небесный?..

Слушаю «Апостол» о воскресении и всеобщем внезапном изменении и впервые понимаю, что это так и будет и как это будет.

Нужно ли верить, что литургия совершается в сослужении ангелов, когда я это... видел?.. Не так же ли видел ангела священник Захария около кадильного алтаря, или сослужащий с преподобным Сергием видел ангела, литургисающего с ним? Но и здесь, не дерзновенно ли, возможно ли делать такие сопоставления? Должно! Ибо не себя ведь, не темноту свою греховную сравниваем мы, но виденное по Божественному усмотрению...» (131, с. 13—14).

Читающему эти проникновенные слова Сергея Николаевича становится вполне понятным, почему он так дерзновенно и убедительно написал свое вдохновенное произведение «Лестница Иаковля» (183), посвященное ангельскому миру.

В заключение Сергей Николаевич делает обобщающий вывод, несомненный для всякой верующей души, обладающей личным религиозным опытом: «Если бы люди веры стали рассказывать о себе, что они видели и узнавали с последней достоверностью, то образовалась бы гора, под которой был бы погребен и скрыт от глаз холм скептического рационализма» (131, с. 14).

9. Религиозно-философское творчество в период с 1906 по 1911 г.

Со времени переезда в Москву и возвращения в «Отчий дом» начинается новый период в жизни Сергея Николаевича, отличающийся бурным развитием его религиозно-философского творчества, в котором он открыто исповедует свою веру.

Наряду с профессиональными лекциями по политической экономии Сергей Николаевич читает публичные лекции философского содержания и публикует их в виде статей или книг. Богатство и разнообразие затронутых в них проблем свидетельствуют о необыкновенной широте и глубине интересов Сергея Николаевича, о его высокой и разносторонней культуре. С одной стороны он откликается на все духовные запросы своих современников; с другой стороны, он ставит и решает задачи, выходящие далеко за рамки своей эпохи и даже за пределы истории.

Стремясь преодолеть отвлеченность философских систем и ограниченность общественных идеалов, он основывается на историческом опыте и достижениях Церкви в эпоху первохристианства, когда жизнь Церкви отличалась подвигами, творчеством и благодатным вдохновением. Благодаря своим знаниям в области политической экономии, своему пониманию хозяйственных, общественных, культурных и политических интересов своей страны Сергей Николаевич глубоко осознает реальность и важность насущных вопросов истории, культуры и жизни. Но в то же время он способен к орлиным взлетам, к созерцанию мира с горшей высоты, откуда его взору открываются не только исторические горизонты, но и дальние духовные перспективы, уводящие его в область апокалиптики, эсхатологии и вечной жизни.

Таким образом, его обращенность к первохристианской Церкви не ставит своей целью непосредственно восстановить историческое прошлое, а стремится найти в нем вечные основания для обновленного мировоззрения, согласного с вечно живой традицией Церкви, для подвижнического служения в современном реальном мире и для подлинно христианского преображения жизни.

Сергей Николаевич убежден, что трагедия человека в любую историческую эпоху не исчерпывается его экономической неустроенностью и недостаточным приобщением к культуре, эта трагедия «уходит своими корнями в онтологию бытия».

На протяжении 1906—1911 гг. Сергей Николаевич публикует ряд трудов и статей, в которых он выступает с позиций совершенно сложившейся повой религиозной идеологии, развенчивающей его предшествовавшее мировоззрение.

Их можно разделить на три основные группы: 1) труды и статьи по вопросам экономики, публицистики и политики (45—49, 61—64, 71, 82);

2) религиозно-философские статьи (50—58, 65—67, 72, 75—80, 84, 85, 87—90) и 3) статьи, посвященные русским и иностранным мыслителям и поэтам (44, 59, 60, 68—70, 73, 74, 81, 83, 86, 91).

Здесь необходимо отметить, что в 1909 г. С. Н. Булгаков принял активное участие в создании и деятельности книгоиздательства «Путь», основанного М. К. Морозовой и представлявшего единственное начинание, в котором духовная свобода сочеталась с высокой культурой и ярко выраженным духовным направлением. Благодаря влиянию Сергея Николаевича и других религиозных мыслителей это предприятие обеспечивало вплоть до 1918 г. издание многих замечательных религиозно-философских произведений.

Так, в 1911 г. вышел в свет обширный труд Булгакова «Два града» (92), состоящий из двух томов, в состав которых вошли основные религиозно-философские статьи киевского и особенно московского периодов его творчества. В этом труде Сергей Николаевич исследует исключительно интересные, актуальные и в наше время проблемы; в нем проявились его выдающийся ум, исторические и духовные прозрения. Здесь проблемы экономической, политической, социальной и культурной жизни не только получают новое освещение, но ставятся на новом фундаменте, который определяется сознанием человека, предстоящего пред Лицом Живого Бога.

Л. А. Зандер совершенно справедливо отмечает, что при чтении всех этих статей поражает та глубокая честность, с которой Сергей Николаевич относится к изучаемым и критикуемым доктринам и мыслителям; она выражается, во-первых, в беспристрастном научном подходе, во-вторых, в желании понять противника *in bonam partem*, в-третьих, в неизменном выделении всего того, что имеет вечное значение.

Благодаря таким качествам статьи Булгакова о «других» всегда являются прекрасными характеристиками и изучаемых авторов и произведений. В этом заключается энциклопедическое значение творчества Сергея Николаевича, который был в известном смысле и историком культуры.

10. Начало дружбы с П. А. Флоренским. Защита и публикация докторской диссертации

В 1910 г. Сергей Николаевич знакомится с Павлом Александровичем Флоренским (1882—1943), и сразу завязывается между ними духовная дружба — глубокая, на всю жизнь. Булгаков пленен тихим величием и красотой духовного образа своего друга. «В его научном облике,— вспоминает Сергей Николаевич,— всегда поражало полное овладение предметом, чуждое всякого дилетантизма, а по широте своих научных интересов он является редким и исключительным полигистром, всю меру которого даже невозможно определить... Он более всего напоминает титанические образы Возрождения: Леонардо да Винчи и др., может быть, еще Паскаля, а из русских — больше всего В. В. Болотова. Я знал в нем математика и физика, богослова и филолога, философа, историка религий, поэта, знатока и ценителя искусства и глубокого мистика... Однако все, что может быть сказано об исключительной одаренности отца Павла (после его рукоположения в 1911 году), как и об его самобытности, в силу которой он всегда имел свое слово, как некое

«Философы»

Священник Павел Флоренский и профессор С. Н. Булгаков

С картины художника М. В. Нестерова (1917).

откровение обо всем, является все-таки второстепенным и несущественным, если не знать в нем самого главного. Духовным же центром его личности, тем солнцем, которым освещались все его дары, было его «священство» (365, с. 128—129).

В свою очередь и отец Павел Флоренский неоднократно светло и поэтично вспоминает своего дорогого друга в замечательной книге «Столп и утверждение Истины» (409): «Один за другим падали листья. Как умирающие бабочки медленно кружились по воздуху, слетая на землю... О, мой далекий, мой тихий Брат! В тебе весна, а во мне — осень...» (с. 10). «...Помнишь ли ты, далекий и вечно близкий Друг, наши проникновенные беседы? Дух Святой и религиозные антиномии — вот что, кажется, интересовало нас более всего. А находявшись по заповедной роще, мы шли на закате озимями, упивались пылающим западом и радовались, что вопрос выясняется, что мы врозь пришли к одному и тому же. Тогда мысли текли пылающими, как небосвод, струями, и мы ловили мысль с полуслова. Во вдохновенном, холодном и пламенном вместе восторге швелились корни волос, и мурашки щекалоли спину. Помнишь ли ты, Брат мой единоподушный, тростник над черными заводями? Молча стояли мы у обрывистого берега и прислушивались к таинственным вечерним шелестам. Несказанно ликующая тайна нарастала в душе, но мы безмолвствовали о ней, говоря друг другу молчалием...» (с. 109).

Образы обоих друзей были запечатлены в замечательной картине «Философы» их общим другом — Михаилом Васильевичем Нестеровым майским вечером 1917 г. По замыслу художника, это был не только портрет двух друзей, но и духовное видение эпохи. Оба лица выражали для художника одно и то же постижение, но по-разному: в лице Сергея Николаевича виден глубокий трагизм и волевое напряжение; облик отца Павла преисполнен мира, радости, победного преодоления.

В этот период жизни Булгаков был увлечен софиологической концепцией о. Павла Флоренского, изложенной им в вышеупомянутом труде (409, с. 319—392).

В. В. Зеньковский в своей «Истории русской философии» (402, том II), характеризуя Булгакова и его увлечение идеями Флоренского, пишет: «По типу своей мысли, по внутренней логике своего творчества Булгаков принадлежит к числу «одинок» — он собственно не интересовался мнением других людей, всегда прокладывая себе дорогу сам, и только Соловьев и Флоренский вошли в его внутренний мир властно и настойчиво. В мужественном и даже боевом складе ума у Булгакова — как ни странно — жила всегда женственная потребность «быть в плену» у кого-либо; потому-то живая, многосторонняя личность Флоренского, от которого часто исходили излучения подлинной гениальности, имела столь глубокое влияние на Булгакова, что софиологическая концепция, развитая Флоренским, пленила впервые ум Сергея Николаевича именно в редакции Флоренского». В приведенной характеристике Зеньковского содержится, с нашей точки зрения, много поразительно меткого и глубокого. Однако трудно согласиться с приписываемой Булгакову «женственной потребностью быть в плену у кого-либо».

Действительно, Сергей Николаевич обладал выдающимся философским дарованием, самостоятельностью мышления и строгой дисципли-

ной научной мысли. В то же время он весь был устремлен к познанию Живой Абсолютной Истины, к созданию цельной, всеобъемлющей религиозно-философской системы. И только Владимир Соловьев и отец Павел Флоренский оказались по силе и глубине дарований соразмерны Булгакову, созвучны ему в основной целеустремленности их духа к Богу, в широком синтезе христианских начал с данными философии и науки в целом. Поэтому Сергей Николаевич, всегда требовательный к себе в смысле бескомпромиссного осуществления своего духовного и философского призвания, свободно и радостно принял Соловьева и Флоренского в свое сознание и сердце. Но «в плену» у них он не был, ибо безгранично ценил духовную свободу. Можно сказать, что Булгаков был всегда «в плену» только Живой Истины, а после перехода к чисто богословскому творчеству он был в «добровольном плену» у Бога, у Живого Христа, Которого он постигал и любил всем своим разумением, всем своим горящим сердцем.

Глубоко воспринятая Булгаковым идея Соловьева о «всеединстве», а также его незаконченное учение о Софии, которое необходимо было продолжить в истинном направлении,— все это оживает вновь в сознании Сергея Николаевича в связи с принятием религиозно-философских концепций Флоренского и находит свое отражение и самостоятельное развитие в его большом труде «Философия хозяйства» (93).

Этот труд появляется в печати в 1912 г. (вскоре он был опубликован в Японии на японском языке). Первая его часть — «Мир как хозяйство» — была представлена в качестве докторской диссертации по политической экономии и защищена Булгаковым в Московском университете в 1912 г.

В книге «Философия хозяйства» подведен, с одной стороны, итог первого этапа идейного пути Сергея Николаевича; с другой стороны, намечены новые философские проблемы, требующие разрешения в настоящем и будущем. В этом труде сделан первый опыт систематического изложения религиозно-философского мировоззрения Булгакова, представлена его социальная философия и дан первый набросок софиологии.

Сергей Николаевич отмечает, что наряду с этической стороной христианства необходимо выделить в нем онтологическую и космологическую стороны. Исходным положением космологии является антиномия абсолютного и относительного, единого и многого, Бога и мира, Творца и творения. Вместе с тем Булгаков стремится постигнуть Бога в Его обращенности к миру, а мир познать в его предстоянии Богу. В этом смысле Бог и мир не противопоставляются, а связываются воедино. И этот принцип всеобъемлющего единства носит в мышлении Сергея Николаевича имя Премудрости Божией, сущность которой раскрывается в Богочеловечестве.

Булгакову чужды в равной мере как односторонняя, так сказать, обезбоженная культура, так и односторонняя идеология мироотрицающего христианства. Он не приемлет альтернативу «Бог или мир»; для него всегда предстоят «Бог и мир» в их творческом Богочеловеческом единстве. Человек должен быть ответственным за свои дела в мире; он должен вкладывать в них силу своей мысли и пламень своей любви. Если аскетизм выражается в освобождении себя от ответственности за мир, то он носит ложный, нигилистический характер. Подлинный аске-

тизм является величайшей культурной и творческой силой в мире. Сергей Николаевич приписывает глубокое религиозное значение всему культурному творчеству в каждой области, в том числе и в хозяйственной

11. Религиозно-философское творчество Булгакова в 1912—1918 гг.

За указанные семь лет Сергей Николаевич опубликовал многочисленную серию статей, которые целесообразно разделить на три группы: 1) статьи религиозно-философского характера и по церковным вопросам (94, 101, 102, 105, 108, 109, 111, 112, 119—122, 126, 127, 132—137); 2) статьи в области публицистики и политики (95—97, 103, 104, 106, 107, 113, 128) и 3) статьи, посвященные русским и иностранным писателям и художникам (98—100, 110а, 114—118, 123—125, 129, 130).

Этот период творчества Булгакова исключительно богат, так как наряду с докторской диссертацией «Философия хозяйства» и вышеуказанными статьями он опубликовал фундаментальный религиозно-философский, поэтически оформленный труд «Свет Невечерний» в 1917 г. (131) и сборник религиозно-поэтических статей «Тихие Думы» в 1918 г. (138).

В «Свете Невечернем» Сергей Николаевич со свойственной ему глубиной и широтой охвата затрагивает основные проблемы философии и намечает пути их решения в рамках единой религиозно-философской системы. «Здесь,— отмечает Л. А. Зандер,— в первый раз дается последовательное развитие идеи Софии, каковая становится отныне центральным понятием всего философского и богословского творчества Булгакова» (401, с. 40).

«Тихие Думы» содержат серию оригинальных и глубоких по анализу статей, охватывающих различные области литературы, религиозной философии, поэзии, искусства, и меткие, тонкие характеристики авторов соответствующих произведений.

12. Участие во Всероссийском Поместном Соборе 1917 г. Принятие священного сана

Наступает 1917 год, ознаменованный грандиозными политическими и церковными событиями в России: после падения царской власти и осуществления пролетарской революции возникает Советская Россия. В том же году созывается Всероссийский Поместный Собор, на котором восстанавливается Патриаршество и Патриархом Московским и всея Руси избирается митрополит Московский Тихон.

Сергея Николаевича призывают к активному участию в деятельности Собора: он избирается его членом как представитель духовных учебных заведений Москвы. По поручению Патриарха Тихона Булгаков выступает с речью на первом Всероссийском съезде духовенства и мирян, готовит доклад о правовом положении Церкви в государстве, об отношении Церкви к государству и т. п. Все его выступления появляются в печати (133—137).

В том же, 1917 г. Булгаков избирается ординарным профессором политической экономии Московского университета, к чему он когда-то с таким энтузиазмом готовился. Перед ним открываются интересная научная карьера и широкие возможности общественно-политической деятельности.

Но в душе Сергея Николаевича все более возрастает стремление встать на иной путь. Все более дает о себе знать тоска по Церкви, неуклонное желание полностью вернуться в Отчий дом, вплоть до принятия священства, чтобы непосредственно и активно участвовать в богослужении и жизни Церкви. Творения философской мысли уже не могут удовлетворить ум жаждущего познания Живой Истины, которая могла бы стать путем и жизнью. В душе растет ничем не истребимая потребность такой веры в Живого Бога, такой пламенной молитвы, такого реального мистического богообщения, которые захватили бы все существо и подчинили бы себе всю жизнь. И потому все явственнее звучит в душе голос об «измене алтарю». «Мне становилось недостаточно сменя «мировоззрения», — вспоминает впоследствии Булгаков, — «левитская» моя кровь говорила все властнее, и душа жаждала священства, рвалась к алтарю» (315, с. 37). И не случайно Е. Н. Трубецкой — в духовном прозрении — сказал однажды Сергею Николаевичу, что он «рожден в епитрахили».

Но много еще препятствий стояло на этом пути; одни из них могли быть преодолены личной волей и мужеством, другие — только благодатью Божией.

В интеллигентской и, особенно, университетской среде «принятие священства, по крайней мере, в состоянии профессора Московского университета, доктора политической экономии, являлось скандалом, сумасшествием или юродством и, во всяком случае, самоисключением из просвещенной среды» (315, с. 37—38).

Сергей Николаевич собирался с мужеством и, наконец, обрел его в себе...

Но вставало другое препятствие — идейное, не преодолимое собственными силами: «то была связь Православия с самодержавием, приводившая к недопустимой зависимости Церкви от государства». Этого препятствия Сергей Николаевич перешагнуть не мог и не хотел. Но вот революция 1917 г. устранила его: «Церковь оказалась свободной, она потеряла свой государственный авторитет, она получила в лице Всероссийского Патриарха Тихона достойного Главу. Вместе с Церковью свободным становится и Сергей Николаевич...

В январе 1918 г. он узнает об обстреле Крымского побережья, где в то время находилась его семья; появляются даже основания предположить о ее гибели. «Я оставался один пред лицом Божиим, — вспоминает впоследствии отец Сергий. — И тогда я почувствовал, что меня уже ничто не удерживает и нет оснований откладывать то, что я вынашивал в душе, по крайней мере, десятилетие» (315, с. 38).

Оправившись с трудом от тяжелого ночного приступа аппендицита, Булгаков решает энергично действовать и, в первую очередь, обратиться к одному из Московских викариев — к Пресвященному Феодору, епископу Волоколамскому, ректору Московской Духовной Академии, который несколько лет тому назад рукополагал отца Павла Флоренского и лично знал Сергея Николаевича.

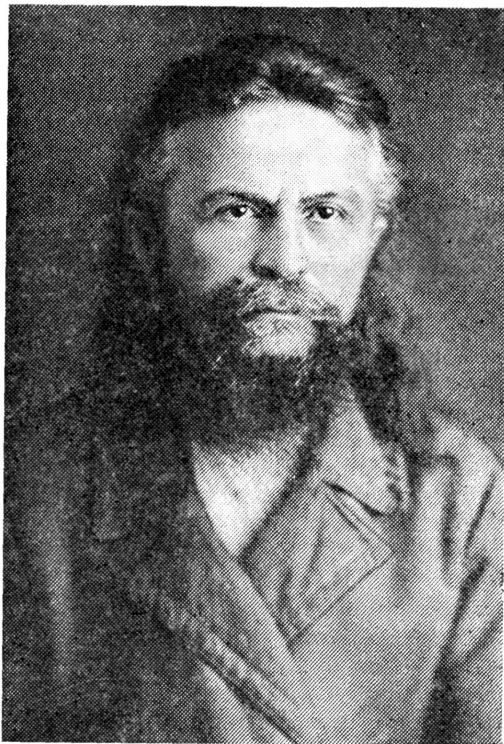
Заручившись его согласием, Булгаков обращается за благословением к Патриарху Тихону, который недавно — в Рождественские дни — поручил Сергею Николаевичу составить текст первого послания Патриарха, возвещающего о его вступлении на Патриарший Престол. Сергей Николаевич достойно выполнил это поручение, и послание было оглашено во всех храмах в праздник Крещения Господня.

Патриарх Тихон, выслушав Булгакова, заметил, смеясь: «Вы в сюртуке нам нужнее, чем в рясе!» Он сам имел желание рукоположить Сергея Николаевича, но по своему смирению и доброте, во избежание большого шума вокруг этого события, согласился поручить Преосвященному Феодору рукоположить Булгакова в Троицын день во диакона в Даниловом монастыре (где пребывал епископ Феодор), а в Духов день — во иерея в кладбищенском храме Святого Духа.

Наступает Страстная седмица 1918 г. Сергей Николаевич готовится к принятию священного сана. Он стремится пожертвовать Богу всем — своим разумом, волей, сердцем, всем существом, всей своей жизнью, отдать Ему свою любовь.

О намерении Булгакова знают только ближайшие его друзья, которые разделяют его волнения, его радости, с которыми соединяют понимание и любовь.... Дома Сергей Николаевич один с 17-летним сыном Федей, который является в эти дни его радостью, поддержкой и утешением.

«Страстная седмица перед рукоположением состояла для меня в умирании для этой жизни, которое началось для меня с принятием моего решения, — вспоминает впоследствии отец Сергей. — ...Это умирание есть вольное, но и неизбежное... Это была как бы длительная агония, каждый день приносил новые переживания, и то были муки, которых невозможно описать. Но не было ни одного мгновения, когда мелькнула бы мысль об отступлении... Это умирание явилось для меня тогда совершенно необходимым и важным, каким-то духовным заданием... Оно для меня неожиданно и произвольно возникло и как-то тлело и, тлея, жгло меня. Эта мука духовного рождения была великая милость Божия...» (315, с. 40—41).

Профессор С. Н. Булгаков
перед посвящением (1918)

Духовные переживания Булгакова во время его рукоположений в саны диакона и иерея, а также некоторые бытовые детали в эти памятные дни лучше всего передать его собственными словами.

9 июня 1918 г., «в канун Троицына дня, я отправился в Данилов монастырь, неся с собой узел с духовным платьем, к Преосвященному Феодору, там я и ночевал... В день Святой Троицы я был рукоположен во диакона. Если можно выражать невыразимое, то я скажу, что это первое диаконское посвящение пережито мною было как огненное. Самым в нем потрясающим было, конечно, первое прохождение через царские врата и приближение в святом престолу. Это было как прохождение чрез огонь, опаляющее, просветляющее и перерождающее. То было вступление в иной мир, в Небесное Царство. Это явилось для меня началом нового состояния моего бытия, в котором с тех пор и донныне пребываю...

Когда я шел домой по Москве в рясе *, вероятно, с явной непривычностью нового одеяния, я не услышал к себе ни одного грубого слова и не встретил грубого взгляда. Только одна девочка в Замоскворечье приветливо мне сказала: «Здравствуйте, батюшка!» И буквально то же самое повторилось и на следующий день, когда я возвращался уже священником.

В день Святого Духа епископ Феодор решил служить в кладбищенском храме Святого Духа, и туда мы шли из Данилова монастыря крестным ходом; я шел в стихаре с дяконской свечой рядом с епископом. То было немалое расстояние, но прошли его спокойно и беспрепятственно. К рукоположению пришли в храм и друзья мои, бывшие тогда в Москве. Вспоминаю прежде всего отца Павла Флоренского (со своим Васей), участвовавшего и в литургии... Переживания этого рукоположения, конечно, еще более неописуемы, чем диаконского, — «удобнее молчание». Епископ Феодор сказал мне в алтаре слово, которое меня потрясло... Была общая радость, и сам я испытывал какое-то спокойное ликование, чувство вечности. Умирание миновало, как преходит скорбь страстных дней в свете пасхальном. То, что я переживал тогда, и была та пасхальная радость» (315, с. 41—42).

13. Первые литургии отца Сергия. Углубление дружбы с отцом Павлом Флоренским. Отъезд к семье в Крым

Отец Сергий совершал свои первые литургии в храме в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость», в детском приюте на Зубовском бульваре, где он и поселился вместе с отцом Павлом Флоренским. Булгаков был приписан к храму Ильи Обыденного в Обыденном переулке, вблизи храма Христа Спасителя, где он также отслужил несколько литургий до своего отъезда в Крым. Отец Павел остался в Москве на некоторое время после рукоположения отца Сергия, чтобы поруководить его начальными богослужениями.

В течение последних лет, и особенно в Москве, их дружба углубилась еще больше и закрепилась на всю жизнь. Отец Сергий вспоминал

* «Бог помог мне с тех дней всегда сохранять «духовный облик», хотя были времена, когда от меня требовали ему измены под угрозой опасности смертной» (315, с. 40).

об отце Павле с исключительной любовью и почтением: «Из всех моих современников, которых мне суждено было встретить за мою долгую жизнь, он есть величайший... Он отошел, озаренный ореолом исповедника имени Христова... Отец Павел был для меня не только явлением гениальности, но и произведением искусства: так был гармоничен и прекрасен его образ. Нужно слово или кисть или резец великого мастера, чтобы о нем миру поведать. При этом он сам не только родился таким, но был и собственным произведением духовного художества, для чего ему была присуща вся тонкость духовного и художественного вкуса... Я был свидетелем этой его аскетической самодисциплины, как и его трудового научного подвига... Все в нем было не только голосом его духовной стихии, но и делом железной воли и самообладания... В его лице было нечто восточное и не русское (мать его была армянка). Мне же духовно в нем виделся более всего древний эллин, а вместе еще и египтянин; обе духовные стихии он в себе носил, будучи их как бы живым откровением... У него был нежный, тихий голос, большая прелесть. Однако в этом голосе звучала и твердость металла, когда это требовалось. Вообще, самое основное впечатление от отца Павла было впечатление силы, себя знающей и собою владеющей. И этой силой была некая первозданность гениальной личности, которой дана самобытность и самодовлеемость при полной простоте и естественности... И в путях духовного развития и самоопределения мы наблюдаем в отце Павле эти же самые черты. Можно сказать в известном смысле, что отец Павел сам себя сделал, подойдя своим собственным путем» (365, с. 126—128).

«...До отца Павла священство являлось у нас наследственным, принадлежностью «левитской» крови, вместе и известного психологического уклада жизни, но в отце Павле встретились и по-своему соединились культурность и церковность, Афины и Иерусалим, и это органическое соединение само по себе уже есть факт церковно-исторического значения... Отец Павел имел призвание и к пастырству, и к учительству, но прежде всего и больше всего его влекло к предстоянию Престолу Господню, к служению литургически-евхаристическому... Голос вечности звучал в нем сильнее зовов временности... Для меня минувшие, вместе прожитые годы дали навсегда сохранить в душе его образ, как бы отлитый из бронзы, подобно памятнику...» (365, с. 131, 132, 134).

Не успел отец Павел уехать из Москвы, как немедленно после рукоположения отец Сергей вышел из состава профессоров Московского университета.

В это же время пришла тревожная весть из Крыма от семьи, и отец Сергей, оставив временно Федю в Москве, в июле 1918 г. отправился туда, чтобы встретиться — теперь уже священником — с остальными членами своей семьи, а через месяц вернуться к Феде. Однако возвращение в Москву, несмотря на многочисленные энергичные попытки отца Сергия, оказалось абсолютно невозможным.

14. Жизнь и творчество в Симферополе (1918—1922 гг.). Выезд из СССР

После приезда в Крым и свидания с семьей отец Сергей обосновывается в Симферополе, где он начинает священствовать.

Здесь он сближается с одним католическим священником литовской национальности, получившим духовное образование в Риме, человеком просвещенным и глубоко убежденным в истинности своего вероисповедания. Пользуясь его книгами, отец Сергей с живым интересом изучает католичество, даже увлекается им и проводит критическую проверку церковного воззрения на устройство исторической Церкви и папское главенство.

Вскоре он приходит к убеждению, что римо-католикам особенно свойственно абсолютизировать относительное и историческое. Отсюда проистекает и вероисповедная исключительность, которая не признает права на существование исторических различий в Церкви. Отец Сергей не раскаивается в своем увлечении, так как считает его неизбежным этапом в диалектике своего церковного самосознания, и даже спасительным, поскольку он «навсегда потерял духовный вкус к папизму» и еще более утвердился в абсолютной верности Православию в его мистической и догматической сущности.

Глубокие размышления отца Сергея над судьбами исторической христианской Церкви с ее вероисповедными различиями приводят его постепенно к идее «экуменического православия» (315, с. 50). Он понимает, что не настало еще время для справедливых взаимных отношений между восточным и западным христианством и для объективного признания и уважения каждого вероисповедания в его исторически сложившемся своеобразии. Однако он полагает, что живая церковность должна ставить своей задачей церковную любовь во взаимном общении во имя грядущего воссоединения христианских Церквей.

В течение этого сложного периода жизни отца Сергея в Крыму, в постоянных волнениях за старшего сына в Москве, отец Сергей пишет следующие труды: 1) «На пиру богов». Статья издана в России в 1918 г. (139); 2) «Трагедия философии». Статья написана в 1920 г., впервые опубликована на немецком языке в 1927 г. (Одна глава ее — «О природе мысли» — вышла из печати на русском языке в 1971 г. — 358) (167); 3) «Философия имени». Книга написана в 1920 г., издана в 1953 г. в Париже (325); 4) «У стен Херсонеса». (Неопубликованный диалог, написан в 1922 г.).

30 декабря 1922 г. отец Сергей выезжает из СССР вместе с женой — Еленой Ивановной, дочерью Марией и младшим сыном Сергием, родившимся в 1911 г. и направляется в Константинополь.

15. Гимн Булгакова храму Святой Софии. Размышления о будущей Вселенской Церкви

Константинополь. Отец Сергей в храме Святой Софии. Все жизненные драмы в его сердце замирают, тонут в блаженстве лицезрения храма непревзойденной красоты. Он воспринимает его как «Храм безусловный, Храм вселенский». В его душе звучит пасхальная радость, безграничное благодарение Богу, что Он удостоил его увидеть такое чудо красоты.

«Эта непередаваемая на человеческом языке легкость, ясность, простота, дивная гармония, при которой совершенно исчезает тяжесть купола и стен, это море света, льющегося сверху и владеющего всем этим

пространством, замкнутым и свободным, эта грация колонн и красота их мраморных кружев, эта царственность золотых стен и дивного орнамента — пленяет, умиляет, покоряет, убеждает... Ощущается потеря собственной тяжести... Это чувство крылатости, как птицы в синем небе, дает не счастье, не радость даже, но блаженство — какого-то окончательного ведения мира в единстве... Это — и не небо, и не земля, а свод небесный над землей. Здесь не Бог и не человек, но сама Божественность, Божественный покров над миром. Как правильно было чувство наших предков в этом храме, как правы были они, говоря, что не ведали они, где находятся: на небе или на земле... Святая София есть последнее, молчаливое откровение в камне греческого гения, завещание векам... В святой Софии складывалась и зазвучала во всей полноте и красоте Божественная, софийная симфония православного богослужения.

...Ныне здесь молятся Аллаху, святыня отнята от Христа... Однако и теперь здесь молятся достойно... Бог сдвинул светильник и отдал храм чужому народу, как некогда отдал святыню первого Храма завоевателям... София есть Храм вселенский и абсолютный, она принадлежит вселенской Церкви и вселенскому человечеству, вселенскому будущему Церкви. А теперь, пока нет явления вселенской Церкви в ее силе и славе, в век раскола церковного, внешнего и внутреннего, в век распада и обособления, отнят этот храм у христиан и отдан местоблюстителям.

...Было бы делом величайшей слепоты и исторической неблагодарности отделить святую Софию от породившей ее Византии. Ибо тот же самый эллинский гений, который породил и богословие Вселенских Соборов, воздвиг над Церковью купол христианской догматики и покорил мир церковною сладостью богослужения. И вне эллинства не мог зазвучать с такой победной чистотой голос Софии, зов вселенского христианства... Но не вселенская власть утверждает вселенскую Церковь, а вселенская любовь... София — всенародна и сверхприродна, она — Вселенская Церковь, все народы зовущая под свой купол... София была создана раньше великого церковного раскола и возвращена она может быть христианскому миру, лишь когда последний исцелее от этой раны... Раньше конца истории должна явиться полнота Церкви. О ней пророчествует святая София. Это — голос истории, это — превозмогающая сила Церкви...» (315, с. 94—102).

С такими глубокими идеями об экуменическом вселенском Православии отец Сергей покидает храм святой Софии и Константинополь, унося в душе несокрушимое намерение осуществлять эти идеи — по мере сил — на протяжении всей своей дальнейшей пастырской деятельности.

16. Переезд отца Сергия в Чехословакию. Профессура, религиозно-общественная деятельность и труды в Праге

В 1922 г. Чешское правительство разрешило въезд в Чехословакию русским ученым и предложило им материальную помощь, обеспечивающую их скромное существование в Праге. Благодаря активности П. И. Новгородцева 18 мая 1922 г. при Пражском государственном университете был организован Русский научный институт.

В связи с этим отец Сергей — после полугодичного пребывания в Константинополе — переезжает с семьей в мае 1923 г. в Чехословакию. Он сразу становится профессором церковного права и богословия на юридическом факультете Русского научного института в Праге (с весны 1923 г. до лета 1925 г.). 30 мая 1923 г. он выступает со вступительной лекцией на тему «Церковное право и кризис правосознания» (148).

В то же время он объединяет вокруг себя русскую молодежь с серьезными религиозными запросами и, становясь ее духовным руководителем, ведет систематический богословский семинар, посвященный новозаветному учению о Царствии Божием, принимает самое активное участие в ряде важнейших религиозно-общественных предприятий молодежи. В октябре 1923 г. он становится главным организатором Братства святой Софии в Чехословакии.

Параллельно с этой многогранной деятельностью отец Сергей пишет ряд статей, которые публикуются в регулярно выходящем журнале «Духовный мир студенчества» и в других международных и пражских изданиях (141—145, 148, 152, 153).

Исключительно важно отметить, что именно в Праге отец Сергей впервые работает над чисто богословской книгой «Святые Петр и Иоанн. Два первоапостола» (163), которая выходит в свет в Париже в 1926 г.

28 апреля 1924 г. происходит знаменательное событие в жизни отца Сергея — его встреча с профессором В. В. Зеньковским и доктором Джоном Моттом, на которой обсуждается проект создания Православной Духовной Академии в Париже, где отец Сергей должен занять ведущее место.

В связи с этим проектом Булгаков едет в декабре 1924 г. на конференцию в Лондон, чтобы произвести сбор средств на создание Духовной Академии. Эту миссию он выполняет весьма успешно.

17. Новая встреча с «Сикстинской Мадонной». **Размышления отца Сергея о православной иконописи** **и искусстве западного Ренессанса**

Отец Сергей по пути в Лондон спешит побывать в Германии и посетить Дрезденскую галерею, чтобы еще раз встретиться с «Сикстинской Мадонной».

С трепетом, но без прежней радости входит он в Zwinger и устремляется прямо в заветный зал. Входит и не узнает — или это не она, или он уже не тот. Не дрогнуло сердце, осталось спокойным, ибо увидел он дивную человеческую красоту, но... с религиозной двусмысленностью и безблагодатностью. И понял: молиться перед этой картиной нельзя... Без вдохновения, со щемящей болью от пустоты в сердце, от разочарования, созерцал он загадочный образ с его магическим очарованием, силась разгадать причину глубокого изменения впечатления... И уразумел: Рафаэлевская картина Богоматери не есть икона Пречистой Приснодевы. В образе Мадонны явлена дивная женственность, выражающая жертвенную самопреданность, чудная женщина, полная обаяния, красоты и мудрости. Но нет здесь девства и наипаче приснодевства. «В выражении Приснодева — *αει Παρθενος* — слово *αει* — не временное определение в смысле состояния, но онтологическое в смысле существа: в Приснодеве Марии отсутствует

женственность, сопричастная греху в женщине, но всецело царит только девство, в женском образе. Вот почему бессильным, ибо ложным, оказывается всякий натурализм при Ее изображении: он владеет лишь природностью, а последняя знает только женщину. В ведении этого соотношения содержится ослепительная мудрость православной иконы. Это она, — говорит отец Сергей, — обезвкусила для меня Рафаэля вместе со всей натуралистической иконографией, она открыла глаза на это вопиющее несоответствие средств и заданий. В аскетическом символизме строгого иконного письма ведь заключается, прежде всего, сознательное отвержение и преодоление этого натурализма, как негодного и неуместного, и просвечивает видение сверхприродного, благодатного состояния мира. Поэтому икона не имеет отношения и к портретности, ибо и в ней неизбежно таится натурализм, к которому роковым образом и влечется религиозная живопись. И вот почему последняя никогда не достигнет цели, если видит свое достижение не в религиозном, а в живописном эффекте.

Этим определяется судьба всего Ренессанса как в живописи, так и в скульптуре и архитектуре. Он создал искусство человеческой гениальности, но не религиозного вдохновения. Его красота не есть святость, но то двусмысленное, демоническое начало, которое притворяет пустоту, и улыбка его играет на устах Леонардовских героев.

Творение Рафаэля отличается своим особым напряжением; оно ищет средствами этой двусмысленной и — уже в этой двусмысленности — греховной красоты явить Богородичное начало... И я увидел и почувствовал нечистоту, нецеломудрие картины Рафаэля, сладострастие его кисти и кощунственную ее нескромность.

...И снова думается невольно: как мудро, с какой безошибочностью поступает здесь церковная иконография, не делая уступок сентиментальности и не давая никакого поощрения чувственности — все прикровенно и недоступно взору, кроме лика и рук, но и они неизменно прикрыты трансцендированным стилем, стилизованы. Икона не дает места похоти и ее тончайшим услаждениям, поэтому она суха и бессодержательна для их любителей, но потому на икону и можно молиться трезвенно и без соблазна.

...Эта фамильярность с Божеством, это мистическое обмирщение подготовили то общее обмирщение, торжество языческого мироощущения, жертвою, а вместе и орудием которого сделались деятели Ренессанса. Красота, двусмысленная и обольстительная, розовым облаком застилает здесь мир духовный, искусство же становится магией красоты.

И, этой магией зачарованный, замороженный, сидел я на этом самом месте четверть века назад, не умея понять, что же со мной происходит. Но тогда я трепетал от религиозного восторга: не зная молитвы и не умея молиться, я пред нею молился. Теперь же я, сохраняя полное самообладание, созерцал лишь художественное произведение. И это было качественно иное, нежели испытанное тогда... То, что с такой остротой я почувствовал в Сикстине, это же самое имеет силу для всей религиозной живописи Ренессанса. Вся она есть очеловечение и обмирщение Божественного: эстетизм — в качестве мистики, мистическая эротика — в качестве религии, натурализм — как средство иконографии. Если выразить это в терминах богословия, то здесь восторжествовало

некое художественное арианство или же монофизитство. Была почувствована только человеческая стихия в Боговоплощении, Божественное потускнело и заслонилось человеческой красотой, обольстительно-двусмысленной, как улыбки на картинах Леонардо да Винчи, и человеческое без духа перестало быть человеческим, стало плотским. Это оплотнение человечества и ведет к религиозному упадку нового времени.

...Отрыв Запада от Востока, роковой церковный раскол духовно обездолил Запад более существенным образом, нежели Восток.

...Но если отказаться от заблуждения, что картина Рафаэля является иконой и вообще «Мадонной», то своей обаятельности и силы картина от этого не утратит. Напротив, освобожденная от ложных притязаний, она предстает пред нами как могучая и прекрасная человечность, как героическое искусство. Здесь даны образы дивной красоты, младенца и матери, чтобы выразить трагическую жертвенность и волю к ней, высший *amor fati*, и то, что здесь явлено, влечет к себе и волнует, художественно пленяет и покоряет. Эту картину нужно воспринимать как изображение пути человеческого восхождения, который есть, вместе с тем, трагическая судьба. Трагедия волнует нас высшим художественным волнением, она дает очистительное просветление, сила ее — катарсис. Здесь явлена человеческая трагедия, и то, чего отрицаемся мы в порядке религиозном, как кощунства, это приемлемо как трагическое постижение человеческих судеб в искусстве. Только в религии разрешается трагедия, и ею она превозмогается, но трагический путь необходимо ведет к религии. Трагедия может быть религиозно-осмыслена как духовное рождение, рассечение плотского сердца к воспламенению в нем Божественного огня.

...Так и мое давнее переживание перед «Сикстинской Мадонной», не будучи еще религией, оно к ней внутренне вело, становилось путем религиозного восхождения. И верный религиозный инстинкт за трагическим прозревал религиозное... Та же человеческая напряженность, которая меня тогда потрясла, она и теперь сохраняет силу и внутреннюю убедительность, если не приписывать ей несоответственного значения и не смешивать человеческого и благодатного. Разумеется, теперь и для меня эта переоценка явилась разочарованием; я почувствовал себя потерянным, навсегда похоронившим нечто дорогое. Но при этом и радостно было ощущать вечную природу духа, который никогда не остается на месте, но всегда живет; трудно, но вразумительно было вдруг в одном мгновении почувствовать какой-то огромной значительности итог прожитой жизни и, несмотря на все, нельзя не подивиться благодарным удивлением силе творения, которое, словно не подвластное времени, смотрит в душу со своего холста и собою меряет времена и сроки души. Я удалился в волнении и задумчивости» (315, с. 105—113).

18. Православный Богословский институт в Париже.

Протоиерей Сергей Булгаков — профессор догматического богословия

Наступил знаменательный для зарубежных приходов Русской Православной Церкви 1925 год. Митрополит Евлогий (Георгиевский; 1868—1946), назначенный Патриархом Тихоном для возглавления Русской Православной Церкви в Западной Европе, решил создать в Париже новый приход (кроме существовавшего Александро-Невского приход-

ского храма) и осуществить проект организации Духовной Академии, намеченный им еще в 1924 г. в Праге совместно с В. В. Зеньковским, отцом Сергием Булгаковым и Дж. Моттом. Благодаря благодатной помощи Божией, дерзновенной вере митрополита Евлогия, огромной энергии его сотрудников и обильным пожертвованиям русских и иностранных друзей удалось в праздник Преподобного Сергия Радонежского приобрести на аукционе подходящую усадьбу по улице Крымской, № 93. На высоком холме, в глубине двора, среди ветвистых деревьев, находилось очень запущенное двухэтажное здание бывшей немецкой школы внизу и протестантской кирхи вверх. Это было удивительно уединенное, тихое место, подобное некоей пустыни в шумном Париже. На той же территории находились еще четыре небольших заброшенных домика. Вся эта усадьба получила название Сергиевского Подворья.

Безвозмездными трудами талантливого русского художника-иконописца Д. С. Стеллецкого немецкая кирха была вскоре преобразована в чудесный древнерусский храм. Стены и своды покрылись росписью по образцу замечательных фресок XVI в. знаменитого Ферапонтова монастыря. Был воздвигнут многоярусный иконостас с царскими вратами XIV в., приобретенными у одного антиквара. Множество пожертвованных икон украсило весь храм.

Обширное помещение на нижнем этаже, под церковью, было преобразовано в аудитории для организованного Православного Богословского института с прилегающими к ним спальнями для студентов. Во время некоторых больших праздников в более обширной аудитории ставился небольшой иконостас, что придавало ей вид домашней церкви. Здесь часто служил вдохновенно утреню и литургию отец Сергей Булгаков, зажигая сердца своим победно ликующим видом.

Два ближайших к церкви флигеля были отремонтированы и отведены для квартир священнослужителей и профессуры. В левом флигеле (если обратиться лицом к церкви), на втором этаже, жил в скромной трехкомнатной квартире отец Сергей Булгаков с семьей.

В состав профессуры Богословского института вошли съехавшиеся в Париж из разных стран специалисты, обладающие большой богословской эрудицией и высокой профессиональной культурой.

Митрополит Евлогий в своих воспоминаниях «Путь моей жизни» (400, с. 446—453) дает яркую характеристику представителей этой профессуры.

«Отец Сергей Булгаков (1871—1944) занял кафедру догматического богословия. Он — крупная величина, богослов большой образованности и дарования. Истину Православия он выносил долгим и тяжким жизненным опытом... Булгаков отдался служению Церкви Божией со всем пламенем очищенной страданиями души. Он сделался ревностным пастырем-молитвенником, прекрасным проповедником и духовником, священником, с трепетным благоговением совершающим таинство святой Евхаристии. В области богословской науки он оказался плодотворнейшим писателем. Им написано несколько замечательных богословских книг. На всех богословских трудах о. Сергия лежит печать большого таланта.

Курс патрологии был поручен Георгию Васильевичу Флоровскому (1893—1979), протоиерею, принявшему священство в 1931 г. Он с большой ревностью занимался своей специальностью и путем усидчивого

труда достиг широких знаний. За годы преподавательской деятельности в Богословском институте он издал большой труд «Вселенские отцы Церкви» (в двух томах) и «Пути русского богословия».

На смену прежним профессорам приходили наиболее одаренные молодые преподаватели, окончившие Богословский институт.

С июля 1925 г. отец Сергей окончательно обосновался в Париже. Этот год знаменует собой новый, исключительно плодотворный период в его жизни, связанный на протяжении почти 20 лет с его многогранной — богословской, педагогической, пастырской, общественной и экуменической — деятельностью. Наряду с преподаванием догматического богословия отец Сергей до конца своей жизни остается бессменным деканом Богословского института.

Он ведет жизнь подвижника, но его аскетизм никогда не становится нарочитым; на нем лежит печать естественности и православной трезвости.

Обстановка его личной комнаты предельно убога: в правом углу всего лишь несколько любимых икон, в том числе Новгородской Софии, Премудрости Божией, и Ангела Хранителя — письма иконописицы сестры Иоанны. На стене у икон — четки, по которым отец Сергей всегда молится, совершая свое утреннее и вечернее правило. Перед иконами — подобие малого аналоя в виде треугольного столика, на котором лежат молитвенники и некоторые богословские книги.

В комнате — простой рабочий стол, сколоченная из досок книжная полка, железная кровать со скромнейшей постелью, два железных стула с деревянными рейками (какие обычно встречаются в садах). Только в последние годы жизни, уже ослабленный и больной, отец Сергей соглашается — после настойчивых уговоров ближайших друзей — принять от них два кресла: деревянное к столу и мягкое для отдыха.

Если к отцу Сергию приходит близкий ему человек, он принимает его в своей комнате. Если его посещает большое число друзей или молодежи, он устраивает в своей скромной столовой гостеприимное чаепитие, во время которого становится непосредственным, радостным, лучезарным, полным любви, смеющимся со свойственным ему юмором.

Рабочий день отца Сергия строго распределен. Вечером он ложится сравнительно рано и засыпает, а ночью страдает от наследственной бессонницы, которая становится особенно мучительной в последние годы жизни; под утро засыпает, но никогда не может позволить себе отдохнуть: рано звенит беспощадный будильник, и отец Сергей, преодолевая усталость и сон, немедленно встает и идет в церковь, так как считает себя обязанным присутствовать на утрени, которая совершается ежедневно для студентов перед завтраком и началом лекций. Два раза в неделю отец Сергей сам служит раннюю литургию.

После службы и утреннего чая, если у него нет лекций, он садится за свою богословскую работу, которую продолжает и днем; вечером и ночью он не пишет научных трудов. Вообще, весь день отца Сергия занят непрерывными напряженным трудом: сверх упомянутых богослужений и богословского творчества — лекции и воспитательская работа в Богословском институте, выступления с речами и докладами на различных конференциях и съездах, частые поездки — близкие и дальние, преследующие экуменические цели, разнообразные пастырские обязанности, проповеди в устной и письменной форме (для публикации в

так называемых «Сергиевских листках»), беседы с духовными детьми и т. п.

Духовное влияние отца Сергия на друзей и учащуюся молодежь очень глубоко. Его облик и воздействие ярко запечатлены в воспоминаниях его почитателей и тех одаренных студентов, которые впоследствии внесли свой посильный вклад в православное богословие и пастырское служение.

19. Воспоминания о протоиерее С. Булгакове, характеризующие его личность

Среди почитателей и друзей отца Сергия прежде всего следует упомянуть профессора Л. А. Зандера (1893—1964), человека высокой духовной и философской культуры, который до самых тонкостей постиг и изложил все его творчество как целостную богословскую систему в двух фундаментальных томах под заглавием «Бог и мир» (401).

«В течение двадцати лет,— пишет Л. А. Зандер,— мне было дано жить и работать в свете мудрости и вдохновений о. Сергия. Это лучшее время моей жизни было увенчано единственным и редким счастьем: возможностью писать о любимом учителе еще при его жизни, беседовать с ним по поводу написанного, слушать его собственные слова о моем труде, полные смирения и любви...» (401, с. 7).

«Ничто не поражает в о. Сергии так сильно и глубоко, как слияние воедино двух стихий: священства, связанного со всем богатством церковного прошлого, и пророчества, устремленного к грядущему. Но этот порыв ввысь, эта ненасытность его духа в принятии Божества сообщает всему его творчеству силу огненного потока, сжигающего сердца и увлекающего за собой к своему первоисточнику — Богу» (401, с. 18).

«Церковный характер мысли о. Сергия мы должны определить как «церковность изнутри»: он церковен не потому, что хочет быть в согласии с тем или иным признанным или утвержденным учением, но потому, что любит Христа, потому, что Церковь для него — высшая Реальность, Правда и Красота» (401, с. 21).

Н. С. Арсеньев (1888—1977) — профессор православного факультета Варшавского университета (с 1926 по 1938 г.) — делится такими воспоминаниями: «В о. Сергии Булгакове было большое горение духовное и большая сила веры, и этим своим пламенем духовным он часто зажигал души других... Его горящий интерес к великому обетованию о преображении твари через подвиг Христов я высоко ценю и чту... Он многим указал путь ко Христу; у многих раскрыл глаза на действие Слова Божия в мире и истории. Имя его займет почетное место в истории русской духовной жизни и духовной культуры как ревностного и пламенного служителя и проповедника Воплощенного Слова» (398).

Профессор В. Н. Ильин (1891—1974), трудившийся в Богословском институте в Париже вместе с протоиереем Сергием Булгаковым многие годы, свидетельствует: «С творчеством С. Н. Булгакова я познакомился еще в 1905—1906 гг. Он прогремел тогда на всю Россию серией своих превосходных лекций о Чехове и рядом статей, вошедших впоследствии в великолепнейший сборник «Тихие думы»... Самым сильным и глубоко действующим во всем духовном облике протоиерея С. Булгакова в эпоху моей первой встречи с ним в 1924 году был его общий благостный стиль православного священника... С первых же шагов общения с ним

переживался священник-левит, которому дана власть вязать и решить, совершать литургию и, данной ему благодатью от Бога, уводить за собою в ограду огня. Такова же была сила его проповеднического и духовнического дара. Удивителен был его богословско-метафизический и философский гений и широчайший, глубочайший опыт его иерейского служения. Тот, кто имел радость присутствовать на его служениях или быть его духовным сыном, тот никогда не забудет этого и унесет счастье «по ту сторону огненной преграды». А сколько было грозы в его иерейской благодати, грозы, прогонявшей всякого рода темные силы... И в наше время никто (за исключением старца Алексея Мечева), никто так высоко и так благоговейно не нес над своей главой «Кивот и крест — символ святой», как именно отец Сергей Булгаков. Быть может, именно по этой причине постиг он в такой глубине две таких величайших церковных ценности, без которых Церковь не стоит в наших сердцах, — молитвы и чуда» (405).

Для полноты обрисовки личности протоиерея Сергея Булгакова следует привести воспоминания двух его учеников — бывших студентов Богословского института в Париже.

Протоиерей Александр Шмеман вспоминает своего незабвенного учителя в статье (410), написанной к столетию со дня рождения отца Сергея Булгакова: «Что дал мне о. Сергей? — Дал тот огонь, от которого только и может возгореться другой огонь; дал почувствовать, что только в прикосновении к Божественному Свету, к Его исканию и созерцанию — единственное подлинное назначение человека; окрылил своим горением и полетом, своей верой и радостью; приобщил меня к чему-то самому лучшему и чистому в духовной сущности России... Почвой о. Сергея было несомненно русское Православие... Но открыт он был и ко всему подлинному и на Западе. У него было подлинно вселенское вдохновение веры. И все же из всех исторических воплощений христианства кровно и органически любил он воплощение русское...

Его творчество направлено не только вовнутрь — к Церкви, но и вовне — к миру, тоскующему по целостной вере, которую созерцает о. Сергей именно в русском Православии, как «данность» его и, одновременно, — «заданность». Вот откуда сочетание в его образе некоего «почвенного» русского священника с безостановочным полетом мысли, с неутомимым желанием поведать — какую глубину, какую красоту, какую всеобъемлющую истину находит блудный сын, вернувшийся в Отчий дом.

...Навсегда врезалось в память воспоминание о всеобщей на Сергиевском Подворье под Вербное воскресенье... Вот открываются царские врата, и посредине храма начинают читать медленно и проникновенно Евангелие... И вот навсегда, на всю жизнь запомнилось мне лицо, лучше сказать — лик о. Сергея, на которого я случайно взглянул в этот момент. Никогда не забуду его светящихся каким-то тихим восторгом глаз, и слез его, и всего этого стремления вперед и ввысь, — туда, где уготовляет Христос последнюю Пасху с учениками Своими... Тогда поразил и всегда поражал меня больше всего в о. Сергии его «эсхатологизм», его всегдашняя радостная, светлая обращенность к концу. Из всех людей, которых мне довелось встретить, только о. Сергей был «эсхатологичен» в прямом, простом, первохристианском смысле этого слова, означающем не только учение о конце, но и ожидание конца...

Сколько христиан действительно ждет Господа и живет этим ожиданием?.. А о. Сергей действительно жил ожиданием Господа, был не только сознательно, именно светло и радостно обращен к смерти, и для него все в этой жизни уже светилось светом грядущего Царства. И Вербное воскресенье он так переживал именно потому, что для него (как и для Церкви) оно было праздником эсхатологическим, вспышкой в этом мире, «уверением» на земле вечного Царства Божия, сверкнувшими лучами славы его... Только любовь ждет и живет ожиданием... Только любовь побеждает страх смерти... И именно эта любовь ко Христу струилась из образа о. Сергея, и она, конечно, поразила меня за той Вербной всенощной. Не случайно каждая из больших книг его последней трилогии заканчивается первохристианским призывом: «Ей, гряди, Господи Иисусе!» Не поняв этого, не ощутив пронизанности эсхатологическим ожиданием всего творчества о. Сергея, невозможно ни правильно понять, ни правильно оценить его богословской мысли».

Наконец, протоиерей Алексей Князев вспоминает: «Отец Сергей Булгаков порастил нас, студентов, смелостью своей проблематики во всех областях богословия. Его одаренность как мыслителя, его незаурядная философская культура, его богословский и научный опыт сочетались у него с глубокой церковностью и несомненной харизмой служения у алтаря. Он показал, что знание о Боге может при известных условиях стать знанием Бога. Собственным примером он явил, что богомыслие может стать одним из привходящих моментов религиозной жизни. Он пробудил во мне богословское призвание и направил меня по научно-богословскому и по пастырскому пути» (406).

20. Пастырское служение протоиерея Сергея Булгакова

Отец Сергей был всегда с неиссякаемым энтузиазмом обращен всем своим духом, всем сердцем и разумом к первохристианству, ибо именно оно, вопреки всем человеческим ожиданиям, всем естественным закономерностям, оказалось могучей обновляющей силой, животворящей и созидающей, в историческом процессе.

Булгаков был убежден, что первохристианство — несмотря на неисторичный, эсхатологический характер своего миропонимания, на постоянную обращенность к близкому концу и к радостной встрече с Живым Христом — в высшей степени успешно и энергично выполнило ту историческую миссию, которая была завещана ему Христом. Поэтому первохристианство является нормой деятельности и для всего исторического христианства в любую эпоху до скончания века.

Булгаков не только изучал первохристианство, но непрерывно получался и вдохновлялся подвигами первохристианского служения, запечатленными кровью мучеников, страданиями исповедников, трудами апостолов; он неизменно просвещался светом, зажженным от лампады, теплившейся в катакомбах и знаменующей радостную зарю нового дня.

Поэтому в душе отца Сергея всегда горел огонь первохристианской любви ко Христу и не ослабевало восхищение первохристианским мужеством, его блаженной радостью о Духе Святом, обилием его благодатных даров, подлинностью его живого Богообщения. По этой причине и все пастырское служение Булгакова было пронизано первохристианским духом. Это ярко отражалось в его богослужении, особенно ехва-

ристическом, в его пламенных проповедях и выступлениях, в его духовном подвиге, полном первохристианской любви.

Так, протоиерей Борис Старк вспоминает, что «о. Сергей не служил, а горел, и это особенно чувствовалось в Пасхальную ночь, когда, совершая каждение в храме или же в его ограде, он, казалось, не шел по земле, а было явное ощущение того, что он летит по воздуху, и его лицо озарялось светом такой радости, что черты лица совершенно пропадали».

Протоиерей Александр Шмеман вспоминает об отце Сергии, служащем литургию: «О. Сергей действительно литургисал. Что-то было в его служении, в самой его угловатости и порывистости, первобытное и стихийное... Он до конца, до предела растворялся в нем, и впечатление было такое, что литургия служится в первый раз, падает с неба и возносится от земли впервые» (410).

Отец Сергей Булгаков, как мы уже упоминали, страдал, что у него не было своего храма, своего прихода. Но в последние годы его жизни ему устроили придел на Сергиевском Подворье, где он мог один служить ранние литургии. Естественно, что вокруг него сформировалась группа его духовных детей, которую он часто приглашал к себе на чай после богослужения. Эти встречи напоминали первохристианские «агапы» — «вечери любви»; на них велись оживленные богословские, церковные и вообще духовные беседы.

Проповеди и поучения протоиерея Сергия Булгакова обладали исключительной духовной силой. Некоторая часть их — по просьбе членов студенческого братства Преподобного Сергия — публиковалась в так называемых «Сергиевских листках», а затем была издана в 1938 г. в сборнике «Радость церковная» (292).

В предисловии к сборнику отец Сергей подчеркивал, что «идеальная проповедь должна являться произведением религиозного искусства, как икона или священный гимн». Он глубоко сожалел, что не имел никакой возможности довести свои проповеди и поучения до совершенного вида, однако не считал себя в праве отказать настоятельным просьбам об их напечатании. Приводим их заглавия (по сборнику «Радость церковная»):

1. Сила Крестная. (На Воздвижение Креста Господня).
2. Светлый Покров над миром.
3. Храм храма. (Слово в день Введения во храм Пресвятой Богородицы).
4. Пречистое Материнство.
5. Небо — вертеп. (Слово на Рождество Христово).
6. Издалече пришли мы. (Слово на Рождество Христово).
7. Дары волхвов.
8. Знамение пещеры Вифлеемской.
9. Вечность и время. (Слово на Новый год).
10. Угль пламенеющий. (Слово в день памяти преп. Серафима Саровского).
11. Вода, скачущая в жизнь вечную. (Слово в Навечерие Богоявления).
12. Разводящиеся небеса.
13. Сретение Господа в храме.
14. Неделя о Страшном Суде.

15. Двери покаяния.
16. О светлой печали. (В преддверие Великого поста).
17. Архангельский глас.
18. Страстное Благовещение.
19. Крестное воцарение. (Слово в день Входа Господня в Иерусалим).
20. Благословен Грядый, Царь Израилев. (Размышления в день Входа Господня в Иерусалим).
21. Сия есть благословенная Суббота. (Размышления перед Святой Плащаницей).
22. Веселимся Божественно! Христос Воскресе!
23. Смертию смерть поправ.
24. Радость разлучения.
25. Пятидесятницу празднуем и Духа пришествие.
26. Зов апостольства.
27. Велелепная слава (2 Петр. 1, 17).
28. Слово в Неделю пятнадцатую.
29. Сотница молитв.

Некоторые проповеди не вошли в этот сборник и публиковались по-разному, чаще всего в «Сергиевских листках».

Духовнический дар отца Сергия был изумительным. Он имел много духовных детей — в Париже и за его пределами, и даже вне Франции. Обладая большим мистическим опытом, редкой глубиной души, богатым интеллектом, широким историческим и жизненным кругозором, отец Сергий являлся мудрым и чутким духовным отцом, понимавшим с полуслова самые сложные события, ситуации, переживания. Сколько раз он спасал своих духовных детей от непоправимых проступков, от отчаяния и даже от смерти.

Он не требовал послушания, предоставлял своим духовным детям свободу, но умел с такой мудростью повести их за собой, призвать, зажечь, что они сами, в духовной свободе, выбирали наилучшие христианские пути. Зато и любовь к нему его духовных детей была поистине безмерной и неугасающей до конца жизни.

Великую любовь, ответственность, доброту и чуткость вкладывал протоиерей Сергей Булгаков и в выполнение всех церковных треб, приходившихся на его долю. И хотя (например, во время молитв об исцелении больных или при поминовении усопших) слова отца Сергия в конце его жизни — из-за отсутствия голосовых связок — были недостаточно разборчивы, однако излучавшиеся из всего его облика любовь и духовная радость приносили молящимся глубокое утешение и мир.

21. Трагичные стороны в священстве протоиерея С. Булгакова

В пастырском служении отца Сергия были свои драматические стороны, причинявшие ему глубокие страдания, которых он не имел возможности преодолеть. Прежде всего, это касалось совершения служб. Он был безгранично церковен и верен всем своим существом учению Церкви в самом строгом смысле. В то же время он глубоко понимал и высоко ценил церковную свободу, запечатлев навсегда в своем сердце слова святого апостола Павла: «Где Дух Господень, там свобода»; «Стойте в свободе, которую даровал вам Христос, и не подвергайтесь

опять игу рабства... К свободе призваны вы, братия» (2 Кор. 3, 17; Гал. 5, 1, 13).

Священство Булгаков принял исключительно ради того, чтобы служить, литургисать. Но с первых же пор своего священства он понял, что для полноты и свободы развития литургического служения необходимо иметь свой храм или, по крайней мере, свой престол. Между тем за четверть века своего церковного служения он почти никогда не имел ни того, ни другого. Он всегда лишь сослужил архиереям или настоятелям и должен был в известном смысле применяться к ним. И если изредка удавалось получить право на самостоятельное служение — в частном помещении или в церкви, — то это добывалось в результате ходатайства его друзей и личной самозащиты. Такое отсутствие заботы со стороны епископов о его церковном устройстве и составляло тяжелый крест и скорбь отца Сергия Булгакова на пути его священства.

Вторая трагичная сторона в церковном служении отца Сергия заключалась в его одиночестве, возникавшем вследствие существенных расхождений в понимании им и окружающими церковнослужителями воплощения в русской православной среде некоторых сторон первохристианства.

Прежде всего, это касалось понимания церковной свободы. С точки зрения отца Сергия Булгакова, свобода — это высший дар Божий. Поэтому грех против свободы является грехом против Православия и Церкви, а духовное самопорабощение, во имя чего бы то ни было, есть хула на Духа Святого, которая не простится ни в сем веке, ни в будущем. Такая принципиальная духовная установка отца Сергия отделяла его от той духовной среды, в которой он жил и которая была проникнута абсолютизированием относительного, угашением духа и его творческой стихии ради привязанности к второстепенным ценностям в церковной жизни, ради властолюбия, с одной стороны, и раболепства — с другой. Вот почему отец Сергий чувствовал себя всегда «чужим среди своих».

И это происходило не по причине его сомнений или притязательности, а из глубокой любви к истине и верности Церкви, в свете которых всякий компромисс и рабство переживаются как измена. Так, Булгаков был убежден, что любовь к Церкви рождает и предполагает послушание, но послушание любви, а не страха, почитания, а не лести. Между тем, во взаимоотношениях церковных людей часто бывало обратное.

Отец Сергий признавал мистическое содержание церковных форм и установлений, их ценность и необходимость, но считал, что в исторической Церкви, существующей и развивающейся в пространстве и времени, следует выделять элементы различной важности и вносить в их оценку некоторый исторический коэффициент. Поэтому в некоторых, обоснованных случаях необходимо изменять те или иные формы. От своеволия в этой области предохраняет любовь к Церкви, инстинкт церковности, который склоняет всегда уступить Преданию.

Опыт священства научил отца Сергия Булгакова постигать историческую относительность внешних форм, особенно в иерархическом устройстве Церкви. С иерархией связана сакраментально-мистическая жизнь Церкви, и это — истина незыблемая; мистическое значение епи-

скопата и вообще сила хиротонии безусловно непоколебимы. Но Православие, по мысли отца Сергия, сначала в византийском, а затем и в русском преломлении, содержит некоторые элементы «папизма», не в плане догматическом, как в католицизме, а в плане фактическом и психологическом. Православная Церковь предполагает соборность, а не только епископат; она есть тело церковное, а не только глава или главы. Существует особый гиперболизм, усвоенный епископатом в Русской Церкви. Возвышая в этом направлении свой мужественный голос, лишенный какой бы то ни было личной заинтересованности, Булгаков выступает не против епископата, а за него, ибо стремится восстановить его в подлинном первохристианском достоинстве, освободить его от приражений: с одной стороны, от уступок кесарю, с другой — от деспотизма в отношении к клиру, который связан с епископом каноническим послушанием. Отец Сергий выступает против такого культа епископства, который придает богослужению некоторый оттенок «архиерослужения». Такое «внедрение декоративного парада под предлогом благочестия во святая святых» переживается Булгаковым с тяжелейшей скорбью. «Неизменно,— пишет он,— читая в церкви гневные речи Господа с обличением «Моисеева седалища», голос мой бессильно дрожал от затаенного страдания. Такова горькая истина об этой стороне моего священства» (315, с. 53).

Есть еще одно важное расхождение отца Сергия с «историческим Православием». Оно относится к будущему, к эсхатологии, к тому трепетному ожиданию Грядущего Христа, которое, по мнению Булгакова, если не догматически, то фактически утеряно Православием под непосильным бременем его историзма. «Предание,— говорит он,— перестало быть живым и живущим, но стало «депозитом» веры, который надо хранить, а не жизненно творить. Православие же есть не только обладание данным богатством веры и жизнью в ней, но и пророчество, апокалипсис, история — не только прошлого, но и настоящего и будущего, зов обетования. «Оно не имеет града zde пребывающего, но грядущего взыскует». Оно есть поэзия, эрос церковный, чаяние Жениха, чувство Его Невесты. Оно есть творчество, направленное к концу и цели, чаяние Конца. Это не малодушный страх жизни и бегство от нее к смерти, но преодоление всякой данности, чаяние Нового Неба и Земли, новой встречи и жизни со Христом» (315, с. 55—56).

В этих чувствах и чаяниях отец Сергий Булгаков остался в Церкви одинок.

22. Богословское творчество

Протоиерей Сергий Булгаков рассматривал свое богословское творчество как основную задачу своей жизни, как осуществление своего духовного призвания. Но если в пастырском служении ему приходилось иногда идти на компромиссы во избежание недоразумений с окружающей его церковной средой, то в своем богословском труде он всегда сохранял свободу, чистоту совести и ответственность перед Богом вплоть до самой смерти.

В беседах с учениками и друзьями он неоднократно говорил, что «богословие надо пить со дня Евхаристической Чаши». Отец Сергий неразрывно связывал алтарь и рабочую келью богослова, утверждая,

что вдохновения богословского творчества в своих глубочайших первоисточниках должны исходить из алтаря. Признавая свободу и дерзновение духа в богословской мысли, он в то же время считал, что абсолютными критериями истинности богословия являются: слово Божие, церковные догматические определения и предстояние пред алтарем. Эти убеждения были неизменным живым руководством в его богословском творчестве.

Целью богословия отца Сергия является раскрытие и углубление оснований для подлинного христианского мировоззрения, — оснований не абстрактных, а жизненных. Он стремился дать не только учение, но показать и его осуществление, начертать конкретную и реальную историю и славу Церкви.

Но ввиду того, что жизнь Церкви есть, в первую очередь, ее молитва, то богословие отца Сергия приобретает характер литургического и иконографического богомыслия. Протоиерей Александр Шмеман подчеркивает, что «богословие отца Сергия на последней своей глубине прежде всего литургическое; в нем — раскрытие опыта, данного в богослужении, передача той таинственной «славы», что пронизывает его, того «тайнства», в котором оно укоренено и «эпифанией» которого оно является» (410).

Литургическое богатство Церкви никогда не используется отцом Сергием в качестве иллюстрации для богословских построений; напротив, оно представляет собой канон церковный, жизнь, норму духовной реальности, от которой следует исходить при построении системы православного богословия, так как Православие — не теория, а жизнь. Такая церковная установка сливает воедино умозрение и молитву, науку и богословие, философию и веру.

Булгаков стремится строить свою богословскую систему на твердом основании церковной реальности. Объективные церковные истины, богослужебные тексты, иконографические резаграфии, мистические откровения переживаются Булгаковым как религиозные реальности, как личный духовный опыт, как первозданная Божественная красота, которые он стремится дать понять и почувствовать окружающим. Отсюда исходит та сила его сочинений, та «глубоко проникающая в душу интимность его слов, которая заставляет биться в унисон с церковной жизнью сердца его читателей, слушателей, учеников» (401, с. 68). Вообще, тайна богословского творчества отца Сергия и его воздействия заключается в том, что церковное всегда воспринимается им как личное озарение, а индивидуальный духовный опыт, в свою очередь, преобразуется и возносится до кафолической высоты.

Церковь, по слову святого Иоанна Златоуста, остается всегда «юнеющей», то есть творческой, свободно развивающейся. Но в то же время Церковь ответственна за каждое сказанное ею слово, причем ответственность эта высшего порядка — не только перед людьми, перед историей, но и перед Богом. Поэтому богословское творчество требует сочетания свободы и аскетической дисциплины, смирения и дерзновения, молитвенного подвига и мистического вдохновения. Весь литургический, молитвенный и жизненный подвиг отца Сергия устремлен к тому, чтобы удовлетворить этим условиям. И в результате внутренних динамизм, присущий духу и мысли отца Сергия Булгакова, делает его богословие волнующим, захватывающим, перерождающим.

«В мировоззрении о. Сергия,— пишет Л. А. Зандер,— нет области, чуждой религиозной реальности: от всего протягиваются нити к открывенным истинам о Боге, всё возвещает о Его премудрости, благодати и славе... Всё научное и философское творчество о. Сергия есть не что иное, как раскрытие этой истины в диалектических формах, как усмотрение печати Творца во всем многообразии Его творения» (401, с. 19).

Творчество и жизнь отца Сергия скреплены неразрывными узами. Поэтому отличительными чертами его богословского творчества являются те же особенности, которые были отмечены ранее относительно его жизни: «почвенность», эсхатологичность, мастерство доводить каждую мысль, как и каждое дело, до четкого завершения, искусство широкого философского и богословского синтеза.

Его эсхатологизм, непрерывно обращенный к первохристианству и ко Христу Грядущему, не противоречит его «почвенности», напротив, тесно сочетается с ней, ибо только тот, кто по-настоящему умеет стоять на земле, способен к горным взлетам. С другой стороны, лишь созерцание мира с высоты позволяет узреть его первозаданную красоту и его эсхатологическое завершение. «Все богословие о. Сергия исполнено трепетом и ожиданием,— свидетельствует Л. А. Зандер,— все оно пронизано лучами иного, незаходимого света; все оно есть молитва Христу... Самая глубокая укорененность в жизни церковной, самая сознательная законопослушность ей никогда не делает о. Сергия ее рабом, не лишает его той пророческой свободы, с которой он говорит о тайнах будущего века, к которым устремлена его душа» (401, с. 18).

Чисто русское стремление отца Сергия во всем доходить до конца одинаково касается его жизни и мысли. В результате своих исканий он приходит к выводу, что религия есть высшая и абсолютная Истина, и поэтому ей должны быть подчинены все области знания и жизни. Эта черта мышления отца Сергия ярко отразилась и на всем его творчестве; она выражается не только в последовательности его мысли, но и в той удивительной свободе и одновременно железной дисциплине, с которыми он подходит к исследованию философских и богословских проблем. В своей работе отец Сергей беспощадно строг и предельно точен. И если свобода мысли делает его независимым от авторитетных влияний, то возложенная на самого себя дисциплина придает его мысли характер научно-церковный.

Исключительный дар мышления отца Сергия Булгакова, позволяющий ему осуществлять широкий философский и богословский синтез, заключается не только в многообразии его интересов к различным проявлениям истории, культуры, философии и жизни, но и в способности выделить в каждом явлении и учении положительные стороны, отделяя их от ошибочных и отрицательных, и рассматривать их как отдельные звенья единой цепи человеческих исканий высшей Истины. Благодаря этому дару отец Сергей никогда не отбрасывает полностью своих личных и чужих осознанных взглядов, а, выделив в них частичную истину, включает их в общий синтез своей мысли. Этот типичный для Булгакова процесс философско-богословского мышления создает тот положительный пафос, который утверждает, что жизнь человечества есть не ряд недоразумений и ошибок, но и полное трагических неудач стремление к единой и всеобъемлющей Истине. Такая установка имеет кардинальное значение для его понимания Церкви и вечной Истины.

Л. А. Зандер глубоко и правильно формулирует основную богословскую точку зрения отца Сергия: «Если Церковь есть «полнота Наполняющего всё во всё» (Еф. 1, 23), то она действительно должна быть понимаема как высший синтез, включающий в себя всё добро, всю мудрость, всю красоту — всё, чем прекрасна природа и богата человеческая история. В этом смысле жизнь в Церкви означает не отрицание человеческих исканий, но их просветление и преображение, не осуждение заблуждений, но их понимание и исправление... Именно эта способность к высшему синтезу дала о. Сергию возможность рассматривать богословие, как высший венец всего человеческого знания, как увенчание всех наук и искусств» (401, с. 19).

Богословские труды протоиерея Сергия Булгакова можно классифицировать следующим образом:

1) пастырские сочинения в форме проповедей и поучений, которые приведены были ранее;

2) богословские книги и статьи с ярко выраженной экуменической направленностью, которые мы рассмотрим в главе об экуменической деятельности отца Сергия;

3) богословские труды, характеризующие основные положения так называемой «богословской системы» протоиерея Сергия Булгакова, которыми мы теперь и займемся.

Эти труды можно, в свою очередь, разбить на две группы:

I. Две фундаментальные трилогии:

1. 1) Купина Неопалимая. Опыт догматического истолкования некоторых черт в православном почитании Богоматери. 1927 (164); 2) Друг Жениха. О православном почитании Предтечи. 1927 (165); 3) Лестница Иаковля. Об ангелах. 1929 (183).

2. 1) Агнец Божий. О Богочеловечестве. Часть I. 1933 (232); 2) Утешитель. О Богочеловечестве. Часть II. 1936 (270); 3) Невеста Агнца. О Богочеловечестве. Часть III. 1945 (313).

К этим трилогиям можно присоединить еще 2 книги: 1) Святые Петр и Иоанн. Два первоапостола. 1926 (163), предваряющую первую трилогию, и 2) Апокалипсис Иоанна. (Опыт догматического истолкования). 1948 (321), завершающую вторую трилогию.

II. Книги и статьи, посвященные различным догматическим, церковно-историческим, евангельским темам и т. п.

I

В книге «Святые Петр и Иоанн» протоиерей Сергей Булгаков последовательно, с исчерпывающей полнотой исследует вопрос о примате авторитета апостола Петра и примате любви апостола Иоанна. С первого дня своего служения Христу Петр является несомненным первостоятелем среди апостолов, первоапостолом, выражающим исповедание веры, силу и духовный авторитет от лица всего собора апостолов, в соединении с ним, но не единолично. Из всех слов Спасителя, обращенных к Петру и апостолам, ясно следует, что идет речь не о примате власти, а о примате авторитета. Самоотверженное и грандиозное по масштабам

благовествование святого Павла, призванного на апостольское служение Самим Спасителем, представляет границу примата Петра. Оба они первоверховные апостолы, взаимно дополняющие друг друга. Образ святого Иоанна, как первоапостола наряду с Петром, выводится из всего содержания Евангелия. Иоанн — боговдохновенный автор дивного пролога Евангелия, первый — вместе с Андреем — призванный Христом апостол, принявший в свое сердце Божественные глаголы Учителя и сохранивший для всего христианского мира навеки речи Христа, Его учение о Себе, об Отце, о Духе Утешителе, прощальную беседу Спасителя, Его первосвященническую молитву, бесстрашно сопутствовавший Христу — единственный из апостолов — вплоть до Голгофы. Этот ученик поистине есть первоапостол. Его, единственного девственника, усыновил Распятый Спаситель Своей Пречистой Матери, Царице Неба и земли, и в его лице усыновил Ей весь апостольский лик и весь человеческий род.

Иоанн как автор Апокалипсиса есть новозаветный пророк между апостолами и единственный апостол между пророками. Святому Иоанну несомненно принадлежит примат любви и вместе с Петром примат авторитета.

В этой первой небольшой книге Булгаков сразу выступает как богослов, захватывающий читателя своим глубоким анализом, яркой речью и мастерством в обрисовке живых образов апостольского века. В то же время он дает убедительное обоснование одного из важных вопросов православной экклезиологии. Здесь уместно подчеркнуть, что современный католический богослов Е. Котэнэ, профессор Католического института в Париже, в своем фундаментальном исследовании «Иоаннова традиция» («La Tradition Johannique») (407), посвященном святому Иоанну Богослову и его школе в Ефесе, сопоставляет аналогичным образом подвиги и значение святых апостолов Иоанна, Петра и Павла, выдвигая на первое место Апостола любви, и высказывает почти одинаковые со взглядами отца Сергия воззрения на примат любви и примат авторитета, противопоставляя им примат власти, недопустимый в Церкви Христовой.

Обе созданные вслед за этим трудом трилогии, несомненно, принадлежат к выдающимся творениям Булгакова. Первая из них имеет единую общую тему о Премудрости Божией в творении, которую возвещают Пречистая Дева Мария и святой Иоанн Предтеча в человеческом мире и Ангелы на небесах.

Протоиерей Сергей Булгаков основывает свои исследования на библейских текстах, в частности, на евангельских повествованиях, святоотеческой письменности, на богослужебных текстах, литургическом и иконографическом богословии. Выражая основную тему трилогии иконографически, можно сказать, что ее предметом является центральная часть «деисусного ряда» в иконостасе — Деисус, икона прославленного Христа-Пантократора с молитвенным предстоянием Богоматери и Предтечи в окружении Ангелов.

«Купина Неопалимая» была сначала задумана как критический разбор католического догмата 1854 г. о Непорочном Зачатии Богоматери; однако эта скромная задача была расширена, и появилось исследование о первородном грехе и одновременно подлинный гимн Приснодеве Марии, раскрывающий сущность Ее православного почитания. Отец Сер-

гий Булгаков убедительно показал — вопреки католическому учению, — что Богоматерь, подобно всем людям, тоже унаследовала от родителей первородный грех и была освобождена от него лишь искупительной жертвой Своего Сына на Голгофе. Но, несмотря на наличие первородного греха, Она обладает абсолютной личной безгрешностью, благодаря чему Православная Церковь величает ее Приснодевой, «Честнейшей Херувим и Славнейшей без сравнения Серафим».

В процессе этого исследования Булгаков не только доказал несостоятельность католического догмата, но, используя в качестве основополагающих элементов Священное Писание и Священное Предание, а также всю мудрость и высоту мистических созерцаний Церкви, дал такое всестороннее и вдохновенное освещение образа Богоматери, которое наполняет душу православного читателя безграничной любовью и преклонением перед Пречистой Царицей Неба и земли, всеильной Заступницей, Помощницей и Утешительницей в скорбях всего человечества. В это исследование отец Сергей вложил все свое личное благоговение, безграничную сыновнюю любовь к Богоматери, свой молитвенный восторг и восхищение Ее приснодевственной чистотой, и книга эта читается как церковная поэма, посвященная Пречистой Деве Марии.

Своим богословским размышлениям Булгаков придает значение только личных теологуменов — догматических гипотез — в трудных и малоисследованных областях. Богатый, оригинально разработанный им материал, отражающий мудрость вдохновений Церкви и неисчерпаемую поэзию ее молитв, обращенных к Пресвятой Богородице, представляет собой богословскую литературу, наподобие той, которая в святоотеческую эпоху использовалась на Вселенских Соборах для подготовки новых догматических определений в исследованных ранее проблемах.

Вторая часть трилогии — «Друг Жениха», посвященная святому Иоанну Предтече, внутренне связана с первой частью как духовным содержанием Денсуса, так и единством подвига смирения, послушания воле Божией, целомудрия и самоотверженной любви Девы Марии и святого Иоанна.

Можно только поражаться, как на основе краткого евангельского повествования отец Сергей сумел создать произведение, редкое по своей духовной силе, богословскому синтезу, мистической глубине и внутреннему прозрению. В каждой главе явно ощущается, что ее содержание зародилось и выросло из молитвенных озарений служителя алтаря Господня.

С большим мастерством и богословской глубиной раскрыты: святость Предтечи на всех этапах его жизни, величие его девства, преданное и сознательное участие в осуществлении Божественного плана спасения мира, его духовная зрелость с первого момента выхода на проповедь по сравнению со всеми апостолами, позволившая ему в самой лаконичной форме — «вот Агнец Божий» (Ис. 1, 36) — прозреть и выразить всю сущность подвига Спасителя на Голгофе и с этим напутствием отдать Иисусу своих учеников Иоанна и Андрея, первых апостолов. Удивительно обрисован апофеоз победно-радостного смирения и самоотвергающейся любви Предтечи ко Христу в его речи к своим ученикам: «Имеющий невесту есть жених; а друг жениха, стоящий и

внимающий ему, радостью радуется, слыша голос жениха. Сия-то радость моя исполнилась. Ему должно расти, а мне умяляться» (Ин. 3, 29—30). С мистической проникновенностью повествует отец Сергей, как исключительная благодатность Предтечи позволила ему узреть Свято-Троицкое Богоявление во время Крещения Господа.

Дар отца Сергия к духовным прозрениям достигает своего апогея в главах о внутреннем борении Предтечи и речи Спасителя о нем перед народом. Используя опыт своих личных духовных мук и мистических озарений, отец Сергей вскрывает суть огненного искушения и трагизма Предтечи в темнице, когда благодатный свет, бывший для него от самого рождения источником веры и духовного ведения, неожиданно гаснет и он посылает двух учеников к Спасителю спросить: «Ты ли Тот, Который должен придти, или ожидать нам другого?» (Мф. 11, 3; Лк. 7, 19). Не может быть более потрясающего своей неожиданностью и трагизмом вопроса, как бы зачеркивающего подвиг всей жизни Предтечи... Спаситель не дает прямого ответа Иоанну, а лишь напоминает через учеников о Своих делах милосердия, хорошо известных Предтече. Но после их ухода Спаситель обращается к народу с утешением Иоанна за верность и торжественно возвещает: «Истинно говорю вам: из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя» (Мф. 11, 11).

Никто из богословов до отца Сергия не мог убедительно объяснить ни причины этого посольства учеников (мотивируя его страхом смерти или сомнением), ни непонятого поведения и речи Спасителя. Отец Сергей решительно отверг общепринятую точку зрения, утверждающую, что святой Иоанн и в темнице остался бесстрашным и не усомнился. Напротив, его подвиг достиг высочайшего напряжения и апофеоза: Предтеча оказался в состоянии богооставленности, вследствие чего обнаружилась вся немощь человеческого безблагодатного существа, обремененного первородным грехом; потребовалось предельное напряжение подвига веры для преодоления потрясающего искушения; и Предтеча вышел победителем в этом борении после ухода своих учеников ко Христу. Спаситель знал духовную мощь Своего Друга и узрел его победу. Поэтому Он не дал святому Иоанну прямого ответа, в котором он уже не нуждался, а послал ему лишь прощальный привет любви.

Без этого огненного искушения и его преодоления в полном одиночестве личным подвигом веры и воли не была бы достигнута полнота величайшего подвига Предтечи.

При такой экзегезе труднодостижимого отрывка евангельского повествования становится обоснованной и убедительной речь Спасителя к народу, убажжающая стойкость святого Иоанна и превозносящая его выше всех сынов человеческих.

Возвышаясь до завершающего синтеза, Булгаков заключает: «И на пути отдельного человека лежит такая скорбь, когда он оставляется своим человеческим силам, познает до глубины свою немощь, но вместе с тем своими собственными силами отдает свою жизнь Богу... Посему в жизни ли, в смерти ли человеку суждено приблизиться к священной ограде гефсиманского сада и себя в нем обрести» (165, с. 138). Без такого огненного испытания не может явиться полнота человеческого подвига.

В своем исследовании, посвященном святому Иоанну Предтече, отец Сергей Булгаков использует данные Ветхого и Нового Завета, литургического богословия и иконографии. Учитывая пророчество Малахии (3, 1), слова Самого Спасителя, ссылающегося на это пророчество (Мф. 11, 10), церковные хвалебные слова, обращенные к Предтече: «Проповедник Христов и Крестителю, Ангеле, апостоле, мучениче...» и частое изображение окрыленного Предтечи на иконах, отец Сергей высказывает дерзновенное предположение, что святой Иоанн Предтеча был ангело-человек.

Обе части первой трилогии завершаются рядом экскурсов, каждый из которых представляет собой вполне законченное исследование по отдельному вопросу.

1) Купина Неопалимая:

Экскурс I. О славе Божией в Ветхом Завете.

Экскурс II. Ветхозаветное учение о Премудрости Божией.

Экскурс III. Учение о Премудрости Божией у св. Афанасия Великого.

2) Друг Жениха:

Экскурс I. О взаимном отношении ангельского и человеческого мира.

Экскурс II. Св. Иоанн Предтеча и св. Иоанн Богослов.

Экскурс III. Св. Иоанн Предтеча и св. Иосиф Обручник.

Третья часть первой трилогии — «Лествица Иаковля» — посвящена ангельскому миру, и это объединяет ее особенно со второй частью. В этом произведении отец Сергей Булгаков вводит читателя в тихую обитель, далекую от борений, овеванную любовью ангелов.

Ангелы — «зеркала Божественного света» — обращены к Богу всей силой своей самоотвергающейся любви, но в то же время они осуществляют в своем соборном единстве жертвенное служение миру, с которым они связаны неразрывными духовными узами. Особое значение для человечества имеют Ангелы-хранители. При самом сотворении своем человек получает Божественный дар любви и возможность любви, — не только земных друзей, но и своего Ангела-хранителя, который является единственным, всецело личным другом человека, но не принадлежащим к человеческому миру.

Отец Сергей запечатлел удивительные духовно-поэтические воспоминания об Ангеле-хранителе из своего личного религиозного опыта (183, с. 21—22).

«Когда стихает шум жизни и умолкают нестройные ее голоса, когда душа омывается тишиной и исполняется молчанием, когда обнажается детская ее стихия и отнимаются давящие ее покровы, когда освобождается душа от плена этого мира и остается наедине с Богом, когда разрешаются узы земного естества, и душа себя самое обретает, когда отделяется она от земной оболочки и находит себя в повом мире, когда она наполняется светом и омывается лучами бессмертия, — тогда чувствует она над собой склонившееся с невыразимой любовью существо, такое близкое, такое родное, такое нежное, такое тихое, такое любящее, такое верное, такое кроткое, такое ласковое, такое светлое, — что радость, мир, блаженство, неведомые на земле, закипают в душе. Она чувствует тогда свое одиночество, и вся устремляется навстречу к неведомому и близкому другу. Ибо узнает душа того Друга, о котором

всю жизнь грезила и томилась, ища слиться с другим до конца, в нем обрести свое другое «я». Этот другой для каждого человека, этот Друг, Богом данный и созданный для него, есть его Ангел-хранитель; всегда бдящий над ним, живущий с ним одной жизнью. Он — самый близкий, хотя и далекий, ибо невидный, неслышный, недоступный никакому телесному или даже душевному восприятию».

В заключение своей книги отец Сергей приводит такие радостные слова (183, с. 229): «Мир осенен ангельскими крыльями. Ангельские очи бдят неусыпно над нами. Между небом и землею восходят и нисходят непрестанно святые ангелы. Они соединяются с нами в наших молитвах. Ангельские воинства непрестанно славят Творца миров. Ангелы, предстоящие престолу Божию, живут общей жизнью с нами, соединенные узами любви».

Не имея возможности резюмировать здесь, даже в самой лаконичной форме, вторую трилогию, отметим лишь, что ее первая часть — «Агнец Божий» (232) — представляет собой вершину богословских, философских и практически-религиозных постижений протоиерея Сергея Булгакова как по широкому охвату и разработке христологических проблем, всеобъемлющему изложению трудностей и достижений патристической эпохи в форме догматической диалектики, в которой раскрываются «халкидонское богословие» и «халкидонская философия», так и по мистической глубине, молитвенному вдохновению, по безграничной любви ко Христу, к Троиственному Богу и миру, которые нашли свое полноценное выражение в заключительной главе «Дело Христово».

Когда в 1943 г. в Париже появился французский перевод «Агнца Божия» — «*Du Verbe incarné*» («*Agnus Dei*») (311), — этот труд протоиерея Сергея Булгакова получил высокую оценку со стороны представителей римско-католического богословия.

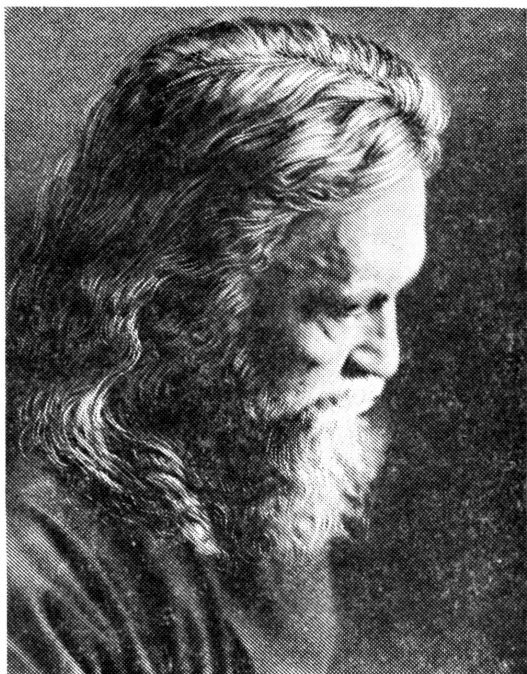
Епископ Р. Боссар (R. Beaussart) посетил отца Сергея и, приветствуя его, с восхищением сказал: «Какие сокровища богословской мысли Вы дарите нам!»

II

Вторую группу богословских трудов протоиерея Сергея Булгакова можно разбить, следуя классификации Л. А. Зандера (401, с. 100—101), на четыре категории: 1) статьи догматического содержания (152, 174, 177, 191, 196, 203, 237, 256, 258, 285; опубликованы после смерти отца Сергея: 358, 359); 2) богословские статьи по новозаветной тематике (178, 205, 207, 208, 217, 220, 225а, 241, 260, 269, 299, 307, 310; опубликованы после смерти отца Сергея: 323, 324, 351, 353, 354, 360—364, 381, 392); 3) экклезиологические и эсхатологические статьи (156—158, 166, 185, 187, 207, 224, 259, 261, 277, 289; опубликованы после смерти отца Сергея: 338, 383, 384, 388, 394, 396, 397) и 4) разные богословские статьи, некрологи, письма (159, 186, 188, 193—195, 197, 209, 225б, 236, 245—248, 255, 288, 306; опубликованы после смерти отца Сергея: 315, 322, 326, 328, 334, 335, 345, 352, 355, 356, 365, 366, 372, 378, 386, 389).

Эти труды протоиерея Сергея Булгакова свидетельствуют, как обычно, о его богословской одаренности и живой реакции на важнейшие события окружающей жизни.

23. Обвинения протоиерея Сергия Булгакова в модернизме и ереси и его самозащита

Профессор протоиерей
Сергий Булгаков (1935)

Завершая обзор трудов протоиерея Сергия Булгакова, вошедших в состав его богословской системы, необходимо упомянуть о некоторых тяжелых событиях его жизни в период 1927—1936 гг., которые принесли ему глубокие скорби.

В марте 1927 г. Архиерейский Синод Русской Православной Церкви в Карловцах направил митрополиту Евлогию (Георгиевскому) послание с обвинением протоиерея Сергия Булгакова в том, что своим учением о Софии — Премудрости Божией он «вносит модернизм в учение Православной Церкви», и с требованием расследовать этот вопрос.

В сентябре 1935 г. поступило аналогичное, но еще более резкое послание от Заместителя Патриаршего Местоблюстителя Сергия, Митрополита Московского, с

обвинением, что «учение Булгакова о Софии — Премудрости Божией нецерковно и противоречит церковному учению, иногда повторяя ереси, уже осужденные Церковью». Богословская система Булгакова, построенная на этом основании, «настолько самостоятельна, что может или заменить учение Церкви, или уступить ему, но слиться с ним не может». Это послание содержит ряд существенных аргументов против богословских трудов отца Сергия.

В 1936 г. митрополит Евлогий получил новое извещение, что Карловацкий собор вынес постановление признать учение протоиерея Сергия Булгакова ересью и организовать Комитет для охраны православной веры от лжеучений.

Митрополит Евлогий, отстаивавший — согласно учению апостола Павла — «внутреннюю духовную свободу в Церкви», выступил на защиту протоиерея Сергия Булгакова, «зная драгоценнейшие качества этого одаренного, высокодуховного пастыря» (400, с. 656). Всякий раз митрополит Евлогий собирал Епархиальный Совет в Париже и предлагал отцу Сергию дать ответ на все выставленные против него обвинения. Обстоятельные ответы последнего (170, 256 и 272), доказавшие перед высококвалифицированной аудиторией богословскую несостоятельность выставленных против его системы аргументов и выяснившие,

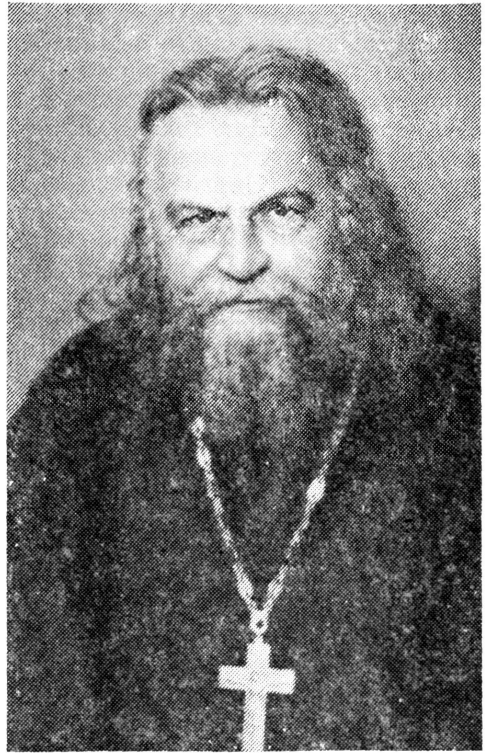
в частности, что обвинение митрополита Сергия (Страгородского) было вынесено лишь по «донесению», единолично, без непосредственного ознакомления с его богословскими трудами и без всякого церковного обсуждения,—убедили Епархиальный Совет. Протоиерей Сергей Булгаков был полностью оправдан и продолжал до конца жизни оставаться профессором догматического богословия в Православном Богословском институте в Париже.

Детальное освещение всех обвинений, выставленных против Булгакова, и его самозащита будут представлены во второй части нашей работы после подробного изложения его учения о Премудрости Божией, второй трилогии и его богословской системы в целом. Здесь отметим лишь, что трудности богословского подвига протоиерея Сергия Булгакова и связанные с ними скорби коренятся прежде всего в том, что не настало еще время для полного понимания и беспристрастного общецерковного обсуждения его богословской системы в духе вселенской любви, истины и свободы.

24. Экуменическая деятельность протоиерея Сергия Булгакова

Прежде чем осветить труды протоиерея Сергия Булгакова в области экуменизма, следует упомянуть о ряде интересных работ некоторых авторов, посвященных экуменическому движению.

Наиболее видное место по широте охвата проблемы занимают две статьи игумена Тихона и В. Никитина, опубликованные в «Журнале Московской Патриархии» (403, 404). Первая из них под заглавием «Экуменическое движение и Русская Православная Церковь до ее вступления во Всемирный Совет Церквей» содержит сжатый, но достаточно исчерпывающий обзор экуменизма со времени его зарождения и проникновения в Россию до начала второй мировой войны. Эта статья распадается на две главы. Первая (403, № 11, с. 59—68) посвящена вопросам экумениологии в русском богословии XIX в. и практическому экуменизму на рубеже XIX—XX вв. Вторая глава (403, № 12, с. 60—66) непосредственно примыкает к изучаемой нами теме: она рассматри-

Профессор протоиерей
Сергий Булгаков

вает экуменическое движение и участие в нем Русской Православной Церкви в период между двумя мировыми войнами и уделяет большое внимание той роли, которую сыграли в этом движении зарубежные русские богословы и мыслители, в первую очередь протоиерей Сергей Булгаков и Н. А. Бердяев; глубоко и всесторонне резюмируются в статье их выступления на различных съездах и всемирных конференциях. Вторая статья игумена Тихона (ныне архимандрит) и В. Никитина (404) дает обзор экуменизма в 1945—1961 гг. и повествует о вступлении Русской Православной Церкви во Всемирный Совет Церквей.

Митрополит Евлогий (Георгиевский) в своей книге «Путь моей жизни» (400, с. 572—602) посвящает обширный раздел экуменическому движению. Он интересно повествует и о своих паломнических путешествиях (например, в Лурд), и об экуменических контактах с выдающимися представителями инославных Церквей, например, с епископом Нью-Йоркским Брентом, англиканским епископом Турским Фриром (Вальтером) и особенно с известным примасом Бельгии — кардиналом Мерсье, «смирненным подвижником с подлинным величием духа», посвятившим всю жизнь подвигам любви и милосердия по отношению к жертвам первой мировой войны и открывшим свое христианское сердце обездоленным русским детям и молодежи. В своих воспоминаниях митрополит Евлогий уделяет большое внимание своему участию — вместе с отцом Сергием Булгаковым и другими профессорами Богословского института в Париже, во всемирных экуменических конференциях в Лозанне в 1927 г., в Оксфорде и Эдинбурге в 1937 г. С особой любовью и очень подробно характеризует он выступления протоиерея Сергея Булгакова и его многолетнюю, неутомимую и самоотверженную борьбу за признание почитания Божией Матери и святых представителями протестантских Церквей.

Наконец, следует упомянуть главу «Экуменические писания» в книге Л. А. Зандера «Бог и мир» (401, с. 159—173), в которой он приводит список 36 экуменических трудов протоиерея Сергея Булгакова и раскрывает значение его выступлений на Всемирной Лозаннской конференции в 1927 г. и на съездах Содружества святого Албания и преподобного Сергея Радонежского.

Протоиерей Сергей Булгаков обосновался в Париже с твердым намерением не только преподавать догматическое богословие в Православном Богословском институте и осуществлять свое литургическое служение и богословское творчество, но одновременно трудиться над реализацией своей идеи об экуменическом, всецелом Православии, которая зародилась в его душе в храме Святой Софии в Константинополе. В Париже он явился одним из наиболее ярких и вдохновенных инициаторов экуменической работы.

Впервые отцу Сергию удалось полностью включиться в эту работу на Всемирной христианской конференции «Вера и церковное устройство» («Faith and Order»), проходившей в Лозанне (Швейцария) с 3 по 21 августа 1927 г. Эта конференция вместе с Всемирной Стокгольмской конференцией «Жизнь и деятельность», проходившей в 1925 г. под председательством известного примаса Швеции, архиепископа Упсальского Натана Сёдерблома, положила прочное основание великому делу духовного сближения христиан различных исповеданий, получившему наименование «экуменическое движение».

В Лозанну прибыло свыше 400 делегатов — представителей около 90 церковных объединений: митрополит, архиепископы, епископы, пастыри, профессора, богословы, мыслители и т. д. Восточное православие было всесторонне представлено делегатами от Константинопольского, Александрийского, Иерусалимского, Сербского и Румынского Патриархатов и от Церквей: Греческой, Русской Западноевропейской (в лице митрополита Евлогия (Георгиевского), протонерея Сергия Булгакова), Болгарской (в лице Н. Н. Глубоковского, бывшего профессора Московской Духовной Академии), Польской и Грузинской. Англиканская Церковь и протестантский мир прислали также большое число делегатов, только Римско-Католическая Церковь не откликнулась на приглашение. Председателем Лозаннской конференции был Нью-Йоркский епископ Брент — человек широкой культуры, любвеобильный, чуткий, внимательный и смиренный, заслуживший всеобщее уважение и симпатию; именно ему принадлежала инициатива созыва в Женеве в 1920 г. конференции по вопросам веры, жизни и деятельности с целью объединения христианских Церквей.

На Лозаннской конференции была поставлена сложная и трудная проблема о соединении различных христианских исповеданий в единую Вселенскую Церковь. В процессе работы, которая проходила в духе братской любви, свободы и терпимости, выяснилось, однако, что на данном этапе исторического развития Церквей этот вопрос неразрешим. Противоречия резко обнаружились со стороны протестантских делегатов, когда отец Сергий Булгаков выдвинул предложение о почитании Богоматери и святых. Он всемерно стремился, чтобы на этой конференции прозвучало единогласное исповедание Божией Матери как мистической Объединительницы всех христиан. Между тем, председатель секции доктор Garvie откладывал в течение недели выступление отца Сергия. Наконец, когда слово было ему предоставлено и прозвучало со всей пламенностью, свойственной отцу Сергию, оно, тем не менее, было выслушано присутствующими равнодушно; они обнаружили полную духовную неподготовленность и неспособность понимания этой важной темы. Протестанты соглашались, в лучшем случае, на признание Богоматери в качестве эмблемы христианского единения.

Но в то же время на Лозаннской конференции выявилось одно высокое неоспоримое достижение: произошло благодатное соборное переживание веры во Христа и любви к Нему. Эти чувства запечатлелись в соборном исповедании, что Иисус Христос, согласно свидетельству Евангелия, есть Сын Божий и Человеческий, исполненный благодати и истины, воплотившийся в полноту времен для спасения рода человеческого. Духовный подъем и единение в братской любви, пережитые участниками конференции, остались в их душах и закрепились сознанием ответственности за начатое дело, которое следует продолжить и довести до конца.

На Лозаннской конференции выявилась особая близость между Православием и Англиканством, что привело в очень скором времени к знаменательным событиям.

С 28 декабря 1927 года по 2 января 1928 года был организован дружными усилиями английского и русского Христианских Движений англо-русский религиозный съезд в Сент-Албансе (St. Albans, вблизи Лондона), на котором было пережито исключительно вдохновенное

единство на лекциях, беседах, дискуссиях и особенно на литургиях, совершавшихся поочередно православными и англиканами в присутствии всех членов съезда. В процессе этого общения раскрывались самые интимные духовные стороны обоих исповеданий, зарождалась прочная взаимная любовь, в результате чего организовалось Содружество святого Албания (первого англиканского мученика) и преподобного Сергия Радонежского (The Fellowship of St. Alban and St. Sergius). Президентом Содружества был избран англиканский епископ Дербийский, вице-президентом и секретарем — Н. М. Зернов (1898—1980).

Дружными усилиями англиканской молодежи и профессуры и самоотверженными трудами отца Сергия Булгакова и Н. М. Зернова, к которым присоединились впоследствии В. Н. Лосский (1903—1958), Л. А. Зандер, Г. П. Федотов (1886—1951), Г. В. Флоровский (1893—1979) и другие, Содружество бурно развивалось и приносило весомые плоды.

Достижения, трудности и нужды, выявившиеся на Лозаннской конференции при организации Содружества святого Албания и преподобного Сергия и в его дальнейшей деятельности, побудили протоиерея Сергия Булгакова опубликовать две статьи экуменического характера: 1) К вопросу о Лозаннской конференции. (Лозаннская конференция и энциклика папы Пия XI: *Mortalium animos*), 1928 (179), и 2) У кладезя Иаковля (Ин. 4, 23). (О реальном единстве разделенной Церкви в вере, молитве и таинствах). Эта статья издана в сборнике «Христианское воссоединение», 1933 (234), и переведена на английский язык: *By Jacob's Well (John IV, 23). (On the Actual Unity of the Divided Church in Faith, Prayer and Sacraments)*, 1933 (235).

Резюмируем здесь вторую статью, которая, несомненно, является основополагающей в освещении проблем экуменизма, поскольку определяет его данность и заданность в Церкви. Во вступительной части отец Сергий противопоставляет формальное и свободно-благодатное понимание Православия. Многие думают, что есть только одна Церковь, именно — Православная, а за ее пределами нет Церкви. Между тем, церковность существует и вне церковной ограды, ибо сказано в Евангелии, что там, где двое или трое соберутся во Имя Христово, там и Он посреди них. Между Церковью и Церквями существует отношение не только взаимной исключаемости, но и взаимной сопряженности. Христианству, и в частности Православию (также и католицизму), присуще непосредственное откровение о существующем единстве Церкви, которое есть одновременно данность и заданность, факт и постулат. Ни одна историческая Церковь не должна замкнуться в себе настолько, чтобы не чувствовать христианского мира за своими пределами; иначе она проявит ограниченность церковного сознания. Можно различно понимать пути к церковному единению, но сама постановка такой цели уже предполагает наличие единства, существующего ранее объединения. Церковь едина, как едина жизнь во Христе Святым Духом, только причастность к этому единству имеет разные степени и различную глубину. Поэтому и в отношениях Православия и инославия естественно имеются два аспекта: отталкивание в борьбе истины с полуправдой, искажением и в то же время взаимное влечение любви церковной. Воля к разделению — это злой гений, который расколол сначала западный и восточный мир и продолжает дальше свое недоброе дело. Он живет иногда

и в таких иерархах (как и мирянах), которые почитают себя самыми ревностными хранителями ортодоксии, но к которым, однако, относится слово Христова: «Не знаете, какого вы духа». Путь «экуменической» церковности, ищущей церковного единства, сопровождается одновременно сознанием и уточнением конфессиональных различий, но в то же время и растущим сознанием единства. «Экуменизм» есть опыт такого единства. Дух Божий, Его благодать может снять антиномию этого «да» и «нет», тезиса и антитезиса, в некоем новом синтезе, его же чаем. Различия исповеданий, проявляющиеся прежде всего в догматических разногласиях, а затем и в вытекающих из них религиозно-практических различиях, лежат на поверхности и всеми ошутимы. Но то, что составляет единство церковное, как данное, уже существующее основание стремления к единению, лежит в глубине, и оно должно быть найдено. Это — одновременно долг любви церковной и практической целесообразности. Последнее нам дано опытно переживать как благодатное веяние Духа Божия, когда «разноязычные» люди начинают взаимно понимать друг друга. Эта положительная основа существующего единства христианского мира проявляется: 1) в молитве, 2) в отношении к Слово Божью, 3) в духовной жизни и 4) в таинствах. Каждый из этих четырех аспектов глубоко и подробно рассматривается в данной статье.

Остановимся здесь, в заключение, лишь на нескольких моментах, касающихся таинств, особенно святой Евхаристии.

Отец Сергей утверждает, что Церкви, сохранившие преемственность апостольского священства, хотя и разобщены, но не разделены в жизни таинств, то есть разделение Церкви не проходит до глубины, в своей таинственной жизни Церковь остается единая; по крайней мере, это можно утверждать об отношениях между Православием и католичеством. Обычно считается, что для действительного соединения, которое могло бы выразиться в общении в таинстве (*interkommunion*) и в особенности в общении Евхаристическом, требуется прежде всего каноническое общение, то есть взаимное признание юрисдикций. Господствующая формула гласит: единение в таинственной жизни должно иметь для себя условием предварительное догматическое соглашение. Но так ли бесспорна эта мнимая аксиома, которая никогда не проверялась? А почему не наоборот: не в единстве ли таинства надо искать пути к преодолению не ереси учений, а ереси жизни, каковою является разделение? Ни гордый и властный Рим, ни застывший в вековой самообороне Восток не могли и не могут до сих пор сделать этого шага к единению, забываясь в порыве любви церковной.

При такой духовной установке отца Сергия Булгакова неудивительно, что он, указывая на взаимную церковную любовь членов Содружества и единение в догматических вопросах, предложил им обратиться с просьбой к соответствующим церковным властям — одобрить и благословить «частичный интеркоммунион». Таким образом, православные и англикане, достигшие согласия в вере и преодолевшие психологические трудности, могли бы причащаться от одной чаши, осуществляя таким путем практическое церковное единение. Это предложение отца Сергия вызвало у одних членов Содружества бурный восторг, у других — острое противодействие. Меньшинство видели в этом шаг вперед, большин-

ство опасались общецерковных трудностей и возможного раскола. После подробного обсуждения этот вопрос был снят с программы.

В 1934 г. протоиерей Сергей Булгаков выехал на два месяца (с 4 октября по 3 декабря) в Северную Америку. В основном он пребывал в США и посетил главные города Нью-Йорк, Бостон, Чикаго, Эванстон, Филадельфию, Кембридж и другие. В Канаде — в Торонто — он пробыл лишь 3 дня. Автобиографические заметки о. Сергия (315, с. 114—135) содержат подробный дневник, характеризующий Американскую Церковь, ее священство, интересные встречи с людьми, города, их достопримечательности, общий уровень духовной и светской культуры народа.

Эта поездка отца Сергия преследовала цели как экуменические, так и практические (сбор средств для Православного Богословского института в Париже). В Америке отца Сергия встретил, сопровождал и активно помогал ему П. Ф. Андерсон, искренне преданный Православию, русской культуре и Богословскому институту при Сергиевском Подворье. Во время пребывания в Северной Америке отец Сергей трудился с предельным напряжением, часто до полного физического изнеможения. Он совершил множество богослужений в разных храмах, монастырях, семинариях, произнес большое количество проповедей, лекций о Православной Церкви, экуменизме, содружестве, речей и бесед о Богословском институте в Париже и на другие темы — в зависимости от потребностей и интересов аудитории. Но по богословским вопросам ему пришлось беседовать очень кратко, поверхностно и всего лишь два раза, так как богословский уровень американской интеллигенции и священства был слишком низким. Отец Сергей констатировал также отсутствие экуменического духа у священнослужителей. Принимали протоиерея Сергия Булгакова с удивительным почтением, сердечным гостеприимством, большой симпатией, иногда даже с восторгом и любовью. Однажды в римско-католической газете в Америке он был назван как «великий богослов и самый ученый человек в мире» («the great theologian and the most learned man in the world»). Очень светлые воспоминания остались у отца Сергия от личных встреч с греческим архиепископом Афинагором, с американским епископом Рергу и с прimateм Канады, почтенным старцем, в котором «искренность и скромность соединяются с какой-то христианской мудростью».

Нельзя не сказать, хотя бы кратко, о впечатлениях и размышлениях отца Сергия о Ниагаре и океане.

«Ниагара — это видение Божественной Софии в могучей хаотической стихии...», как бы «до первого дня творения, — стихии, в которой уже содержатся и борются за существование безобразность и образы».

«...Сегодня произошла моя первая встреча с океаном, и я пленен тобою, океан. Это незабываемый день жизни — первое откровение океана... Я ощутил его сегодня как враждебную, надменно-презрительную и нечеловеческую стихию, которую человек, насилуя, покоряет и отнюдь не убеждает...» Этот огромный пароход из стали бороздит своими винтами грудь океана и прокладывает свой путь вопреки его воле, и чувствуется оскорбление мощи океана, за которое он мстит при первой возможности. А на следующий день — «я полюбил тебя, океан, полюбил этот до-первый день творения, воды его, которые сохраняются в бытии, чтобы явить силу Божию и всю многоступенность бытия. Я увидел океан в его встрече с солнцем... бездну, приемлющую свет Логоса

и ей отвечающую Духом Божиим, одевающуюся Красотою... И прежде всего океан есть откровенно неба, небесного свода... Этот гигантский купол, в котором нет бездны, но есть бесконечная глубина... И стихия засияла светом, изнутри просияла Красотой. Это дух Святой, Который носился — и посетя — над нею, просветляя ее Красотою. И здесь нет стихии, ...есть ограниченная бескрайность силы бытия, есть Божия сила и Премудрость...».

Вернувшись из Америки, протоиерей Сергей Булгаков снова включается с энтузиазмом в свое экуменическое служение. Одна за другой выходят его статьи на русском и иностранных языках, посвященные экуменическим темам и предназначенные для англикан, старокаатоликов и протестантов. Одновременно отец Сергей продолжает принимать самое деятельное участие во всемирных экуменических конференциях, а также в съездах и деятельности Содружества святого Албания и преподобного Сергия Радонежского.

Православных и англикан в этом Содружестве соединяют по-прежнему молитва и любовь как основание их духовного единения. Англикане широко открывают двери своих храмов для православных богослужений и, в свою очередь, радостно пользуются ответным гостеприимством своих православных друзей. Так, под Новый 1935 год прибывают на Сергиевское Подворье представители Содружества во главе с глубоочтимым епископом Турским Фриром, и здесь устраивается непродолжительная конференция. Утром на следующий день православные и англикане собираются в Александро-Невском храме в Париже и служат вместе панихиду по скончавшемся Константинопольском патриархе Фотии. Затем епископ Фрир спрашивает у митрополита Евлогия благословение, облачается в свои одежды и служит в середине храма молебствие по англиканскому чину в сопровождении смешанного хора, который исполняет несколько рождественских англиканских песнопений. В храме ощущается атмосфера первохристианского единения в любви и молитве. В заключение епископ Фрир благословляет молящихся, а митрополит Евлогий лобызает его на клиросе. Таким образом, епископ Фрир становится первым англиканским клириком, служившим в православном храме.

Итак, на протяжении многих лет православные и англикане взаимно делились и обменивались духовными сокровищами церковной жизни, что имело для обеих сторон огромное значение. Православные открыли англиканам бездонную мистическую глубину и необъятную широту православной веры, неизъяснимую красоту и благолепие православного богослужения. Англикане показали православным крепкую церковную дисциплину, благоговейное, чуткое отношение к тому, что происходит в церкви, что говорят, что поют, а также умение воплощать христианские идеалы в практической жизни. Одним словом, православные явили глубину прощикновения в тайны христианства, англикане показали мудрость в устроении христианской жизни.

«Во взаимообщении с Англиканской Церковью,— пишет митрополит Евлогий,— мы хорошо узнали друг друга, полюбили и научились вместе молиться. Я считаю это важным достижением в деле сближения наших Церквей. Таял лед того взаимного непонимания, которое ведет к отчуждению, разрушались перегородки, укреплялись братские чувства во Христе,— в этом несомненно большое значение, великая заслуга эку-

менического движения, и за это слава Богу, а будущее в руках Божиих» (400, с. 600—601).

С лютеранами и кальвинистами у православных тоже установились хорошие отношения, хотя встречаться с ними удавалось редко. Однажды кальвинисты во главе с пастырями Бёгнером, Монье и другими устроили в своем большом храме торжественное собрание, на котором звучали речи и молитвы о соединении Церквей, после чего митрополит Евлогий преподал присутствующим свое благословение. На собрании было много русских, сочувствующих экуменическому движению, однако близкого единения не произошло.

Но было одно предприятие, которое неожиданно сблизило православных с протестантским миром: было решено организовать русский студенческий хор, разучить с ним цикл древнерусских церковных песнопений и отправиться по городам разных стран Европы с концертами духовной музыки.

Благодаря этим концертам между православными и протестантским миром возникли новые дружественные отношения: православных начали узнавать, любить и почитать. Студентам это также принесло большую пользу, и прежде всего расширило их кругозор. Так Господь благословил из малого и чисто экономического предприятия сотворить большое миссионерское дело, оказавшее влияние на взаимоотношения с протестантским миром при следующих экуменических встречах.

В июле 1937 г. в Оксфорде состоялась вторая Всемирная экуменическая конференция «Жизнь и деятельность», на которой присутствовало свыше 400 человек из 40 стран, в том числе и русские зарубежные богословы. Председателями поочередно были: архиепископ Кентерберийский доктор Косма Ланг, митрополит Фиатирский Герман и другие. Конференция проходила под девизом «Господь — Свет мой» («Dominus — illuminatio mea») и была посвящена выработке христианского воззрения на насущные социальные проблемы. На этой конференции было принято следующее определение: «Термин «экуменический» относится к выражению в истории единства Церкви. Сознание и деяния Церкви экуменичны, поскольку они направлены на осуществление «Единой Святой» Церкви, братства христиан, признающих Единого Господа» (403, № 12, с. 65). Важнейшим решением Оксфордской конференции было создание Комитета, который должен был разработать условия и способы объединения движения «Жизнь и деятельность» с движением «Вера и церковное устройство», возникшим на первой Всемирной конференции в Лозанне в 1927 г.

В августе 1937 г. в Эдинбурге (Шотландия) состоялась новая Всемирная конференция «Вера и церковное устройство», в которой принимали участие 414 делегатов из 122 христианских объединений и 43 стран; в основном здесь были представители Православных Церквей, англикан и старокатоликов. На этой конференции чувствовалась большая близость между Церквами, чем в Лозанне. Работа проводилась в секциях. Обсуждались четыре основные богословские темы: 1) о благодати, данной через Господа Иисуса Христа; 2) о Церкви Христовой и слове Божиим; 3) о Церкви Христовой, священстве и Таинствах; 4) о единстве Церкви в жизни и богослужении.

Митрополит Евлогий выступил с докладом о культе святых, которые являются «солью земли, светом мира», по слову Евангелия. Он под-

черкнул также необходимость почитания Богоматери, Которая является «драгоценнейшим сокровищем, самым сердцем, самой душой Православия», и сказал, что протоиерей Сергей Булгаков продолжит его слово о возвышенном православном культе Богоматери. Отец Сергей говорил, что почитание Богоматери не является вопросом личного благочестия; в истинах мариологии усматривается сама церковность, поскольку Божия Мать есть Царица Неба и земли, Мать рода человеческого и личное воплощение Церкви. Почитанием Божией Матери определяется и испытывается поэтому вера в Церковь. Богочеловек Иисус Христос по Своему человечеству был Сыном Марии и неотделим от Своей Матери. Поэтому является противоречием верить во Христа и не почитать Приснодеву. Правильное учение о Церкви немислимо без мариологии. Божия Мать есть сама Церковь в ее тварно-человеческом лике. И Она является Матерью всего человеческого рода, который — в лице возлюбленного ученика Христова — был усыновлен Ей, как Церкви, Самим Господом со креста. Преодолев все трудности, отец Сергей добился того, что вопрос о почитании Божией Матери был включен в программу обсуждений и, несмотря на количественное превосходство протестантов, по этому вопросу была вынесена резолюция о «высоком уважении, которое должно принадлежать Матери Божией в христианском сознании».

Эдинбургская конференция приняла рекомендацию своего Комитета, избранного на Оксфордской конференции, о слиянии с движением «Жизнь и деятельность». В результате был избран «Комитет 14», которому было поручено оформить организационно слияние обоих экуменических движений — «Вера и церковное устройство» и «Жизнь и деятельность».

В мае 1938 г. «Комитет 14» созвал в г. Утрехте (Нидерланды) консультативную конференцию, на которой и было принято историческое решение о создании Всемирного Совета Церквей как межцерковного экуменического органа.

На Утрехтской конференции был принят следующий богословский базис: «Всемирный Совет Церквей является содружеством Церквей, приемлющих Господа нашего Иисуса Христа как Бога и Спасителя». Председателем «ВСЦ в процессе подготовки» был избран архиепископ Йоркский д-р Уильям Темпл, а генеральным секретарем — пастор Реформатской Церкви Нидерландов д-р В. А. Виссер'т Хоофт.

В январе 1939 г. руководство ВСЦ решило созвать I Генеральную Ассамблею ВСЦ в августе 1941 г., но по причине второй мировой войны она состоялась лишь в 1948 г. в Амстердаме (403, № 12, с. 66).

Протоиерей Сергей Булгаков не дожил до этой Ассамблеи. Но на протяжении свыше 10 лет он был энергичным экуменическим деятелем, идеологом, организатором, проповедником и — особенно — писателем.

Труды протоиерея С. Булгакова по экуменическим вопросам целесообразно, с нашей точки зрения, разбить на группы по языковому принципу:

1) Труды на русском языке (156—158, 160, 178, 179, 185, 186, 191, 203, 224, 225а, 234, 259, 301, 302; опубликованы после смерти отца Сергия: 328, 336, 338, 344, 378, 383, 388; готовятся к печати: 394, 395, 397).

К сожалению, мы не имеем возможности привести здесь все доклады и выступления протоиерея Сергея Булгакова, сделанные на многочисленных съездах и конференциях Содружества святого Албания и

преподобного Сергия Радонежского, в которых о. Сергий принимал деятельное участие (о которых мы даже не упоминали), во время двух поездок в Америку и на собраниях Лиги православной культуры, которая просуществовала с 1930 по 1935 г., и т. п.

2) Статьи на английском языке (154, 190, 210, 218, 227—229, 235, 239, 243, 249—251, 253, 262, 264, 278, 290, 295, 297, 304, 308, 317, 348, 379, 382; переведены с других языков: 147, 161, 180, 189, 200, 206, 212, 221, 231, 240, 252, 276, 284, 287, 293, 298, 330, 333, 343).

Большая часть статей, предназначенных для англиканского мира, опубликована в изданиях Содружества святого Албания и преподобного Сергия Радонежского и выявляет всестороннюю заботу отца Сергия о духовном росте его членов. Здесь — раскрытие глубин Православия с его догматической и мистической сущностью, указание путей к единению Англиканской и Православной Церквей в таинствах и в жизни, призыв к величественному прославлению Божией Матери и святых, к братской возвышенной любви и к углублению молитвенной жизни, освещение подвигов первохристианства и выяснение всех интересующих англикан вопросов духовной жизни.

3) Статьи на немецком языке (155, 172, 184, 198, 199, 204, 213, 263, 279, 286, 303, 305, 309, 331, 342, 374, 380; переведены или написаны на основе трудов на русский язык: 222, 223, 244, 257, 280, 283, 327, 337, 347).

В этих трудах, предназначенных для представителей протестантского исповедания, отец Сергий уделяет основное внимание вопросам о сущности и самосознании Церкви, о догматах, таинствах, о православном почитании Богоматери и святых, наконец, об апостольском преемстве священства.

4) Статьи на французском языке (168, 171, 211, 214, 349, 350, 391; переведены с других языков: 169, 226, 311, 316, 320, 329, 332, 340, 341, 346, 349, 368, 369, 371, 376, 393).

Характер работ отца Сергия, опубликованных на французском языке (в основном, переведенных на этот язык), отличается большим своеобразием. По-видимому, французский католический мир проявляет исключительный интерес к личности отца Сергия и ко всей его богословской системе, особенно к проблемам, разработанным с глубоким богословским и философским мастерством в его двух трилогиях.

Завершая перечень экуменических трудов протоиерея Сергия Булгакова, следует упомянуть, что некоторые из них были переведены не только на три вышеуказанных языка, но и на многие другие. Особой популярностью пользовалась книга «Православие», переведенная (в целом или в отдельных главах) на греческий, румынский, сербский и другие языки. Избранные главы «Автобиографических заметок» и труда «Икона и иконопочитание» появились в польском переводе (385, 375).

Таким образом, «в своей встрече с христианством Запада, — пишет Л. А. Зандер, — о. Сергий нашел подлинно вселенский язык и явил перед ним лик России, не под углом той или иной культурной традиции, но как лик выразителя вселенской мудрости и всеобъемлющей полноты Православия» (401, с. 26).

За всю совокупность своих богословских трудов и самоотверженную деятельность протоиерей Сергий Булгаков получил признание и в православном, и в инославном мире. В 1943 г. Православный Богословский институт в Париже присудил ему степень доктора церковной истории.

* * *

От редакции

Нашим богословам и читателям необходимо ознакомиться здесь с несколько иной оценкой экуменических взглядов отца Сергия Булгакова, принадлежащей профессору протоиерею Владимиру Мустафину.

Протоиерей Сергей Булгаков об экуменизме

Экуменическая концепция протоиерея Сергия Булгакова сочетает в себе элементы строгой православной церковности и, в известной мере, экклезиологического либерализма. Строгая церковность проявилась в разрешении проблемы «Православие и инославие». Прежде всего, постулируется положение, что Православие есть истинная Церковь, находящаяся в обладании полноты и чистоты церковной истины в Духе Святом. Отсюда вытекает отношение Православия к другим исповеданиям, как отколотившимся, непосредственно или посредственно, от церковного единства. Следовательно, Православие своей экуменической идеей может иметь лишь одно — стремление «оправославить весь христианский мир так, чтобы все исповедания влились в единое русло вселенского Православия». Это не есть дух прозелитизма, но сама логика вещей, ибо истина едина, неумолима и непреклонна, и она не терпит компромиссов. Процесс оправославления представляется, конечно, не в виде единичных присоединений к Православию; таким путем вопрос об экуменических взаимоотношениях церковных общин и исповеданий решить невозможно. Истинный метод разрешения проблемы межконфессиональных отношений состоит в том, что инославные «общины, сохраняя свои исторические, национальные и местные черты, чрез приближение к Православию в учении и жизни, оказывались бы способны вступить в единство Вселенской Церкви в качестве одной из Автономных или Автокефальных Церквей». С точки зрения этого метода, оказывается, таким образом, вполне осуществимым экуменический идеал «соединения Церквей». Правда, следует непременно учесть то чрезвычайно важное обстоятельство, что такое «соединение Церквей» может состояться не на минимуме, а на максимуме общего достояния, то есть на совершенном взаимном сближении христианских общин в вероучении и церковной жизни (дисциплине), берущем в качестве основы православное вероучение (истинный максимум христианства). Выделение же абстрактного минимума, относительно которого требуется согласие всех христианских Церквей, не способно привести к единению, хотя и может составить первый шаг на этом пути. В этом пункте протоиерей Сергий Булгаков заканчивает анализ проблемы отношения Православия к инославию и переходит к рассмотрению причин участия Православия в современном экуменическом движении под углом зрения последовательного церковного реализма.

С самого начала следует предупредить, что участие Православия в экуменическом движении ни в коем случае не означает, чтобы оно отказалось от своего самосознания, от своего предания и согласилось принять принцип компромисса в своих экуменических связях. Православие может и должно иметь пред собой следующую очень важную практическую задачу на экуменическом поприще: оно присутствует здесь для свидетельства истины. Любовь церковная повелевает свидетельствовать о своей вере, по слову Апостола: для всех быть всеми, дабы спасти некоторых (1 Кор. 9, 22). Несмотря на очевидные соблазны экуменизма, в первую очередь, конечно, опасность религиозного синкретизма, православное сознание усматривает в этом христианском стремлении к единству пророческий дух, противящийся конфессиональной исключительности и признающий во всех христианах действительных братьев во Христе, членов мистического Тела Христова. В результате искренних экуменических взаимоотношений возникает братская церковная любовь, единение во Христе последователей Евангелия, принадлежащих к разным исповеданиям. Эта любовь требует и практического единения, которое, хотя и не может достигнуть чаемого общения церковного, однако ищет возможной полноты в молитвенном общении, исповедании, взаимном познании и понимании. Открываются новые пути экуменического благочестия и экуменического богословия. Преодолеваются постепенно границы церковного провинциализма. Однако точка зрения последовательного церковного реализма вынуждает сделать очень важное, даже драматическое признание: на основной, самый трудный и острый вопрос экуменизма — существует ли возможность действительного преодоления вероисповедных различий и противоречий? — прямого положительного ответа дано быть не может. Не заключается ли в этом признании приговор экуменическому

движению как делу бесплодному, как пути ложному? — Отнюдь нет. Ибо если основная проблема экуменизма не разрешается рационалистически, если на вопрос о возможности примирения вероисповедных различий нет прямого человеческого ответа, то этот ответ следует искать на путях совершающейся Пятидесятницы, ожидать как церковное чудо: «невозможное человекам возможно Богу». Долг же христианина состоит в том, чтобы прояснять в себе сознание безусловной невозможности мириться с христианскими разделениями, ища их преодоления на путях веры, надежды и любви. Надлежит также воспитывать в себе своеобразный «конфессиональный аскетизм», состоящий в том, чтобы не позволять себе мыслей и чувств, противящихся признанию инославных за христиан, сохраняя при этом, однако, сознание чистоты своей православной веры и осторожность по отношению к опасности конфессионального индифферентизма.

До сих пор экуменические рассуждения протонерея Сергея Булгакова состояли из элементов строгой церковности. Однако в его экуменическом богословствовании имеются суждения и либерального характера. Развертываются они в границах того аспекта экуменической концепции отца Сергея, который формулируется им самим двояко: и как «реальное единство разделенной Церкви в вере, молитве и таинствах», и как «основания экуменизма». Прежде всего, ставится вопрос: как соотносить определение Церкви как мистического Тела Христова и представление о Церкви как эмпирической данности? Объединяются ли обе эти реальности в некоем высшем синтезе или же сохраняют непримиримую двойственность? В случае отрицательного ответа, экуменическое стремление к единению Церквей есть ложная задача, поскольку существует лишь единая истинная Церковь, видимая часть мистического Тела Христова. В случае положительного — мы утверждаем единство Церкви как Тела Христова, как жизни во Христе и в Духе Святом, для которой не существует конфессиональных границ и нет нишей монополии на эклезиологическую истину. Ясно, что только положительный ответ плодотворен в экуменическом смысле. Мы не имеем права отрицать наличия церковной жизни как у отдельных лиц, так и целых общин и организаций, исповедующих Христа Иисуса Господом и Спасителем, призывающих Имя Небесного Отца и взыскующих Духа Святого. На основании евангельского предписания и обетования: «Просите, и дано будет вам; ищите и найдете; стучите, и отворят вам» (Мф. 7, 7) — мы не имеем права сказать, что инославные не принадлежат к Церкви, не суть члены Тела Христова, не находятся в единении с нами, хотя и на недоступной нашему взору глубине. «Осуществление видимого единения уже должно предполагать сущее, хотя еще не проявленное, не осознанное единство». Последнее утверждение является центральным в данной части экуменической позиции отца Сергея. Это его самое либеральное в данном контексте суждение. Все дальнейшие его рассуждения на взятую тему сводятся к выявлению существенных элементов постулированного им «реального, но не осознанного единства» Церквей в мистическом Телес Христовом как первооснове. Эти элементы он обретает в духовной жизни различающихся конфессий, в их молитвенной практике и даже в таинствах. Естественно, что наибольший интерес вызывает аргументация в пользу утверждения о реальном единстве в Таинствах. Вопрос ставится следующим образом: в какой зависимости находится мистическая действительность Таинств от канонической действительности? Или в более подробном виде: какое значение имеют канонические разделения и догматические различия для действительности Таинств? Относительно канонической стороны дела вопрос разрешается в том смысле, что канонические разделения лишь устраняют возможность прямого и непосредственного общения в Таинствах, но не упраздняют их действительности, а следовательно, и невидимого общения видимо разобщенных. Точка зрения, ставящая действительность Таинства в зависимость от канонических условий, богословски не может быть поддерживаема без существенного извращения учения о Церкви и Таинствах в сторону канонического формализма. Напротив, «разделившиеся части Церкви, по крайней мере при наличии апостольского преемства, находятся в невидимом таинственном общении между собою чрез видимые, хотя и сделавшиеся взаимно недоступными Таинства, совершаемые в пределах каждой из разделившихся Церквей; иными словами, совершившееся разделение не проходит до дна, оно ограничено и не разделяет Тела Христова, Церкви Его». Сложное дело обстоит с влиянием догматических отклонений на действительность Таинств. Можно ли говорить, например, о Таинствах в протестантизме? Отрицательный ответ безусловен. Основание этого можно усмотреть в том факте, что Церковь признает действительность протестантского крещения, ибо она его не повторяет в случаях присоединения протестантов. Факт этот свидетельствует, что по крайней мере в Таинстве духовного рождения мы пребываем в общении с протестантами как христиане, как члены единого Тела Христова. Крещение же, как общая возможность благодатной жизни

в Церкви, есть в определенном смысле потенциал и всех дальнейших таинств. Правда, в протестантизме они реализуются лишь частично, имеют лишь обедненное бытие как по причине сокращения числа Таинств, так и, в особенности, чрез отсутствие священства. Однако отсюда вовсе нельзя заключать, что протестантские таинства совершенно ничтожны. Этот вывод неправомерен не только по чувству христианской любви, но и потому, что не удовлетворяет христианской правде: «клир не есть магический аппарат для совершения таинств, но церковное служение, существующее в Церкви и для Церкви». В этом и аналогичных случаях необходимо проникнуться пониманием того, что Господь не оставляет Своей благодатью никого из Своего стада, в том числе и тех, кто историческими судьбами оторгнут от полноты церковно-благодатной жизни. Догматические повреждения, так же как и канонические уклонения, разумеется, до известных пределов, не уничтожают действительности Таинств, и даже если они и умаляют их действенность то степень этого умаления не дано определить человеку. Итак, мы вновь подходим к выводу, что разделение Церкви не проходит до глубины, что в своей таинственной жизни Церковь остается едина, во всяком случае, в тех ее сферах, которые наиболее приближены к Православию. Какие следствия можно вывести из этого? Прежде всего, что требуется для полного соединения, с чего начать? Обычно считается, что видимое общение в Таинствах, то есть открытое единение в таинственной жизни должно иметь для себя непрременным условием предварительное догматическое соглашение. Но так ли это бесспорно? — спрашивает отец Сергей. Здесь на одной чаше весов обретается различие некоторых вероучительных догматов, богословских мнений и веками сложившееся и закрепившееся отчуждение, но на другой — единство таинственной жизни и, прежде всего, Трапезы Господней. Почему же смысл проблемы и ее разрешение полагается в предварительном согласии во мнениях, а не наоборот — в единстве таинства? «Почему не искать преодоления ереси учений чрез преодоление ереси жизни и, каковою является разделение?» Вполне возможно, что путь к единению Церкви лежит не через богословские прения, а через единение пред алтарем. Сие да буди, буди. Следующим же шагом, возможно, будет достигнуто и догматическое единение, точнее, взаимопонимание друг друга в своих свойствах, особенностях и даже различиях, если таковые останутся. А пока, в ожидании разрешения вопроса, о конкретных способах которого нам не дано ведать, мы должны твердо помнить, что само единение в Таинствах уже существует и оно-то и есть положительное основание к внешнему единству, коего чаем и ищем.

Таким образом, можно говорить о наличии у протоиерея Сергея Булгакова двух экуменических концепций. Одна строго православно-церковная, основные пункты которой: Православие обладает полнотой церковной истины; экуменическое единение есть «оправославление»; ближайшей, практической задачей Православия на экуменическом поприще должно быть свидетельство истины; основная цель экуменических устремлений может быть достигнута, по-видимому, не реализацией рационально составленных планов преодоления вероисповедных различий, а путем чаемого непосредственного вмешательства Бога, то есть церковного чуда, по обетованию: «невозможное человеку возможно Богу». Основная идея другой экуменической концепции протоиерея Сергея Булгакова — стремление к церковному единству есть практическое выявление уже существующего, хотя и не осознанного, реального единства — квалифицирует ее (концепцию) как, по существу, богословски либеральную.

**Протоиерей Владимир Мустафин,
профессор Ленинградской Духовной Академии**

* * *

25. Болезнь и операции протоиерея Сергея Булгакова

Огромный труд, который нес отец Сергей в различных сферах, постепенно истощал его сильный от природы организм. Он жил и работал, чувствуя над собой руку и любовь Божию.

Но вот пришла болезнь — впервые в 1929 г., в день памяти преподобного Серафима Саровского. Два дня отец Сергей не сдавался и продолжал работать, на третий изнемог: высоко поднялась температура,

начались тяжелые страдания, предвещавшие серьезную болезнь. Бессонные ночи привели к потере ощущения времени. Отец Сергей жил со всей напряженностью и интенсивностью своего духовного существа, «переживая просветы в вечность» и сознавая ответственность перед Богом. В течение этой продолжительной болезни он испытал длительные минуты умирания, духовные моменты прохождения через порог смерти и возвращения к жизни. Он изложил эти чувства и опыт в статье христологического типа «Софиология смерти» (384), примыкающей к первой части его трилогии «Агнец Божий».

«Навсегда я познал,— вспоминает отец Сергей,— что есть только Бог и милость Его, что жить надо только для Бога, любить только Бога, искать только Царствия Божия, и все, что заслоняет Его, есть самообман. Я призывал и чувствовал близость Пречистой Матери Божией, но у меня не хватало силы для восхождения. Затем я двинулся, словно по какому-то внутреннему велению, вперед, из этого мира — к Богу. Я несся с быстротой и свободой, лишенный всякой тяжести. Я знал каким-то достоверным внутренним чувством, что я прошел уже наше время и теперешнее поколение, прошел еще следующее поколение, и за ним уже начал светиться конец. Загорелись неизреченные светы приближения и присутствия Божия, свет становился все светлее, радость неизъяснимее: «несть человеку глаголати». И в это время какой-то внутренний голос спутника — то был Ангел-Хранитель — сказал мне, что мы ушли слишком вперед и нужно вернуться. И я понял и услышал внутренним слухом, что Господь возвращает меня к жизни, что я выздоравливаю. Я не могу теперь постигнуть, как это было, но один и тот же зов и повеление, которое освободило меня от жизни этого мира, одновременно и тем же самым словом определило мне возвращение к жизни. Внутренно я уже знал, что я выздоровею» (315, с. 138—139).

И отец Сергей действительно пошел на поправку и был совершенно спокоен, потому что реально услышал Божие повеление. В то же время он почувствовал себя освобожденным от тяжести грехов и даже не держал их больше в памяти. Он чувствовал себя как новорожденный, потому что в его жизни произошел реальный перерыв, через нее прошла «освободительная рука смерти».

«Ты еси Бог творяй чудеса! — такими словами заканчивает отец Сергей свое повествование. Так завершился светлый, радостный духовный опыт протоиерея Сергия Бугакова за время первой болезни, обогативший его прозрением подлинного смысла жизни, процесса умирания и смерти.

И вот в 1939 г., ровно через десять лет, отца Сергия посетила новая, более серьезная и опасная болезнь: это был рак гортани, требовавший немедленной двойной операции с наиболее вероятным смертным исходом или — в благоприятном случае — с потерей голоса навсегда. Господь помог отцу Сергию встретить и пережить эту весть без страха, с мужеством и даже с радостным возбуждением в ответ на зов Божий. Операция, которую должны были делать без общего наркоза, сулила тяжелые страдания. От страха спасало также свойственное отцу Сергию любопытство.

Перед первой операцией он исповедался, причастился Святых Животворящих Таин и на всякий случай попрощался с родными и друзья-

ми, хотя все верили в положительный исход операции. В последние часы отец Сергей еще вспоминал, кого надо обласкать добрым словом. В клинику он явился бодрым и мужественным, с полной готовностью принять волю Божию.

Первую операцию горла он наблюдал в зеркало, подвешенное на потолке. После нее отец Сергей сразу потерял речь. Вторая операция, которую уже невозможно было наблюдать по многим причинам и которая состояла в удалении голосовых связок, была проведена через две недели после первой, в Великий вторник. Вся Страстная седмица прошла в страшных страданиях, в состоянии мучительного удушья, которое иногда протекало бурно, но сравнительно коротко, а порой очень длительно, сопровождаясь полубредовым состоянием сознания. Это было умирание с перерывами, но без просвета, безрадостная ночь без зари, без утра.

Оставалось чувство физических страданий с утратой силы духа, с богооставленностью, что было самым страшным. Но оставалась еще одна действенная сила в страждущей душе — любовь. Отец Сергей любил всех родных и друзей, перебирал в памяти мыслью всех любимых и нелюбимых в прошлом, всех тех, кого радостно или трудно было любить в настоящем. Он любил всех, кого помнил. И близость Божия стала ощутима, поскольку никто и ничто не отделяло отца Сергея от Бога. Эта близость Божия, стояние пред Богом лицом к лицу были трепетны. В своей болезни никогда и ни в чем он не противился воле Божией, не роптал, не просил Бога о помиловании и освобождении от страданий, принимая их как неизменное и несомненное Божие определение. «Я умирал во Христе, и Христос со мною и во мне умирал» (315, с. 143). И эти переживания принесли «страшное, потрясающее, невыразимое откровение»: прошло «не поддающееся исчислению времени мгновение между богооставленностью Христа и Его смертью. Но оно содержало в себе безвременную длительность и полноту умирания для всякого человека... Я ведал Христа в своем умирании, мне была ощутима Его близость ко мне, почти телесная, но... как лежащего со мной «изъязвлена и ранена мертвеца»... Он мог помочь мне в моем страдании и умирании только сострадав и умирая со мной. Я видел этот образ внутренним зрением...» (315, с. 143). «Этому Христу я не мог — или не умел тогда — молиться, я лишь мог Его любить и с Ним сострадать, поскольку и Он сострадал со мною. Через мое, человеческое, умирание для меня открывалось умирание Богочеловека, которое было мукою всех человеческих мук. Оно совершилось в предельном кепозисе... В этом самоуничижении Богочеловека и заключается спасительная сила Его смерти. Христос умирал нашей человеческой смертью, чтобы принять через нее смерть Богочеловека. Поэтому и наше умирание, как со-умирание с Ним, есть откровение о смерти Христовой, хотя еще не об Его славе» (315, с. 144—145).

Жизнь отца Сергея окуталась мраком, тяжело лежал на нем крест немоты. Главное страдание было от сознания, что он не сможет уже стоять у престола и совершать литургию. Правда, даже и это не встречало в душе его ропота и разрешалось в покорное приятие воли Божией: «Бог дал, Бог и взял, да будет благословенно имя Господне». От врача пришла весть, что он не может рассчитывать на восстановление речи. Между тем, приближались дни Святой Троицы и Святого Ду-

ха — годовщина рукоположения отца Сергия, — и он думал о них, таких всегда торжественных и светлых, со страхом и тоскою, как мертвый... В этом чувстве сосредоточилось безмерное страдание, умирание без смерти.

И вдруг оно неожиданно прервалось по милости Божией. Совершилось чудо — через любимого друга, который принес весть от доктора, что голос восстановится. Как будто свет прорвался через мрак... Бог явил отцу Сергию Свою милость, и он, потрясенный до основания, рыдал радостными слезами, как никогда в жизни. В канун и день Святой Троицы отец Сергий был в храме, а в день Святого Духа исповедался и причастился Святых Таин.

Память о рукоположении стала для него радостной как никогда. Друзья отца Сергия наполнили весь его дом цветами, горячо приветствуя его возвращение к жизни.

Отец Сергий в первую половину своей болезни был объективно на волоске от смерти, а субъективно был почти всецело охвачен смертностью и потому познал ее, познал как крестное умирание Господа в Его богооставленности даже до смерти, от вопля: «Для чего Ты Меня оставил?» до последнего приятия воли Божией: «В руки Твои предаю дух Мой».

Умирание, по словам отца Сергия, не содержит откровения о самой смерти, которое дается только ее вкушением теми, кто безвозвратно оставляет этот мир. За гранью смерти следует откровение о загробной жизни как начале нового бытия. Умирание не знает откровения ни о загробной жизни, ни о воскресении. Оно есть ночь дня, сам первоуродный грех.

Не следует заполнять жизнь одним предчувствием смерти, но нельзя и забывать о ней, отворачиваясь от нее, ибо рано или поздно она придет к каждому человеку и надо быть готовым достойно принять ее (315, с. 147).

26. Последние годы жизни

Здоровье протоиерея Сергия Булгакова стало понемногу восстанавливаться. Огромными усилиями воли он научился говорить (хотя и не особенно внятно) без голосовых связок. Он служил ранние литургии в приделе во имя Успения Божией Матери (на них приходили преданные ему духовные дети), продолжал читать лекции по догматическому богословию (не касаясь на них своего учения о Софии), осуществлять свои пастырские заботы и писать свои труды. Все замечали, что после операции у отца Сергия появилась в отношениях с людьми особая мягкость и ласковость, а улыбка его сопровождалась удивительным сиянием глаз.

Но недолго продолжались мирные дни его жизни и труда. Вторая мировая война коснулась вскоре Парижа. Многие покидали столицу и уезжали на юг Франции. Отец Сергий вместе с семьей твердо решил оставаться на месте и переносить любые страдания, которые выпадут на их долю.

Один из учеников отца Сергия так вспоминает это время своего обучения в Богословском институте в Париже: «Профессора читали, а студенты слушали лекции в нетопленных аудиториях, на голодный желудок.

До сих пор помнятся лиловые от холода руки о. Сергия Булгакова и вся обстановка его последних лекций... Он читал свое толкование Апокалипсиса, и даже больше, чем его слова, запомнился весь его облик, тот необычайный свет, горение, сияние, которые исходили от него в эти последние годы... И на фоне «грохотавшей» действительности сохранилось сильное впечатление служения «единому на потребу» и нашего духовного единства».

Война возбуждала во всех и в самом отце Сергии непрестанные прошения, но он не мог прикрывать бездну неизвестности призрачным покрывалом. Поэтому он часто отвечал на эти вопросы безответностью. Однако вера и любовь помогали ему решать встающие трагические проблемы; он искал ответы в своем личном духовном опыте, в откровении о страданиях Христа. Об Этом страждущем в мире Христе он писал в своем неопубликованном труде «Христос в мире» (397). Особенно мучительно переживал отец Сергей страдания невинных детей — жертв беспощадной войны. Однажды он поделился с одним из своих близких скорбями по этому поводу, говоря: «Сегодня во время литургии я себя вопрошал: как я могу возносить Богу Евхаристическое благодарение, как я могу благодарить Господа за эти ужасы, за этих бедных детей? И вот во мне вдруг прозвучал ответ: да, могу благодарить, ибо чувствую Христа, сострадающего в них и с ними!»

В эти военные годы с особой остротой вставал вопрос о необходимости активного протеста против насилий и злоупотреблений фашизма.

Отец Сергей давно вынашивал в своем сердце идею «монашества в миру», то есть такого типа монашества, который осуществляет напряженный молитвенный подвиг одновременно с самоотверженным служением Богу, Отечеству, людям, культуре. — не скрываясь в уединенной обители, а оставаясь в «гуще мира». Именно теперь эта идея становится особенно актуальной. И отец Сергей вдохновляет и благословляет своих духовных детей на такой христианский творческий путь. В первую очередь следует упомянуть здесь его духовную дочь — мать Марию (Елизавету Юрьевну Кузьмину-Караваеву), ее юного сына Юрия, друга и сподвижника, духовного сына отца Сергия, священника Димитрия Клепинина, которые прославили свои имена (вместе с другими участниками французского Сопротивления) неустанными самоотверженными подвигами любви по отношению к страждущим людям вплоть до своей героической смерти в фашистских лагерях.

Так, в драматических событиях, подошел постепенно 1943 год. Отец Сергей, всегда преданный России, внимательно, с глубокими патриотическими чувствами следил за ходом военных событий на Отечественном фронте, радовался всей душой каждой одержанной победе. К сожалению, ему не удалось дожить до торжества окончательной победы в 1945 г.

В духовной собранности, с возрастающим вдохновением продолжал отец Сергей служить ранние литургии, читать свои лекции, общаться с духовными детьми, углубляться и писать «Опыт догматического истолкования Апокалипсиса святого Иоанна Богослова» (321), но он все острее предчувствовал приближение конца своей жизни.

Поэтому, когда в самом начале июня 1944 г. Л. А. Зандер принес ему одну из глав своей книги «Бог и мир» (401), отец Сергей спросил его: «Придешь в Духов день?» Зандер, живший за пределами Парижа,

ответил: «Постараюсь». Отец Сергей с мягкой настойчивостью сказал: «Приходи, это в последний раз...» (401, с. 61).

Наконец, наступила памятная для всех его духовных детей годовщина рукоположения отца Сергия — 5 июня 1944 г., день Святого Духа. Он служил с большим подъемом Божественную литургию на греческом языке. Все его духовные дети причащались, а после богослужения, как обычно, пошли к отцу Сергию пить чай, продолжить общение в беседе.

Многие из них вспоминали потом, как особенно значительна для них была эта последняя исповедь, как бы прощальная, будто в ней отец Сергей дал свое завещание и выражал главное, что хотел сказать каждому...

Предчувствие отца Сергия сбылось в ту же ночь — его постиг удар с 5-го на 6-е июня... Прибывший доктор сказал, что ни сознание, ни центр речи не поражены ударом. Несмотря на такой утешительный диагноз, четыре духовные дочери отца Сергия решили неотлучно пребывать у постели больного.

Первые два дня отец Сергей был очень слаб, однако проявлял некоторые признаки жизни; в течение следующих дней его сознание стало постепенно угасать. Но лицо его выражало напряженную духовную жизнь, и все время менялось его выражение. Все четверо почувствовали, что присутствуют при таинстве перехода души отца Сергия в Горний мир.

И вдруг, в субботу утром, 10 июня 1944 г., когда сестра Иоанна сидела одна у постели отца Сергия, она поразилась: так непрестанно стало изменяться напряженное выражение его лица, как будто вел он какой-то таинственный потусторонний разговор. Неожиданно лицо его начало становиться светлее и радостнее. Выражение мучительной напряженности стало всецело преображаться в выражение мирной детской невинности. Сестра Иоанна немедленно позвала остальных, и они вчетвером были свидетельницами необычайного просветления лица отца Сергия. Однако это просветление не стирало черт лица и выражения его радости. Эта удивительная озаренность длилась два часа, как сказала мать Феодосия, взглянувшая на часы. Она промолвила: «Отец Сергей приближается к Престолу Господню и озарен Светом Его Славы».

Приведенную документальную запись передала автору настоящей статьи сестра Иоанна в 1963 г. — после ее переезда из Парижа на постоянное жительство в СССР — с просьбой опубликовать это сообщение, когда представится возможность.

В 1971 г., совершенно независимо от этого, вышло из печати замечательное свидетельство матери Феодосии «О последних днях о. Сергия» (357), которое полностью сходится с записью сестры Иоанны.

Агония у отца Сергия началась во время всенощной под праздник святых первоверховных апостолов Петра и Павла и закончилась 13 июля 1944 года, в праздник Собора 12 апостолов. Отца Сергия облачили в ризу, которую он привез из России. В гроб, согласно его завещанию (322), положили горсть родной русской земли, взятой отцом Сергием с могилы его сына Ивашечки, и горсть Святой Земли из Гефсимании, которую отец Сергей хранил под образами.

Похоронили отца Сергия 15 июля 1944 года на русском православном кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа (Sainte Genevieve des Bois),

недалеко от храма, освященного в 1939 г. в праздник Покрова Пресвятой Богородицы.

Митрополит Евлогий (Георгиевский) сказал над могилой следующее слово (399): «...Ты был не понят, обвинен. Быть может, это было вписано в твою судьбу, так как твое богословие являлось плодом не только твоего мышления, но также и скорбных испытаний твоего сердца. ...Дух Святой преобразил в душе твоей Савла в Павла. Ты был истинным христианским мудрецом, учителем жизни, поучавшим не словом только но и всем житием своим, в котором — дерзаю сказать — ты был апостолом».

Отец Сергей претерпел от людей много непонимания, незаслуженных скорбей и несправедливых обид. Но несомненным фактом остается то, что Бог прославил Своего сына — мыслителя, труженика и подвижника — в присутствии четырех свидетельниц, его духовных дочерей, необъяснимым озарением его лица.

Так светло и радостно отошел отец Сергей в жизнь вечную — ко Христу, Которого безгранично любил и к живому единению с Которым всегда стремился смиренным подвигом своей самоотверженной жизни, богословского труда и священства.

БИБЛИОГРАФИЯ *

1. Труды Сергея Николаевича Булгакова до принятия священства (1896—1918)

1. О закономерности социальных явлений.— Вопросы философии и психологии, 1896, № 35, с. 575—611.
2. О рынках при капиталистическом производстве. Теоретический этюд. М., изд. М. И. Водозовой, 1897.
3. Закон причинности и свобода человеческих действий.— Новое слово, 1897, № 8, с. 183—199.
4. Классическая школа и историко-этическое направление в политической экономии.— Новое слово, 1897, № 11, с. 39—53.
5. О некоторых основных понятиях политической экономии. I. Ценность. II. Капитал.— Научное обозрение, 1898, № 2, с. 331—353; № 9, с. 1475—1483; № 10, с. 1647—1676.
6. К вопросу о капиталистической эволюции земледелия.— Начало, 1899, № 1—2, с. 1—21; № 3, с. 25—33.
7. Капитализм и земледелие. I—II. СПб., тип. В. А. Тиханова, 1900.
8. Иван Карамазов как философский тип.— Вопросы философии и психологии, 1902, № 61, с. 826—863.
9. Душевная драма Герцена.— Вопросы философии и психологии, 1902, № 54, с. 1248—1275.
10. Основные проблемы теории прогресса.— В кн.: Проблемы идеализма. Под ред. П. И. Новгородцева. М., изд. Московского психологического общества, 1902, с. 1—47.
11. Васнецов, Достоевский, Вл. Соловьев, Толстой (параллели).— В сб.: Литературное дело. СПб., тип. А. В. Колпинского, 1902, с. 119—139.
12. Что дает современному сознанию философия Вл. Соловьева?— Вопросы философии и психологии, 1903, № 66, с. 52—96; № 67, с. 125—166.
13. Об экономическом идеале.— Научное слово, 1903, № 5, с. 102—125.
14. О социальном идеале.— Вопросы философии и психологии, 1903, № 68, с. 291—316.
15. От марксизма к идеализму. Сборник статей (1896—1903). СПб., 1903.

* В настоящем списке работ широко использована весьма ценная исчерпывающая библиография трудов протоиерея Сергея Булгакова, составленная Климентом Наумовым (408).

16. О реалистическом мировоззрении.— Вопросы философии и психологии, 1904, № 73, с. 380—403.
17. Новогодний подарок нашим славянофилам.— Освобождение, 1904, № 17 (41), с. 306—308.
18. Чехов как мыслитель.— Новый путь, 1904, № 10, с. 32—54; № 11, с. 138—152.
19. «Идеализм» и общественные программы.— Новый путь, 1904, № 10, с. 260—277; № 11, с. 342—360; № 12, с. 302—329.
20. Очерки по крестьянскому вопросу.— Новый путь, 1904, № 11, с. 300—302.
21. Литерат. заметки. Н. Г. Чернышевский.— Новый путь, 1904, № 11, с. 318—320.
22. Рецензия на книгу К. К. Арсеньева «Свобода совести и веротерпимость».— Новый путь, 1904, № 11, с. 334—335.
23. Карлейль и Толстой.— Новый путь, 1904, № 12, с. 227—260.
24. Нет на свете мук сильнее муки слова.— Вопросы жизни, 1905, № 1, с. 309—317.
25. «Вопросы жизни» и вопросы жизни: несколько слов о задачах журнала. Жизнь и ее истинный объем и вопросы. Исторические задачи нашего времени.— Вопросы жизни, I, 1905, № 2.
26. По поводу выхода в свет шестого тома собрания сочинений Вл. С. Соловьева.— Вопросы жизни, II, 1905, № 2.
27. «Трагедия человечества» Эмериха Мадача.— Вопросы жизни, 1905, № 2, с. 205—222.
28. Рецензия на «Вопросы философии и психологии в 1904 году».— Вопросы жизни, 1905, № 2, с. 299—304.
29. Рецензия на книгу Л. А. Сулержицкого «В Америку с духоборами».— Вопросы жизни, 1905, № 3, с. 320—321.
30. О пути Соловьева. Ответ кн. Е. Н. Трубецкому («Философия и религия»).— Вопросы жизни, 1905, № 3.
31. По поводу письма Л. Н. Толстого в Times и слова епископа Антония в «Московских ведомостях».— Вопросы жизни, 1905, № 3.
32. Рецензия на книгу Куно Фишера «История новой философии».— Вопросы жизни, 1905, № 3, с. 915—916.
33. Политическое освобождение и церковная реформа.— Вопросы жизни, 1905, № 4/5, с. 491—522.
34. Несколько замечаний по поводу статьи Г. И. Чулкова о поэзии Вл. Соловьева.— Вопросы жизни, 1905, № 6.
35. Совместимо ли христианство с любовью к жизни?— Вопросы жизни, 1905, № 6.
36. Связь аскетизма и трагизма.— Вопросы жизни, 1905, № 6.
37. Позитивная и трагическая теория прогресса.— Вопросы жизни, 1905, № 6.
38. Афродита протонародная и Афродита Небесная.— Вопросы жизни, 1905, № 6.
39. Рецензия на статью К. Каутского «Национальность нашего времени».— Вопросы жизни, 1905, № 7, с. 235—237.
40. Неотложная задача.— Вопросы жизни, 1905, № 9, с. 332—360.
41. Из некролога кн. С. Н. Трубецкому.— Вопросы жизни, 1905, № 10/11, с. 280—289.
42. Религия человекобожия у Фейербаха.— Вопросы жизни, 1905, № 10/11, с. 326—379; № 12, с. 74—102.
43. Рецензия на «Научно-популярные статьи проф. С.-Петербургского университета Ф. Зелинского» (СПб., 1905).— Новый путь, 1905, № 11, с. 333—334.
44. Очерк о Ф. М. Достоевском. Через четверть века (1881—1906).— Юбилейное издание полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского. СПб., 1906.
45. Религия и политика.— Полярная звезда, 1906, № 13, с. 118—127.
46. Духовенство и политика.— Товарищ, 1906.
47. О необходимости введения общественных наук в программу духовной школы.— Богословский вестник, 1906, № 2, с. 345—356.
48. Кабинет министров и обер-прокурор Св. Синода.— Дума, 1906, № 24.
49. Краткий очерк политической экономии. Вып. 1. Основные черты современного хозяйственного строя. М., 1906.
50. Церковь и культура.— Вопросы о религии, 1906, № 1, с. 38—52.
51. Церковь и государство.— Вопросы о религии, 1906, № 1, с. 53—101.
52. Церковь и социальный вопрос.— Вопросы о религии, 1906, № 1, с. 298—334.
53. Под знаменем Университета. (Вступительная лекция в Московском университете к курсу: «Критическое исследование проблем и идеалов политической экономии. Очерк социальной философии».)— Вопросы философии и психологии, 1906, № 85, с. 453—468.

54. Горе русского пастыря.— *Новь*, 1906, 29 декабря.
55. Временное и вечное.— *Век*, 1906, № 7.
56. Социальные обязанности Церкви.— *Народ*, 8(21), 1906, № 5.
57. Индивидуализм или соборность.— *Народ*, 9(22), 1906, № 6.
58. К вопросу о Церковном Собрании.— *Московский еженедельник*, 1906, № 13, с. 387—389.
59. Карл Маркс как религиозный тип.— *Московский еженедельник*, 1906, № 22, с. 34—43; № 23, с. 24—33; № 24, с. 42—52; № 25, с. 46—54.
60. Венец терновый. (Памяти Ф. М. Достоевского).— *Свобода и культура*, 1906, № 2, с. 17—36. (Есть издание, исправленное автором. СПб., 1907.)
61. О смертной казни. Сборник статей «Против смертной казни» под ред. М. Н. Гернета, О. Б. Гольдовского и И. Н. Сахарова. М., 1906; 2-е изд.— М., 1907.
62. Церковный вопрос в Государственной Думе.— *Век*, 1907, № 10, с. 119—120.
63. Из думских впечатлений. Прения о военно-полевых судах.— *Век*, 1907, № 12, с. 144—145.
64. История политической экономии. Лекции, читанные в Московском коммерческом институте в 1907 г. М., Студенческая комиссия Общества взаимопомощи студентам, 1907.
65. Средневековый идеал и новейшая культура. (По поводу книги Г. Эйкена «История и система средневекового миросозерцания». СПб., 1907).— *Русская мысль*, 1907, № 1, с. 61—83.
66. Воскресение Христа и современное сознание.— *Век*, 1907, № 16, с. 215—219.
67. Интеллигенция и религия.— *Русская мысль*, 1908, № 3, с. 72—103.
68. Князь С. Н. Трубецкой как религиозный мыслитель.— *Московский еженедельник*, 1908, № 14, с. 11—23.
69. Загадочный мыслитель (Н. Ф. Федоров).— *Московский еженедельник*, 1908, № 48, с. 28—46.
70. Сельма Лагерлеф. Легенды о Христе. М., 1907.— *Критическое обозрение*, 1908, вып. II (VII), с. 42—45.
71. Аграрный вопрос. Лекции, читанные в Московском коммерческом институте в 1907—1908 гг. М., Студенческая комиссия Общества взаимопомощи студентам, 1908, № 8.
72. Народное хозяйство и религиозная личность. (Посвящается памяти Н. Ф. Токмакова).— *Московский еженедельник*, 1909, № 23, с. 26—38; № 24, с. 17—24.
73. Социальное мировоззрение Джона Рескина.— *Вопросы философии и психологии*, 1909, № 100, с. 395—436.
74. Философия кн. С. Н. Трубецкого и духовная борьба современности.— *Критическое обозрение*, 1909, № 1, с. 5—16.
75. О первохристианстве. (О том, что было в нем и чего не было. Опыт характеристики).— *Русская мысль*, 1909, № 5, с. 68—92; № 6, с. 97—124.
76. Первохристианство и новейший социализм. (Религиозно-историческая параллель).— *Вопросы философии и психологии*, 1909, № 98, с. 215—268.
77. Героизм и подвижничество.— В сб. статей о русской интеллигенции. М., тип. М. Саблина, 1909, с. 23—69.
78. Спор о прагматизме (среди других участников).— *Русская мысль*, 1910, № 5, с. 121—156.
79. Апокалиптика, социология, философия истории, социализм. (Религиозно-философские параллели).— *Русская мысль*, 1910, № 6, с. 65—90; № 7, с. 1—28.
80. На смерть Л. Н. Толстого.— *Русская мысль*, 1910, № 12, с. 151—156.
81. Профессорская религия.— *Русская мысль*, 1910, № 12, с. 188—195.
82. Церковь и культура.— *Вопросы философии и психологии*, 1910, № 103, с. 385—412.
83. Природа в философии Вл. Соловьева.— *Вопросы философии и психологии*, 1910, № 105, с. 661—693.
84. Революция и реакция. (Не политические размышления о политике).— *Московский еженедельник*, 1910, № 8, с. 23—35.
85. Влад. Кожевников. О значении христианского подвижничества в прошлом и настоящем. М., 1910. (Рецензия).— *Московский еженедельник*, 1910, № 22.
86. Толстой и Церковь.— *Русская мысль*, 1911, № 1, с. 218—222.
87. Рим и Восток.— *Русская мысль*, 1911, № 3, с. 31—36.
88. Религиозная мысль на Западе. «*Hal Jesus gelebt?*» — *Русская мысль*, 1911, № 6, с. 31—39.
89. Христианство и мифология.— *Русская мысль*, 1911, № 8, с. 112—133.

90. Кризис христианства в современном протестантизме.— Русская мысль, 1911, № 9, с. 44—48.
91. Социальная философия Роберта Оуэна.— Вопросы философии и психологии, 1911, № 107, с. 167—185.
92. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. (Сборник статей в двух томах.) М., Путь, 1911 (том I—303 с.; том II—313 с.).
93. Философия хозяйства. Ч. 1-я. Мир как хозяйство. М., Путь, 1912.
- Предисловие.
1. Проблема философии хозяйства.
 2. Натурфилософские основы теории хозяйства.
 3. Значение основных хозяйственных функций.
 4. О трансцендентальном субъекте хозяйства.
 5. Природа науки.
 6. Хозяйство как синтез свободы и необходимости.
 7. Границы социального детерминизма.
 8. Феноменология хозяйства.
 9. Экономический материализм как философия хозяйства.
94. Природа науки.— В философском сборнике, посвященном Л. М. Лопатину. К тридцатилетию научно-педагогической деятельности. От Московского психологического общества. 1881—1911. М., 1912.
95. «Экономический материализм» как философия хозяйства.— Русская мысль, 1912, № 1, с. 44—64.
96. Самозащита В. И. Экземплярского. За что меня судили? Киев, 1912.— Русская мысль, 1912, № 8, с. 39—40.
97. На выборах. (Из дневника).— Русская мысль, 1912, № 11, с. 185—192.
98. Л. Толстой — человек и художник.— В сб. статей: О религии Льва Толстого. М., Путь, 1912, с. 16—26.
99. Л. Толстой. Простота и опрощение.— Там же, с. 114—141.
100. Человекобог и человекозверь. (По поводу последних произведений Л. Н. Толстого: «Дьявол» и «Отец Сергей»).— Вопросы философии и психологии, 1912, № 112, с. 55—105.
101. Три идеи.— Русская мысль, 1913, № 2, с. 142—149.
102. Предисловие к книге И. Зейпеля «Хозяйственно-этические взгляды отцов Церкви». М., 1913, с. I—IV.
103. Философия хозяйства. (Речь на докторском диспуте, произнесенная перед защитой диссертации «Философия хозяйства» 21 сентября 1912 г. в Московском университете).— Русская мысль, 1913, № 5, с. 70—79.
104. Ответ В. И. Соколову.— Русская мысль, 1913, № 7, с. 109—114.
105. Афонское дело.— Русская мысль, 1913, № 9, с. 37—46.
106. История социальных учений в XIX веке. Лекции. М., 1913.
107. Очерки по истории экономических учений. Вып. 1. М., 1913.
108. Смысл учения св. Григория Нисского об именах.— Итоги жизни, 1914, № 12/13, с. 15—21.
109. Трансцендентная проблема религии.— Вопросы философии и психологии, 1914, № 124, с. 580—652; № 125, с. 728—780.
- 110а. Русская трагедия. О «Бесах» Ф. М. Достоевского в связи с инсценировкой романа в Московском Художественном театре.— Русская мысль, 1914, № 4, с. 1—26.
- 110б. Русские думы.— Русская мысль, 1914, № 12, с. 108—115.
111. «Отрицательное богословие».— Вопросы философии и психологии, 1915, № 126, с. 7—86; № 128, с. 244—291.
112. О тварности.— Вопросы философии и психологии, 1915, № 129, с. 293—344.
113. Война и русское самосознание. Публичная лекция. М., тип. И. Д. Сытина, 1915.
114. Стихотворения Вл. Соловьева.— Русская мысль, 1915, № 2, с. 14—17.
115. Тоска. На выставке А. С. Голубкиной.— Русская мысль, 1915, № 4, с. 14—20.
116. Моцарт и Сальери. (По поводу Пушкинского спектакля в Московском Художественном театре).— Русская мысль, 1915, № 5, с. 16—21.
117. Труп красоты. По поводу картин Пикассо (1914).— Русская мысль, 1915, № 8, с. 10—106.
118. А. Н. Шмидт и Вл. Соловьев. (Из рукописей А. Н. Шмидт).— Биржевые ведомости, 1915, 29 декабря.
119. «Характер германской философии». Вступительный доклад в Религиозно-философском обществе.— Утро России, 1915, 30 марта, № 71.
120. Основные мотивы философии хозяйства в платонизме и раннем христианстве.

(История экономической мысли. Под ред. В. Я. Железнова и А. А. Мануйлова. Т. I. Вып. 3. Московский научный институт. В память 19 февраля 1861 г.). М., 1916.

1. Космология и антропология.
 - I. Платонизм.
 - II. Христианство.
2. Аксиология и этика хозяйства.
 - I. Платонизм.
 - II. Христианство.
- Заклучение.
 121. Софийность твари. (Космодияцел).— Вопросы философии и психологии, 1916, № 132/133, с. 79—194.
 122. Пол в человеке. (Фрагмент из антропологии).— Христианская мысль, 1916, с. 87—104.
 123. Победитель — Побезденный. (Судьба К. Н. Леонтьева).— Биржевые ведомости, 9, 16, 22 декабря 1916 г.
 124. Искусство и теургия. Фрагмент.— Русская мысль, 1916, № 12, с. 1—24.
 125. Заметка по случаю смерти Ф. Д. Самарина (23.X.1916).— Богословский вестник, 1916, № 10/12, с. 578—581.
 126. Человечность против человекобожия. Историческое оправдание англо-русского сближения.— Русская мысль, 1917, № 5/6, с. 1—32.
 127. О даре свободы.— Русская свобода, 1917, № 2.
 128. Христианство и социализм. М., Московская просветительная комиссия при Временном комитете Государственной Думы, 1917, № 16.
- (Брошюры под ред. проф. Н. Н. Алексева, № 25).
 1. Первое искушение Христа в пустыне.
 2. Свобода от хозяйства и свобода в хозяйстве.
 3. Ограниченность социалистических мечтаний.
 4. Социализм и гуманизм.
 5. «Буржуазность социализма».
 6. Правда социализма.
 7. «Христианский социализм».
 8. Действительное значение социализма.
 9. «Духа не угашайте, пророчества не унижайте».
129. Памяти В. Ф. Эрн.— Христианская мысль, 1917, № 11/12, с. 62—68.
130. Памяти В. А. Кожевникова. (Некролог).— Христианская мысль, 1917, № 11/12, с. 75—83.
131. Свет Невечерний. Созерцания и умозрения. М., Путь, 1917.
 - От автора (с. I—IV).
 - Введение. Природа религиозного сознания (с. 1—95).
 1. Как возможна религия? (с. 1—18).
 2. Трансцендентное и имманентное (с. 18—37).
 3. Вера и чувство (с. 37—45).
 4. Религия и мораль (с. 46—51).
 5. Вера и догмат (с. 51—60).
 6. Природа мифа (с. 60—74).
 7. Религия и философия (с. 74—95).
 - Отдел первый. Божественное Ничто (с. 96—175).
 - I. Основная антиномия религиозного сознания (с. 96—103).
 - II. «Отрицательное богословие» (с. 103—146).
 - III. Божественное Ничто (с. 146—175).
 - Отдел второй. Мир (с. 176—276).
 - I. Тварность мира (с. 176—210).
 1. Тварность мира (с. 176—181).
 2. Тварное ничто (с. 181—192).
 3. Мир как теофания и теогония (с. 192—198).
 4. Время и вечность (с. 198—204).
 5. Свобода и необходимость (с. 204—210).
 - II. Софийность твари (с. 210—276).
 1. *Ἐοφία* (с. 210—234).
 2. Что такое материя? (с. 234—244).
 3. Материя и тело (с. 244—259).
 4. Природа зла (с. 259—276).
 - Отдел третий. Человек (с. 277—417).
 - I. Первый Адам (с. 277—334).

1. Образ Божий в человеке (с. 277—286).
2. Пол в человеке (с. 287—305).
3. Человек и ангел (с. 305—309).
4. Подобие Божие в человеке (с. 309—313).
5. Грехопадение человека (с. 313—320).
6. Свет во тьме (с. 320—328).
7. Ветхий завет и язычество (с. 328—334).
- II. Второй Адам (с. 334—349).
1. Миротворение и Боговоплощение (с. 334—341).
2. Спасение падшего человека (с. 341—349).
- III. Человеческая история (с. 349—410).
1. Конкретное время (с. 349—353).
2. Хозяйство и искусство (с. 353—358).
3. Хозяйство и теургия (с. 358—369).
4. Искусство и теургия (с. 370—390).
5. Власть и теократия (с. 390—401).
6. Общественность и церковность (с. 401—408).
7. Конец истории (с. 408—410).
- IV. Сверхение (с. 410—417).
132. Из мира религиозных созерцаний. Божественные гимны преподобного Симеона Нового Богослова. Сергиев Посад.— Русская мысль, 1917, № 5/6, с. 135—139.
133. Церковь и демократия. (Речь, произнесенная на первом Всероссийском съезде духовенства и мирян 2 июня 1917 г. в Москве). М., 1917.
134. Смысл Патриаршества в России.— Деяния, 1918, кн. 3, прилож. I от 28 октября 1918 г. с. 17—21.
135. Священный Собор Православной Российской Церкви. Проект воззвания к русскому народу.— Там же, прилож. III, с. 185—187.
136. Доклад о правовом положении Церкви в государстве Священному Собору Православной Российской Церкви.— Там же, прилож. IV, с. 6—13.
137. Доклад об отношении Церкви к Государству. (Составлено по поручению отдела).— Там же, с. 13—15.
138. Тихие думы. Из статей 1911—1915 гг. М., изд. Г. А. Лемана и С. А. Сахарова, 1918*.

II. Труды протоиерея Сергия Булгакова (1918—1943)

139. На пиру богов. Pro i contra. Современные диалоги.— В сб. статей: Из глубины ("De Profundis"). М., Пг., Русская мысль, 1918.
140. История экономических учений. Вып. 2, изд. 8-е. М., Высшая школа, 1919.
141. At the Feast of the Gods. Contemporary Dialogues. Trans. by A. G. Pashkov.— The Slavonic and East European Review, 1922—1923, vol. 1, No. 1, p. 172—183; No. 2, p. 391—400; No. 3, p. 604—622.
142. В Айна-Софии. (Из записной книжки).— Русская мысль, 1923, № 6/8, с. 229—237.
143. Об особом религиозном призвании нашего времени. (Вступление в чтения по богословию в Праге).— Духовный мир студенчества, (Прага), 1923, № 3, с. 5—11.
144. О путях и формах христианской активности.— Там же, с. 36—38.
145. «Новозаветное учение о Царствии Божием». Протоколы семинария проф. прот. С. Н. Булгакова.— Там же, с. 47—69.
146. Две встречи (1898—1924). (Из записной книжки).— Русская мысль, 1923/1924, № 9/10, с. 425—433.
147. The Old and the New. A Study in Russian Religion.— The Slavonic and East European Review, 1923/1924, No. 2, p. 487—513.
148. Церковное право и кризис правосознания. (Вступительная лекция, прочитанная на русском юридическом факультете в Праге 17 (30) мая 1923 г.)— Ученые записки, (Прага), 1924, I, № 3, с. 9—27.
149. Письмо Велеградскому съезду.— Последние новости, 1924, 13 августа, № 1319, с. 14.
150. Письмо митрополиту Евлогию (по поводу фельетона митрополита Антония Храповицкого).— Вечернее время, 1924, 20 сентября.

* Мы не приводим оглавления этого сборника, так как все его статьи были указаны нами выше, за исключением двух: «Сын Геси» и «Современное арианство».

151. Аскетизм в условиях студенческой жизни.— В сб.: Христианство и современная жизнь.— Духовный мир студенчества, (Париж), 1925, № 8.
152. Ипостась и ипостасность. (Scolia к «Свету Невечернему».)— В сб. статей, посвященных П. Б. Струве ко дню 35-летия его научно-публицистической деятельности, 30 января (1890—1925). Прага, Пламя, 1925, с. 353—371.
153. «Новозаветное учение о Царствии Божием». Протоколы семинария проф. прот. С. Н. Булгакова.— Духовный мир студенчества, (Прага), 1925, № 5, с. 48—60.
154. The Guardian of the House of the Lord. (To the memory of the Most Holy Patriarch Tikhon). An address delivered at Prague 27 Apr. 1925. Trans. by D. Mirsky.— The Slavonic and East European Review. 1925, vol. 4, No. 10, p. 156—164.
155. Östliches Christentum. Dokumente. Herausgegeben von N. V. Bubnoff und Hans Ehrenberg. Bd. 2. Philosophie. Kosmodizee (fragments). München, C. H. Beck, 1925.
156. Очерки учения о Церкви. I.— Путь, 1925, № 1, с. 53—78.
157. Очерки учения о Церкви. II. Обладает ли Православие внешним авторитетом догматической непогрешительности? — Путь, 1926, № 2, с. 47—58.
158. Очерк учения о Церкви. III. Церковь и «инославие».— Путь, 1926, № 4, с. 3—26.
159. Благодатные заветы преподобного Сергия русскому богословствованию.— Путь, 1926, № 5, с. 3—19.
160. Письмо профессору Гансу Эренбергу (по вопросу о православии и протестантизме).— Путь, 1926, № 5, с. 87—92.
161. Does Orthodoxy possess an outward Authority of Dogmatic Infallibility? — The Christian East, avr. 1926, No. 1, p. 12—24.
162. Светлый покров над миром. (Слово в день Покрова Пресвятой Богородицы, 1925).— Вестник (Париж), 1926, № 10, с. 3—6.
163. Святые Петр и Иоанн. Два первоапостола. Paris, YMCA-Press, 1926, (91 стр.).
164. Кулина Неопалимая. Опыт догматического истолкования некоторых черт в православном почитании Богоматери. Париж, YMCA-Press, 1927 (289 с.).
165. Друг Жениха. О православном почитании Предтечи (Ио. 3, 28—30). Париж, 1927 (277 с.).
166. Развитие церковного самосознания. Доклад. (Изложение Е. Скобцовой).— Вестник (Париж), 1927, № 12, с. 18—21.
167. Die Tragödie der Philosophie. Aus dem russischen Übers. von Al. Kresling.— Darmstadt, Otto Reichl Verlag, 1927.
168. L'Ancien et le Nouveau. Trad. de L. Godbert. L'Âme russe.— Cahiers de la Nouvelle journée, 1927, Nr. 8, p. 35—65 (см. 147).
169. Le Ciel sur la Terre.— Die Ostkirche, Sonderheft, Vierteljahrsschrift der Una Sancta, 1927, p. 42—63. (См. 328).
170. Объяснение, данное митрополиту Евлогию (по поводу послания Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей от 18 (31) марта 1927 г.).— Церковные ведомости, 1927, № 17/18 (122/123), с. 2—4; Церковный вестник Западно-европейской епархии, 1927, № 5, с. 21—30.
171. Le Ministère de l'Eglise.— J. Jezequel. Foi et Constitution, p. 296—303. Actes officiels de la conférence mondiale ed Lausanne. 3—21 août, 1927. Paris, 1928.
172. Östliches Christentum und Protestantismus. Ein Brief-Wechsel. Stuttgart. Religiöse Besinnung, 1928, 1, S. 5—22.
- 173а. Пречистое Материнство. (Слово на день Собора Пресвятой Богородицы. Посвящается русским матерям.) — Сергиевские листки, 1928, № 1.
- 173б. Двери покаяния.— Сергиевские листки, 1928, № 4, с. 4—5.
174. Главы о тронности.— Православная мысль, 1920, II, с. 25—85; 1928, I, с. 31—83.
175. Догматическое богословие.— Православная мысль, 1928, I, с. 213—215.
176. Сия есть благословенная Суббота. (Размышления пред Св. Пещаницей.) — Сергиевские листки, 1928, № 7, с. 14—17.
177. Слово на день Введения во храм Пресвятой Богородицы.— Сергиевские листки, 1928, № 15, с. 2—4.
178. О Царствии Божием. Доклад.— Путь, 1928, № 11, с. 3—30.
179. К вопросу о Лозаннской конференции. (Лозаннская конференция и энциклика папы Пия XI "Mortalium Animos".) — Путь, 1928, № 13, с. 71—82.
180. The Papal Encyclical and the Lausanne conference.— The Christian East, 1928, vol. 9, No. 3, p. 116—127.
181. Страстное Благовещение.— Вестник (Париж), 1929, № 3, с. 2—4.
182. Слово о Пятидесятнице.— Сергиевские листки, 1929, № 5 (21), с. 2—5.
183. Лестница Иаковля. Об ангелах. Париж, 1929, (230 с.).

184. Das Geistliche Amt.—Die Weltkonferenz für Glauben und Kirchenverfassung. Deutscher amtlicher Bericht über die Weltkirchen Konferenz zu Lausanne 3—21 August 1927. Herausgegeben von Hermann Sasse. Berlin, Furche-Verlag, 1929.
185. Очерки учения о Церкви. IV. О Ватиканском догмате.—Путь, 1929, № 15, с. 39—80; № 16, с. 19—48.
186. К вопросу о дисциплине покаяния и причащения. (По поводу тезисов проф. прот. о. Т. Налимова.) — Путь, 1929, № 18, с. 39—87; № 19, с. 70—78.
187. Творческий лик Церкви.—Вестник, (Париж), 1929, № 1/2, с. 3—5.
188. Церковь, Мир, Движение. Доклад.—Вестник, (Париж), 1929, № 11, с. 2—5.
189. Passion's Annunciation.—Journal of the Fellowship of St. Alban and St. Sergius, 1929, No. 4, p. 22—25 (см. 181).
190. On Original Sin.—Journal of the Fellowship of St. Alban and St. Sergius, 1929, No. 7, p. 15—26.
191. Евхаристический догмат.—Путь, 1930, № 20, с. 3—46; № 21, с. 3—33. (См. 333).
192. Православие и социализм.—Путь, 1930, № 20, с. 93—95.
193. Православный Богословский Институт в Париже.—Церковный вестник Западно-европейской епархии, 1930, № 1, с. 20—23.
194. Московскому университету ко дню его 175-летия.—Россия и славянство, 1930, № 61.
- 195а. Князь Г. Н. Трубецкой.—Церковный вестник Западно-европейской епархии. 1930, № 3, с. 9—12.
- 195б. Памяти кн. Г. Н. Трубецкого.—Вестник, (Париж), 1930, № 2, с. 3—4.
196. Догматическое обоснование культуры. (Речь на съезде Лиги православной культуры 17—19 мая 1930 г.)—Вестник, (Париж), 1930, № 7, с. 8—12.
197. Новый соблазн в христианском мире.—Воскресное чтение, 1930, № 12, с. 188—189.
198. Das Selbstbewusstsein der Kirche.—Orient and Occident, 1930, Nr. 3, S. 1—22.
199. Die Wesensart der Russischen Kirche.—Internationale Kirchliche Zeitschrift, 1930, Nr. 3, S. 181—185.
200. A sermon on Pentecost.—Journal of the Fellowship of St. Alban and St. Sergius, 1930, No. 7, p. 25—27. (См. 182).
201. Благословен Грядый Царь Израилев! (Размышления в день праздника Входа Господня в Иерусалим).—Сергиевские листки, 1930, № 4, с. 2—5.
202. Зов Апостольства. (Слово на день памяти св. первоверховных апостолов Петра и Павла, 29 июня.) —Сергиевские листки, 1930, № 7(33), с. 2—5.
203. Икона и иконопочитание. Догматический очерк. Paris, YMCA-Press, 1931.
1. Догмат иконопочитания и его история.
 2. Антиномия иконы.
 3. Искусство и икона.
 4. Божественный первообраз.
 5. Икона, ее содержание и границы.
 6. Освящение иконы и его значение.
 7. Почитание иконы.
 8. Разные виды икон.
204. Apostolische Sukzession, Eucharistie und kirchliche Einheit.—Hochkirche, Aug. 1931, Nr. 8, Sondernummer, S. 269—280.
205. Иуда Искарот — Апостол предатель.—Путь, 1931, № 26, с. 3—60; № 27, с. 3—42.
206. Judas or Saul? Trad. by B. Pares.—The Slavonic and East European Review, 1931, No. 27, p. 525—535.
207. Храм и град.—Вестник (Париж), 1931, № 1, с. 5—7.
208. Радость Креста.—Вестник (Париж), 1931, № 2, с. 5—9.
209. Православие и культура. (Доклад на съезде Лиги православной культуры. Сокращенная запись).—Вестник (Париж), 1931, № 10, с. 11—18.
210. One Holy, Catholic and Apostolic Church. (Conference address — High — Leigh, 16—21 April 1931).—Journal of the Fellowship of St. Alban and St. Sergius, 1931, No. 12, p. 17—31 and The Christian East, 1931, vol. 12, No. 3, p. 90—104.
211. Un théologien russe sur l'Église.—Yrénikon, 1931, vol. 8, No. 6, p. 690—706.
212. The Problem of the Church in Modern Russian Theology.—Theology, 1931, vol. 23, No. 134, p. 9—14.
213. Die Gottesmutter und die Ökumenische Bewegung.—Hochkirche, Sonderheft "Die Gottesmutter", 1931, Nr. 6/7, S. 243—246.
214. L'Orthodoxie et la vie économique. Stockholm, 1931, No. 3, p. 216—227.

215. Вечность и время. (Слово на Новый год.) — Сергиевские листки, 1931, № 1, с. 2—4.
216. Веселимся Божественно! — Сергиевские листки, 1931, № 4(42), с. 2—5.
217. Слово на Рождество Христово. 1930. — Сергиевские листки, 1931, № 12 (50), с. 2—4.
218. On primitive Christianity. — Journal of the Fellowship of St. Alban and St. Sergius, 1931, No. 14, p. 20—26.
219. Христианство перед современной социальной действительностью. (Речь в открытом собрании Религиозно-философской академии.) — Прилож. к журналу «Путь», 1932, № 32, с. 27—31.
220. О чудесах Евангельских. Paris, YMCA-Press. 1932.
 От составителя.
 1. О чуде.
 2. Чудеса Христовы.
 3. О делах человеческих.
 4. О Воскресении Христовом.
221. The Church and Non-Orthodoxy. — American Church Monthly, 1931, vol. 30, No. 6, p. 411—423; 1932, vol. 31, No. 1, p. 13—16.
222. Die Verwandlungslehre im Eucharistischen Dogma der Orthodoxen Kirche des Morgenlandes. — Internationale Kirchliche Zeitschrift, 1932, Nr. 3, S. 129—147.
223. Judas Ischarioth der Verräter-Apostel. — Orient und Occident, 1932, Nr. 11, S. 8—24. (См. 205).
224. Святой Грааль. (Опыт догматической экзегезы. Ио. XIX, 34). — Путь, 1932, № 32, с. 3—42.
- 225а. О Царствии Божием. — Сергиевские листки, 1932, № 5 (55), с. 2—4.
- 225б. О почитании св. мошей. — Сергиевские листки, 1932, № 6 (5), с. 10—13.
226. L'orthodoxie. — Paris, Librairie Félix Alcan, 1932, N. 8, (Les Religions). (См. 338).
227. The Church — Holy — “Soborny (Catholic)”. — The American Church Monthly, 1932, vol. 32, No. 6, p. 414—431.
228. On the Veneration of the Blessed Virgin. — Ashram Poona, Christa Seva Sangha Review, Special Women's Number, 1932, No. 2, p. 31—35.
229. The Work of the Holy Spirit in Worship. — The Christian East, 1932, vol. 13, No. 1, p. 30—42.
230. The Doors of Repentance. — American Church Monthly, 1932, No. 3, p. 183—186.
231. On the Sacrament of Penance in the Russian Orthodox Church. — Journal of the Fellowship of St. Alban and St. Sergius, 1932, No. 18, p. 12—15.
232. Агнец Божий. О Богочеловечестве. Ч. I. Paris, YMCA-Press, 1933, (473 с.).
 К читателю.
 Введение.
 Диалектика идеи Богочеловечества в святоотеческую эпоху (с. 7—111).
 I. Проблема христологии. Аполинарий Младший, епископ Лаодикийский (с. 9—30).
 II. Антиномия двуединства в христологии (с. 31—67).
 III. Халкидонский синтез (с. 68—94).
 IV. Догмат о двух волях во Христе (с. 94—111).
 Глава первая. София Божественная (с. 112—140). 1. Тварный дух. 2. Божеский дух. 3. Божественный мир. 4. Божественная София.
 Глава вторая. София тварная (с. 141—179). 1. Творение мира. 2. Вечность и время. 3. Человек. 4. Образ и подобие.
 Глава третья. Боговоплощение (с. 180—239). 1. Бог и мир. 2. Основание Боговоплощения. 3. Богочеловечество. 4. Две природы во Христе: София Божественная и София тварная.
 Глава четвертая. Эммануил и Богочеловек (с. 240—350). 1. Уничтожение Господа (кенозис). 2. Сослинение естеств (общение свойств и богомужнее действо). 3. Богочеловеческое самосознание Христа.
 Глава пятая. Дело Христово (с. 351—468). 1. Пророческое служение Христово. 2. Первосвященническое служение Христа. 3. Царское служение Христово.
233. Агнец Божий. Автореферат. — Путь, 1933, № 41, с. 101—105.
234. У кладезя Иаковля (Ио. 4, 23). О реальном единстве разделенной Церкви в вере, молитве и таинствах. — Сб. статей: Христианское воссоединение. Экуменическая проблема в православном сознании. Paris, YMCA-Press, 1933, с. 9—32.
235. By Jacob's Well (John IV, 23). (On the Actual Unity of the Divided Church in

- Faith, Prayer and Sacraments.) — Journal of the Fellowship of St. Alban and St. Sergius, 1933, No. 22, p. 7—17.
236. Душа социализма.— Новый град, 1932, № 1, с. 49—58; № 3, с. 33—45; 1933, № 7, с. 35—43.
237. На путях догмы. (После семи Вселенских Соборов.) Актовая речь в Православном Богословском институте в Париже в 1932 г.— Путь, 1933, № 37, с. 3—15.
238. Угль пламенеющий. (День преп. Серафима Саровского.) — Сергиевские листки, 1933, № 1 (63), с. 3—7.
239. The Eucharist and the Social Problems of Modern Society.— Journal of the Fellowship of St. Alban and St. Sergius, 1933, No. 23, p. 10—21.
240. Behold the Blessed Saturday. (Meditations before the sacraments of Our Lord.)— American Church Monthly, 1933, No. 4, p. 291—295. (См. 175).
241. Креститель и Иродиада. (Размышления на день Усекновения главы Предтечи.) — Сергиевские листки, 1933, № 8 (70), с. 2—5.
242. Почтенному Велеградскому съезду. (Acta VI Conventus Velehradensis.) Anno MСМXXXII, Olomucensis. Prague, 1933, p. 39—41.
243. Religion and Art.— The Church of God. An Anglo-russian Symposium by Members of the Fellowship of St. Alban and St. Sergius. Ed. by E. L. Mascall.— London, СПСК, 1934, No. 8, p. 175—191.
244. Das Lamm Gottes. Selbstanzeige.— Theologische Blätter, 1934, Nr. 7, S. 214—218.
245. О. Александр Ельчанинов.— Путь, 1934, № 45, с. 56—59.
246. Идея «Общего дела» (Н. Ф. Федорова).— Вестник (Париж), 1934, № 10, с. 9—18.
247. Нация и человечество.— Новый град, 1934, № 8, с. 28—38.
248. Сотница молитв ко Святой Троице и Господу Иисусу с созерцанием дел Божиих миру и человеку.— Сергиевские листки, 1934, № 3, (77), с. 2—9.
249. On Prayer to the Holy Spirit in the Orthodox Church.— Journal of the Fellowship of St. Alban and St. Sergius, 1934, No. 23, p. 25—28.
250. The Church Universal.— Journal of the Fellowship of St. Alban and St. Sergius, 1934, No. 25, p. 10—15.
251. Social Teaching in Modern Russian Orthodox Theology. The Twentieth Annual Hale Memorial Sermon.— Seabury Western Theological Seminary, 1934, No. 7, p. 28; The Living Church, 1934, vol. XCI, No. 26, p. 645—648.
252. The Bible and Tradition.— The Student world, 1934, vol. 27, No. 2, p. 135—143.
253. Spiritual Intercommunion.— Sobornost, 1934, No. 4, p. 3—6.
254. Слово, сказанное на отпевании тела о. А. Ельчанинова 27 августа 1934 г.— В сб. памяти о. А. Ельчанинова. Париж, 1935, с. 10—15.
255. Христианство и штейнерианство. О переселении душ. Paris, YMCA-Press, 1935, No. 16, с. 34—64.
256. О Софии, Премудрости Божией. Докладные записки, представленные митрополиту Евлогию весной 1927 г. и в октябре 1935 г. Paris, YMCA-Press, 1935, No. 8.
257. Das Sakrament der Busse in der Orthodoxen Kirche des Ostens.— Eine heilige Kirche, 17 Jg. der Hochkirche, 1935, Nr. 7/9, S. 228—232.
258. При реке Ховаре. (Речь на акте в день десятилетия Парижского Богословского Института.)— Путь, 1935, № 47, с. 66—70.
259. Иерархия и Таинства.— Путь, 1935, № 49, с. 23—47.
260. О молитве Св. Духу.— Сергиевские листки, 1935, № 6 (92), с. 2—5.
261. Эсхатология и прогресс.— Вестник (Париж), 1935, № 3, с. 33—40.
262. A. Prayer. Composed... for a special service of the Fellowship of St. Alban and St. Sergius at High-Leigh, 25—27 June 1935.— Sobornost, 1935, No. 3, p. 12.
263. Das Dogma in der Östlichen Orthodoxen Kirche.— Eine heilige Kirche, 1935, Nr. 4/6, S. 121—125.
264. Ways to Church Reunion.— Sobornost, 1935, No. 3, p. 7—15.
265. Слово в день Рождества Христов (1934/1935).— Сергиевские листки, 1935, № 1/2 (87/88), с. 2—3.
266. Смертию смерть поправ. (Диптих).— Сергиевские листки, 1935, № 4/5 (90/91), с. 2—5.
267. Вода, скачущая в жизнь вечную. (Слово в Навечерие Богоявления.)— Сергиевские листки, 1935, № 8, с. 3—6.
268. Знамение пещеры Вифлеемской. (Слово на Рождество Христово.)— Сергиевские листки, 1935, № 11/12 (97/98), с. 2—5.
269. Христос Воскресе! — Вестник (Париж), 1935, № 6/7, с. 3—5.
270. Утешитель. О Богочеловечестве. Часть II. Paris, YMCA-Press, 1936, (450 с.).

Введение.

К читателю.

Учение о Духе Святом в святоотеческой письменности (с. 7—63).

Первохристианство.

1. Послеапостольский век.

2. Апологеты.

3. Патристический век в пневматологии.

I. Тертуллиановский субординационизм и стоическая философия.

II. Космологический субординационизм в арианстве.

III. Онтологический субординационизм в учении о Св. Троице у Оригена.

IV. Омоусианство в тринитарной доктрине св. Афанасия Александрийского.

V. Учение о Св. Троице и Св. Духе у Каппадокийцев.

VI. Западная система омоусианского триничного богословия (блаженный Августин).

VII. Тринитарная и пневматологическая доктрина у св. Иоанна Дамаскина. Общие итоги. Глава первая. Место Третьей Ипостаси во Св. Троице (с. 65—92).

I. Троичность и Третья Ипостась. II. Таксис, или порядок Ипостасей в Св. Троице.

Глава вторая. Исхождение Св. Духа (с. 93—187).

I. Первая эпоха в учении об исхождении Св. Духа: *dia* и *que*.

II. Вторая эпоха в учении об исхождении Св. Духа: греко-латинская полемика.

Глава третья. О Духе Божиим и Духе Святом (с. 187—207).

Введение.

I. Дух Божий и Св. Дух в Ветхом Завете.

II. Дух Божий в Новом Завете.

Глава четвертая. Двоица Слова и Духа (с. 209—251).

I. В Божественной Софии.

II. В тварной Софии.

Глава пятая. Откровение Духа Святого (с. 253—405).

I. Кенозис Духа Святого в творении.

II. Боговдохновение в Ветхом Завете.

III. Боговдохновение во Христе.

IV. Пятидесятница.

V. Дары Пятидесятницы.

Эпилог. Пролог к первому и второму томам трактата о Богочеловечестве «Отец» (с. 406—447).

271. Утешитель. Автореферат.— Путь, 1936, № 50, с. 66—69.

272. Еще к вопросу о Софии, Премудрости Божией. (По поводу определения Архиерейского Собора в Карловцах.) — Путь, 1936, № 50.

273. *Rechenschaftsbericht... erstattet im Oktober 1935, an Metropolitan Evlogius.— Orient and Occident. 1936, 1, S. 1—27.*

274. *Memorandum presented... to the Metropolitan Eulogius. Abstracts by A. F. D.-B.— The Christian East, 1936, vol. 16, No. 1/2, p. 48—49.*

275. *La Religion orthodoxe.* Опубликовано в "Grand Memento Encyclopedique". Paris, Larousse, 1936, t. 1, p. 467—469 et t. 1, p. 573—574.

276. *The Lamb of God. A review by the Author.— Theology (London), 1936, No. 136, p. 23—26.*

277. Проблема «условного бессмертия». (Из введения в эсхатологию).— Путь, 1936, № 52, с. 3—23; 1937, № 53, с. 3—19.

278. *Freedom of Thought in the Orthodox Church.— Sobornost, 1936, No. 6, p. 4—8.*

279. *Zur Frage nach der Weisheit Gottes. Thesen zum Vortrag über die Sophiology, vorgelegt auf der englisch-russischen Theologen Konferenz in Mirfield "The Society of Resurrection", am 28 April 1936.— Kyrios, 1936, Nr. 2, S. 93—101.*

280. *Lasset ums Göttlicherweise freuen.— Eltheto, 1936, Nr. 7, S. 246—251. (См. 216).*

281. О светлой печали. (В преддверии Великого поста).— Сергиевские листки, 1936, № 1/9 (99/100), с. 2—6.

282. Радость разлучения.— Сергиевские листки, 1936, № 101, с. 2—6.

283. *Die Heiligenverehrung in der Orthodoxen Kirche des Ostens.— Eine heilige Kirche, Sonderheft (Die Heiligenverehrung der Christlichen Kirchen), 1936, Nr. 10/12, S. 300—305 (fragment).*

284. *The Wisdom of God. A Brief Summary of Sophiology. New York, The Paisley-Press et London, Williams and Norgate, 1937.*

285. Догма и догматика.— В сб. статей: Живое предание. Православие в современности. Paris. YMCA-Press, 1937, с. 9—24.
286. Die Christliche Anthropologie. Kirche, Staat und Mensch. Russisch-orthodoxe Studien und Forschungen des Oekumenischen Rates für Praktisches Christentum, Genf, 1937, S. 209—255.
287. The Ministry and Sacraments. Report of the Theological Commission appointed by the Continuation Committee of the Faith and Order Movement under the Chairmanship of Rt. Rev. A. C. Headlam, Bishop of Gloucester. Edited by the Rev. R. Dunkerley. London, SCM-Press, 1937, p. 95—123.
288. Жребий Пушкина.— Новый град, 1937, № 12, с. 19—47.
289. Сила Церкви.— Вестник (Орган церковно-общественной жизни), 1937, № 1/2, с. 38; 1938, № 1, с. 3—8.
290. The Veneration of the Virgin and the Edinburgh Conference.— Sobornost, 1937, No. 12, p. 28—29.
291. Животе, како умираеш?— Сергиевские листки, 1937, № 103, с. 2—5.
292. Радость церковная. Слова и поучения. Париж, изд. Братства имени преп. Сергия и объединения «Православное дело», 1938. (Содержит 29 слов и поучений).
293. The Orthodox Church. Trans. by E. C. Cram. Edited by D. H. Lowzie.— London. The Centenary Press, 1938, No. 8.
294. Лик Пушкина. (Речь на торжественном заседании Богословского института в Париже 28 февраля 1937 г.).— Петери, изд. «Путь жизни», 1938, № 8, с. 3—29.
295. A Brief Statement of the Place of the Virgin Mary in the Thought and Worship of the Orthodox Church. Presented to Section IV of the Edinburgh Conference.— Sobornost, 1937, No. 12, p. 29—31, and The Eastern Churches Quarterly Review, 1938, vol. 3, No. 2, p. 109—111.
296. The Incarnation and the Virgin Birth.— Sobornost, 1938, No. 14, p. 32—34.
297. On Past and Future. (Notes of a paper at the Fellowship conference. July, 1938.)— Sobornost, 1938, No. 15, p. 8—12.
298. Heaven—A Cave.— Journal of the Fellowship of St. Alban and St. Sergius, 1938, No. 3, p. 14—18.
299. Праздник богословия. (День собора свв. Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста).— Сергиевские листки, 1938, № 1, с. 3—7.
300. Frank Gavin.— Путь, 1938, № 56, с. 63—65.
301. Епископ Вальтер Фрир.— Путь, 1938, № 56, с. 66—68.
302. Una Sancta. (Основание экуменизма).— Путь, 1938/1939, № 58, с. 3—14.
303. Thesen über die Kirche. Procès verbaux du premier congrès de théologie orthodoxe à Athènes, 29 nov.—6 déc., 1936. Publiés par les soins du président prof. H. S. Alivisatos. Athènes, 1939, S. 127—134.
304. The Spirit of Prophecy. A paper read in S. Bulgakov's absence at the Fellowship conference 1939.— Sobornost, 1939, No. 19, p. 3—7.
305. Über die Verehrung der Gottesmutter in der Orthodoxie.— Die Schildgenossen, 1939, Nr. 146—157.
306. Некоторые черты религиозного мировоззрения Л. И. Шестова.— Современные записки, 1939, № 68, с. 305—323.
307. Благовещение— Гроб Господень.— Сергиевские листки, 1939, № 2, с. 6—8.
308. Hoc Signo Vincas. An open letter to the members of the Fellowship of St. Alban and St. Sergius. Paris, 23 nov. 1939.— Sobornost, 1940, No. 21, p. 23—26.
309. Was ist die Wirtschaft? Drei Kapitel aus einer Wirtschaftsphilosophie. Internationale Bibliothek für Philosophie. Periodische Sammelschrift. Periodisch herausg. von Boris Yakovenko. Bd. 5, Nr. 4. Prag, 1942, S. 121—154.
310. Крест Богоматери. (Из размышлений Страстной седмицы).— Богословская мысль, 1942, № 4, с. 5—24.
311. Du Verbe Incarne. (Agnus Dei). La Sagesse Divine et la Théanthropie. Vol. 1. Trad. par Constantin Andronikof.— Paris, Editions Aubier (Mouton), 1943. (См. 232).
312. Dogma und Dogmatik. Übers. von Th. Hümmerich.— Internationale Kirchliche Zeitschrift, 1943, Nr. 3/4, S. 139—158.

III. Труды протоиерея Сергия Булгакова, опубликованные после его смерти (1945—1982)

313. Вестна Агнца. О Богочеловечестве. Ч. III. Paris. YMCA-Press. 1945 (624 с.).
К читателю.
Отглед I. Творец и творение (с. 7—273).

Глава первая. Сотворение мира из ничего (с. 7—135). I. Космизм. II. Дуализм. III. Софийность мира. IV. Душа мира и ее ипостаси. V. Извечность и временность человека.

Глава вторая. Тварная свобода (с. 136—158).

Глава третья. Зло (с. 159—208). I. Тварная ограниченность и несовершенство. II. Тварная свобода как возможность добра и зла. III. Первородный грех.

Глава четвертая. Бог и тварная свобода (с. 209—273). I. Промысл Божий о мире. II. Промысл Божий о человеке. III. Божественная причинность и тварная свобода (синэргизм). IV. Проблема предопределения (praedestinatio et reprobatio). V. Бог и тварная свобода (синэргизм).

Отдел II (с. 274—406).

Глава пятая. Церковь (с. 274—341). 1. Существо Церкви (экскурс «О спасении»). 2. Церковь как иерархическая организация. 3. Границы сакраментализма. 4. Благодать.

Глава шестая. История (с. 342—377).

Глава седьмая. Смерть и загробное состояние (с. 378—406).

Отдел III. Эсхатология (с. 407—560).

Вступительные замечания. 1. Конец века сего. 2. Парусия. 3. Преображение мира. 4. Всеобщее воскресение. 5. Суд и разделение.

6. Вечное во времени (о вечности блаженства и мук). 7. Град Божий. Addenda (с. 561—586).

1. К вопросу об апокатастасисе павших духов (в связи с учением св. Григория Нисского). 2. Апокатастасис и теодицея. 3. Искупление и апокатастасис. Экскурс. Аугустинизм и предестинация (с. 587—621).

1. Учение бл. Августина о свободе и предопределении. 2. К характеристике аугустинизма. 3. О предопределении по ап. Павлу (Рим. VIII, 28—30 и Еф. 1, 3—12) в толковании бл. Августина.

314. Capita de Trinitate.— Internationale Kirchliche Zeitschrift, 1936, Nr. 3, S. 144—167; Nr. 4, S. 210—230; 1945, Nr. 1/2, S. 24—55.

315. Автобиографические заметки. Посмертное издание. (Предисловие и примечания Л. А. Зандера.) Paris, YMCA-Press, 1946 (167 с.).

Часть I (с. 5—57).

1. Моя родина. 2. Мое безбожие. 3. Мое рукоположение. 4. Моя жизнь в православии и в священстве.

Часть II (с. 59—147).

5. Зовы и встречи. 6. Из интимного письма. 7. Пять лет (1917—1922). 8. В Аяа-Софии (из записной книжки). 9. Две встречи (1898—1924). 10. На пароходе «Европа». 11. Дела и дни. 12. Моя болезнь (январь 1926).

Часть III (с. 149—165).

13. Из писем...

316. Le Paraclet. La Sagesse Divine et la Théanthropie. Vol. 11. Trad. du russe par Constantin Andronikof. Paris, Ed. Aubier (Montaigne), 1946. (См. 270).

317. On Love. (An extract from Jacob's Ladder).— Sobornost, 1946, No. 33, p. 24—25.

318. Из предсмертных писем.— Православная мысль, 1947, № 5, с. 153.

319. G. Curtis'у. (9 апреля 1938 г., по поводу смерти W. Frere).— C. Phillips and others. Walter Frere. A memoir. London, Faber, 1947, p. 197—198.

320. Mon ordination.— Bulletin mensuel du Seminaire académique de la Faculté catholique de Lille. nov.—déc. 1948 N. 1, p. 10—20.

321. Апокалипсис Иоанна. (Опыт догматического истолкования).— Paris, YMCA-Press, 1948 (353 с.).

322. О моих похоронах. (Завещание).— Православная мысль, 1951, № 8, с. 8—9.

323. Слово на Успение Пресвятой Богородицы.— Вестник, (Париж), 1952, № 3, с. 5—7.

324. День преп. Серафима.— Вестник, (Париж), 1953, № 26, с. 3—4.

325. Философия имени. Предисловие редактора (Л. Зандера). Paris, YMCA-Press, 1953.

326. Видения и Откровения Господни.— Вестник, (Париж), 1955, № 37, с. 2—5.

327. Die Lehre von der Kirche in Orthodoxer Sicht. Übers. von Th. Hummerich.— Internationale Kirchliche Zeitschrift, 1957, Nr. 3, S. 168—200.

328. Небо на земле. (Прага, май 1925 г.).— Вестник, (Париж), 1958, № 48, с. 3—11; № 49, с. 13—23.

329. Le jour du Sabbat Béni. (Méditation devant le Sépulcre).— Le Messager orthodoxe, 1959, N. 5, p. 2—6. (См. 175).

330. The Vatican Dogma. Intr. by L. A. Zander.—South Canaan, Pa, St. Tikhon, Press, 1959, No. 16.
331. Mein Leben in der Orthodoxie und im Priesteramt.—Kirche in Osten, 1959, Nr. 2, S. 50—61.
332. Le Dogme du Vatican, Trad. du russe par I. Rovère.—Le Messenger Orthodoxe, 1959, N. 6, p. 19—133; N. 7, p. 30—41, N. 8, p. 11—22; 1960, N. 10, p. 18—26.
333. The Eucharistic Dogma. Trans. and abridged by N. Hill.—Sobornost. 1960, p. 4, No. 2, p. 66—77.
334. Письмо Н. А. Бердяеву.—Мосты, 1961, № 8, с. 255.
335. Письмо Л. И. Шестову.—Там же, с. 259.
336. Зов Апостольства. (Слово на день памяти св. первоверховных апостолов Петра и Павла, 29 июня).—Русско-американский православный вестник, 1963, № 7, с. 97, 109—110.
337. Das Eucharistische Dogma.—Kyrios, 1963, Nr. 1, S. 32—57; Nr. 2, S. 78—96. (См. 191).
338. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Paris, YMCA-Press, 1965. (Опубликованы сначала на фр. яз.—см. 226).
- Л. Зандер. Отец Сергей Булгаков. Краткий очерк его жизни и творчества (с. 5—26).
- Церковь (с. 27—42).
- Церковь как Предание (с. 43—92).
- I. Священное Писание и Священное Предание.
- II. О каноне.
- III. О церковном Предании.
- О церковной иерархии (с. 93—133).
- О внешнем непогрешительном авторитете в Церкви (с. 133—200).
- Единство Церкви (с. 201—214).
- Святость Церкви (с. 215—222).
- Вероучение (с. 223—242).
- О таинствах. Освящающая сила Церкви (с. 243—252).
- Почитание Богоматери и святых в Православии (с. 253—276).
- Богослужение в Православии (с. 277—296).
- Икона и иконопочитание в Православии (с. 297—307).
- Мистика в Православии (с. 308—323).
- Этика в Православии (с. 324—330).
- Православие и государство (с. 331—344).
- Православие и хозяйственная жизнь (с. 345—369).
- Православие и апокалиптика (с. 370—379).
- Православная эсхатология (с. 380—390).
- Православие и инослаvie (с. 391—399).
- Заключение (с. 400—403).
339. Божественная София. (Агнец Божий. Фрагмент).—В сб.: С. Л. Франк. Из истории русской философской мысли конца XIX и начала XX века. Вашингтон—Нью-Йорк, Inter-Language Literary Associates, 1965, No. 8, p. 213—222.
340. Les Miracles de l'Évangile.—Le Messenger orthodoxe, 1965, N. 31, p. 5—16.
341. La résurrection.—Le Messenger orthodoxe, 1966, N. 36, p. 2—20.
342. Meine Ordination.—Kirche in Osten. 1966, Nr. 9, S. 22—30.
343. The Church as Tradition.—New York, Metropolitan Council Publications Committee, 1966. (Orthodox Education Service, No. 14).
344. Радость разлучения.—Русско-американский православный вестник, 1966, № 5, с. 65—66.
345. Письмо Н. О. Лосскому.—В кн.: Н. О. Лосский. Воспоминания. Мюнхен, 1968, с. 273—274.
346. L'Ami de l'Époux.—Le Messenger Orthodoxe. 1968, N 42/43, p. 46—60.
347. Grundsätzliches über die Heiligenverehrung in der Orthodoxen Kirche des Ostens.—Evangelisches und Orthodoxes Christentum in Begegnung und Auseinandersetzung (Hamburg, 1952, S. 219—227) und Orthodoxe Stimmen (1969, Nr. 62, S. 8—13).
348. A collection of Articles... for the Fellowship of St. Alban and St. Sergius and now reproduced to commemorate the 25-th Anniversary of the death of this great Ecumenist (S. Bulgakov). (Introduction by N. Zernov). London, The Fellowship of St. Alban and St. Sergius, 1969, No. 4.
349. Voies pour la Reunion de l'Église.—Instina, (Paris), 1969, No. 2, p. 238—245. (См. 264).

350. L'Église comme organisation sacramentelle et hiérarchique (fragment).— *Le Messager orthodoxe*, 1969, No. 46/47, p. 21—44.
351. Вхождение во храм со Пресвятой Богородицей.— *Вестник (Париж)*, 1969, № 93, с. 51—54.
352. Памяти кн. Е. Н. Трубецкого.— *Вестник (Париж)*, 1970, № 97, с. 145—147.
353. Слово Пасхальное.— *Вестник (Париж)*, 1971, № 99, с. 22—25.
354. Восхождение ко Христу.— *Вестник (Париж)*, 1971, № 100, с. 31—33.
355. Письма М. О. Гершензону (12—20 апреля 1897 г.).— *Вестник (Париж)*, 1971, № 101/102, с. 69—70.
356. Из переписки с Л. А. и В. А. Зандер.— Там же, с. 71—84.
357. О последних днях отца Сергия. (Запись очевидца).— Там же с. 85—86.
358. Трагедия философии. О природе мысли. (Перевод 1-й части книги прот. С. Булгакова на немецком языке "Die Tragödie der Philosophie", выполненный А. Креслингом).— Там же, с. 87—104.
359. Центральная проблема софиологии. Перевод Л. Зандера.— Там же, с. 104—108.
360. Мариология в Четвертом Евангелии. (7-я глава «Богословия Иоанна Богослова»).— Там же, с. 109—114.
361. В предвечии Великого поста.— Там же, с. 115—117.
362. Вечеря Агнца.— Там же, с. 117—119.
363. У гроба Господня.— Там же, с. 119—123.
364. О подвиге радости.— Там же, с. 124—125.
365. Священник о. Павел Флоренский.— Там же, с. 126—135.
366. Письмо П. Струве.— Там же, с. 136—137.
367. Угль пламенеющий.— *Русско-американский православный вестник*, 1971, № 7/8, с. 110—113.
368. Sur l'Ami Céleste. Extrait de l'Échelle de Jacob.— *Le Messager orthodoxe*, 1972, No. 57, p. 49—59.
369. Deux rencontres (1898—1924).— Там же, 1972, p. 60—65 (Fragment).
370. Picasso ou "Le Cadavre de la beauté" (1914). Extraits choisis et traduits par Emile Simond.— Там же, p. 65—71.
371. La Vénération des Icones.— Там же, p. 72—73.
372. Письмо Е. Герцык (по случаю смерти А. Герцык).— В кн.: Е. Герцык. Воспоминания. Paris, YMCA-Press, 1973, с. 152—153.
373. Il Paraclito. Trad. italiana dal russo a cura di Fausta Marchese, introduzione di Cesare Bori. Bologna, Edizioni Dehoniane. (Collana biblica, Epifania della Parola), 1974.
374. Meine Heimat. Übers. von R. Stupperich.— *Kirche im Osten*, 1975, Nr. 8, S. 11—19.
375. Ikona i kult ikon w Prawosławiu.— *Wiadomości Polskiego Autokefalicznego kościoła prawosławnego*, 1975, N. 1/2, s. 33—40.
376. Le Saint Graal. (Jean 19, 34). Trad. par C. Andronikof.— *Contacts*, 1975, N. 28, p. 281—318. (См. 224).
377. Слово, сказанное пред молебствием о Святейшем Патриархе Тихоне в храме Св. Николая в Праге 27 мая 1923 г.— *Вестник (Париж)*, 1975, № 115, с. 91—96.
378. Россия. Эмиграция. Православие.— *Вестник (Париж)*, 1975, № 116, с. 155—165.
379. A Bulgakov Anthology. Edited by J. Pain and N. Zernov. London, SPCK, 1976.
380. Sozialismus in Christentum? Eingeleitet, übersetzt und herausgegeben von Hans Jürgen Ruppert. Göttingen, Vandenhoech Ruprecht, 1977.
381. Два избранных: Иоанн и Иуда, «Возлюбленный» и «Сын погибели».— *Вестник (Париж)*, 1977, № 123, с. 11—31.
382. The Church's Ministry.— В кн.: H. N. Bate. Faith and Order, p. 258—263. Proceedings of the World Conference, Lausanne, August 3—21. 1927.— London, Student Christian Movement (1927, No. 8) and The Orthodox Church in the Ecumenical Movement. Documents and Statements 1902—1975. Edited by Constantin G. Patelos (Geneva, World, Council of Churches, 1970, p. 166—171).
383. Этика в Православии.— *Церковный вестник*, 1978, № 9, с. 32; № 10/11, с. 53—54.
384. Софиология смерти — *Вестник (Париж)*, 1978, № 127, с. 18—41; 1979, № 128, с. 13—32.
385. Choroba — Śmierć.— *Zycie*. Trad. H. Paprocki.— *Novum*, 1979, N. 11, S. 148—177.

386. Из «Дневника».— Вестник (Париж), 1979, № 129, с. 237—268; № 130, с. 256—274.
387. В. В. Розанову. (Семь писем 1914—1915 гг.).— Вестник (Париж), 1979, № 130, с. 168—176.
388. Мистика в Православии.— Церковный вестник, 1979, № 3, с. 9—15.
389. Письмо М. С. Шагинян (28.VI.1909).— Новый мир (1973, № 6, с. 130—131) и в кн.: М. Шагинян. Человек и время. История человеческого становления (М., Художественная литература, 1980, с. 288—290).
390. "Una Sancta". I fondamenti dell'ecumenismo.— Russia Cristiana, 1981, N. 6, p. 60—71.
391. La Vénération des Saintes Reliques.— Le Messager orthodoxe, 1981, N. 89, p. 39—41.
392. Богословие Евангелия Иоанна Богослова.— Вестник (Париж), 1980, № 131, с. 10—33; 1981, № 134, с. 59—81; № 135, с. 26—37; 1982, № 136, с. 51—67, № 137, с. 92—107.
393. La Fiancée de l'Époux. Chap. VI. Trad. de C. Andronikof.— Le Messager orthodoxe, 1982, N. 90. p. 3—36.

Готовятся к печати:

394. Евхаристическая жертва.
395. Православный Восток и Епископальная Церковь.
396. Страшный Суд над человечеством, как разделение в нем.
397. Христос в мире.

IV. Цитированные труды различных авторов

398. *Арсеньев Н.* Памяти о Сергия Булгакова.— Вестник (Париж), 1971, № 101/102, с. 61.
399. Митрополит *Евлогий (Георгиевский)*. Сб.: Памяти о Сергия Булгакова. (Mgr. Euloge aux obseques, 15 juillet 1944, In memoriam). Париж, 1945, с. 19.
400. Митрополит *Евлогий (Георгиевский)*. Путь моей жизни. Воспоминания, изложенные по его рассказам Т. Манухиной. Paris, YMCA-Press, 1947.
401. *Зандер Л. Н.* Бог и мир. (Мирозозерцание отца Сергия Булгакова). Том I. Paris, YMCA-Press, 1948.
402. *Зеньковский В. В.* История русской философии. Том II. Paris, YMCA-Press, 1950.
403. Игумен *Тихон и В. Никитин*. Экуменическое движение и Русская Православная Церковь до ее вступления во Всемирный Совет Церквей.— Журнал Московской Патриархии, 1983, № 10, с. 72—73; № 11, с. 59—68, № 12, с. 60—66.
404. Игумен *Тихон и В. Никитин*. Экуменизм в 1945—1961 годах и вступление Русской Православной Церкви во Всемирный Совет Церквей.— Журнал Московской Патриархии, 1984, № 1, с. 69—72; № 2, с. 59—67.
405. *Ильин Вл. Н.* Памяти о Сергия Булгакова. (Статья Е. Бер-Сижель "In Memoriam"). Перевод с французского.— Вестник (Париж), 1971, № 101/102, с. 61—64.
406. А. Князев, прот. Памяти о Сергия Булгакова.— Там же, с. 56—57.
407. *E. Cothenet*. La Tradition Johannique. Introduction a la Bible, T. III. Introduction critique au Nouveau Testament sous la direction de A. George et P. Grelot. Vol. IV, Partie II, 1977, Declee (330 с).
408. *Naumov Kliment*. Bibliographie des oeuvres de Serge Boulgakov. Paris, Institut d'Études Slaves, 1984.
409. *П. Флоренский*, свящ. Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М., 1914.
410. А. Шмеман, прот. Три образа.— Вестник (Париж), 1971, № 101/102, с. 9—24.